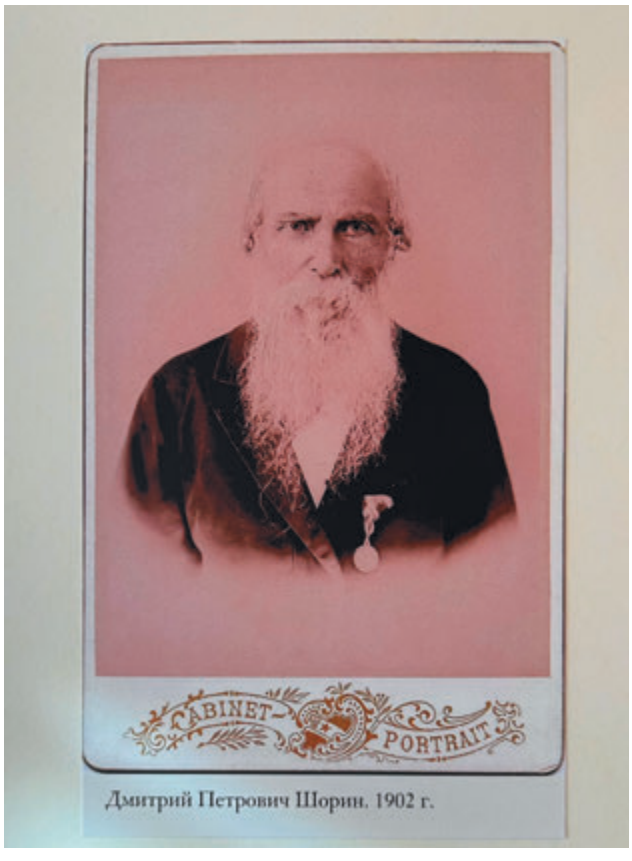
ISSN 2658-7920

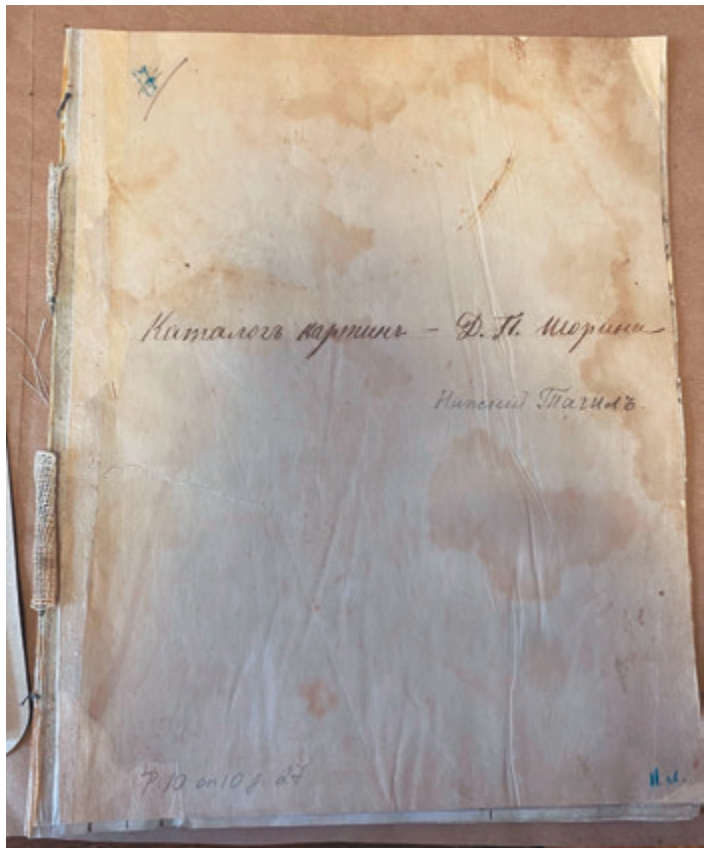
ВЕСИ

№ 4,
2026

Дмитрий Петрович Шорин. 1902 г.

Д.П.Шорин.

Каталог картин Д.П.Шорина

Нижний Тагил. Вид на памятник Н.Н.Демидову, завод и Лисью гору. Конец XIX века

«ЕГИПЕТСКОЕ ИГО» ГЛАВНОГО КАССИРА НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО ЗАВОДА ДМИТРИЯ ПЕТРОВИЧА ШОРИНА (1817–1907) И ЕГО БРАТЬЕВ, ПОТОМКОВ КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНИНА ИВАНА ЛЕОНТЬЕВА-ШОРЫ (1750–1802)

«Поздравьте дядюшку Николая Петровича с освобождением от «Египетского Ига». Дело о моей свободе в таком же виде, как и ваше… Я так раздражен, так жажду существенно ощутить свою свободу, что почти не радуюсь на обещания, сколько они не достоверны».

Из письма, написанного в декабре 1857 году
Федором Петровичем, младшим братом
Дмитрия Петровича Шорина

В 1857 году «за отличную усердную и полезную службу» Д.П.Шорина вместе с женой и детьми освобождают от крепостной зависимости. Полученная за тяжкие труды вольная от заводовладельцев Демидовых облегчает положение Шорина. Дмитрий Петрович, как и его старший брат Николай, остается в Нижнем Тагиле и продолжает служить на заводах. Но теперь он записывается в мещанское сословие города Алапаевска, а в 1872 году переходит в верхотурское купечество.

В 1857 году Д.П.Шорину 42 года, он проживет долгую жизнь, насыщенную службой на заводах, краеведческими изысканиям, археологическими поисками, увлечением минералогией, пополнением личного собрания картин и трудами на общественное благо. Но из отпущенных ему 90 лет, лучшая часть жизнь будет прожита на положении потомственного крепостного крестьянина господ Демидовых. Есть сведения, что еще его прадед – Иван Леонтьев был крепостным крестьянином, переведенным в 80-х годах восемнадцатого столетия из вотчин Акинфия Никитича Демидова (1678–-1745) на Урал.

В «Ревизской сказке крепостных Нижнетагильского завода» 1782 года (ГАСО Ф. 643 оп. 1 д. 315) записан «переведенный из разных господина Демидова вотчин крестьянин из Нижегородского наместничества округа Васильевского и деревни Черемисино, Иван Леонтьев – 32 лет». В «Ревизской сказке» 1795 года (ГАСО Ф. 645 оп. 1 д. 315) к имени служителя заводов Ивана Леонтьева приписано: «приватно – Шора», прозвище, в дальнейшем ставшее родовой фамилией «Шорин».

Со второй женой Авдотьей Петровой (первая жена умерла) у служителя Ивана Леонтьева-Шоры в 1789 году родился сын Петр. Петр Шорин, получив обычное для детей служителей образование, дослужился от писца при конторе до показчика, ведающего припасами Висимо-Шайтанского завода. К 1847 году в формулярных списках служителей, в разное время обучавшихся в Выйском заводском училище, с отцом Петром Ивановичем Шориным, закончившим училище первым в роду, последовательно записаны и шесть его сыновей: Николай, 34-х лет на службе с 1829 года; Иродион 31-го года на службе с 1830 года; Дмитрий 30-ти лет на службе с 1833 года, Федор 28-ми лет на службе с 1841года, Александр 25-ти лет и Порфирий 21-го года на службе с 1843 года.

Дмитрий Петрович Шорин, как и старшие братья, в восьмилетнем возрасте стал учеником Выйского заводского училища. Выйское училище давало хорошее разностороннее образование. Кроме таких дисциплин, как грамматика, чистописание, история, геометрия, минералогия, арифметика, геология, там преподавались уроки рисования и живописи. Поэтому из стен заводского училища выходили специалисты с широким набором профессиональных навыков.

«Формулярный список служащего Дмитрия Петровича Шорина» на 1847 г. фиксирует его продвижение по должностям: «На службе с 1833 года: писец – 2 года, помощник повытчика – 2 года, старший помощник бухгалтера – 3/4 года. В Санкт-Петербургской конторе в 1839 году – 1 год под руководством приглашенного специалиста изучал итальянскую бухгалтерию (итальянец, монах бенедиктинец, Лука Пачоли, современник Леонардо да Винчи, изобрел двойную запись и был автором трактата «О счетах и записях», опубликованном в 1494 году в Венеции, – прим автора), затем старший помощник бухгалтера – до 1847 года».

В 1847 году Шорин назначается на новую должность – главного кассира, но без прибавки к жалованью необходимых трат на содержание лошади и кучера для разъездов на почту за получением денег и посылок, в питейную контору за разменом крупных ассигнаций на мелочь и потерь в связи с невыгодным курсом обмена ассигнаций на серебряные или медные деньги.

В 1883 году, прослужив 50 лет у Демидовых, он покорно «просит погасить или принять в счет расходов управления долг, числившийся за ним из-за несовершенства финансовых расчетов и операций», и отмечает: «За время кассирских занятий через мои руки прошло не менее 200 миллионов заводских капиталов, и несколько тысяч пудов медной и серебряной монеты пришлось мне собственноручно вложить в сундуки и вынимать для выдачи другим кассирам, вследствие чего явилось болезненное ослабление рук до невозможности поднимать тяжести, а вследствие постоянного тревожного состояния и частых испугов тем, что я обманут или обокраден, хотя бы это казалось после ошибкой или забвением записать какую-нибудь оборотную статью, явилась у меня опасная неправильность сердцебиения, называемая обмиранием сердца». (Из письма Д.П.Шорина Жонесу де Спонвилю. Архив Нижнетагильского краеведческого музея Ф. 10. Опись 10).

Елена Черная, Ольга Халяева

(Окончание на стр. 30–35)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артёмов
д.и.н. С.В.Голикова
Б.А.Долинго
В.Н.Ермолаев (Тавда)
д.и.н. В.В.Запарий
к.и.н. С.А.Корепанова
д.и.н. Г.Е.Корнилов
к.и.н. В.Н.Кузнецов
Л.А.Ладейщикова
Я.С.Недвига
(художественный редактор)
к.и.н. Б.Б.Овчинникова
О.В.Птиченко
чл.-кор. РАН, д.и.н. И.В.Побережников
д.и.н. Д.А.Редин
С.П.Садовников
(Москва)
Б.В.Соколов
(Ярославль)
С.И.Симонов
(Каменск-Уральский)
А.А.Федотов (Саратов)
Е.А.Фролова (Москва)
С.Тенятников (Москва)
Е.И.Щупова
Ю.В.Яценко

Корректор номера
Анна Андреева

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и со ссылкой на журнал «Веси».
Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах журнала без дополнительного согласования с автором.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются на правах рекламы.

На обложках:
(1) Русоволосая головка. Художник Жан Батист Грез. НТМЗ
(4) Церковь Александра Невского. Поклонный крест Д.П.Шорину
Выпущен в свет 29.05.2026 г.

18+

Отпечатано в ООО Универсальная типография «Альфа Принт» 620049, Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. www.alfaprint24.ru

Тираж 2500 экз.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Я всегда говорю, что прежде, чем что-то обсуждать, нужно определиться с терминами. Если назвать вещь неправильно, можно обречь себя на непонимание, иллюзии и даже страхи. История «Искусственного Интеллекта» – ярчайшее тому подтверждение.

Сам термин появился в 1956 году на конференции в Дартмутском колледже благодаря исследователю в области компьютерных наук, основателю функционального программирования и изобретателю языка Lisp Джону Маккарти. Ему и его коллегам нужно было звучное имя для заявки на финансирование, чтобы исследовать, как заставить машины решать задачи, использовать язык и формировать абстракции. Если бы они, например, назвали это «автоматической обработки данных», история была бы другая.

Прошло почти семь десятилетий. Развитие технологий совершило колоссальный рывок, но современные нейросети интеллектом (от латинского intellectus – познание, понимание, рассудок) так и не стали. Этот «цифровой рекомбинатор» перемалывает петабайты человеческого наследия, но он не способен оперировать моделью мира. Он не творит новый стиль, а с невиданной скоростью перерабатывает, это свернутая до математического автоматизма чужая логика, а не наитие.

Однако магия неверного названия сделала своё дело. Массовое сознание попало в двойную ловушку. С одной стороны – страх перед «восстанием машин». Масла в огонь подливали и писатели-фантасты: Артур Кларк с романом «2001: Космическая одиссея», Роджер Желязны с повестью «Возвращение палача», Айзек Азимов, Гарри Гаррисон со сборниками рассказов. Ведь никому в голову не придет бояться, что его поработит карманный калькулятор, но перед ИИ трепещут, ожидая апокалипсиса.

С другой стороны – ложная любовь. Люди ищут в бездушном рекомбинаторе живое тепло, влюбляются в чат-ботов и ждут от них сочувствия. Это порождает опасную форму зависимости, а когда на экране выплывает «лимит чата исчерпан» – разбивает сердца.

Название «Искусственный Интеллект» сегодня – это не научный термин, а маркетинговый фантом. Оно обещает то, чего нет. Истина куда прозаичнее: мы создали самый быстрый в мире плагиатор с феноменальной памятью, лучший в истории человечества инструмент для ремиксов. Инструмент, а не творец. Стоит добавить, что хоть это и не интеллект, мощь его уникальна. Именно потому, что это не разум, а инструмент, его сила и уникальность в том, чего лишен человек, – в абсолютной, нечеловеческой усидчивости и масштабе. А лекарство от страхов и иллюзий простое: назвать вещь своим именем.

Как хорошо, что авторы нашего журнала – талантливые писатели и журналисты. Вдохновляясь, они создают то, чего никогда не было.

Приятного чтения.

Татьяна Богина,
главный редактор.

ВЕСИ

№ 4
(222)` 2026
май

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Елена Черная, Ольга Халяева
«Египетское иго» главного кассира Нижнетагильского завода Дмитрия Петровича Шорина (1817–1907) и его братьев, потомков крепостного крестьянина Ивана Леонтьева-Шоры (1750–1802) 1, 28
Сергей Хасанцев
«Бомбер» 4
Олег Чебыкин
В отрогах Малого Хин-Гана 13
Максим Ершов
Деревня партизанской славы 24
Екатерина Ивушкина
Кирпичи 36
Интервью взяла Дарья Кезина
Сердце под лучом: 40 лет уроков Чернобыля и будущее радиационной медицины на Урале 38
Алексей Христов
Нелихие 1990-е: детские воспоминания о недетском времени 44
Сергей Пестов
Фабрика граммофонных пластинок в Свердловске 60

Журнал награжден медалями:

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

United Nations Educationa, Scientific and Cu tura Organization

Wor d Federation of UNESCO c ubs, centers and associations

РОССОТРУДНИЧЕСТВО · ROSSOTRUDNICHESTVO

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

«БОМБЕР»

Сергей ХАСАНЦЕВ

Профессиональный военный. Свою трудовую деятельность поделил на две части. Первую половину учился профессионально воевать, а вторую половину осваивал профессию спасателя. Этот рассказ появился экспромтом за один вечер, соединив воедино два эпизода, произошедших с разницей почти в тридцать лет. Живет в Москве.

Отпуск двадцать четвертого года я решил вместе с женой и своими мальчишками, сыном и внуком, провести в военном санатории на побережье Черного моря. Последние пять лет каждый отпуск мы проводили в местах, оставивших в моей памяти самые яркие картины своего времени. А возможность поплюхаться в море, еще только наполняющемся летним теплом, привело мальчишек в восторг.

Вылетев около восьми утра из Москвы, к пятнадцати часам мы уже обустроились в просторной комнате первого этажа главного санаторного корпуса. Мальчишки похватали полотенца и исчезли в направлении фуникулера, с завидным упрямством продолжающего доставлять отдыхающих к пляжу и возвращать их обратно к спальным корпусам. Супруга, плохо переносящая столь стремительные перемещения в пространстве, умоляюще глядела в мою сторону с надеждой спровадить и меня вслед за пацанами. Я не стал ее разочаровывать. Натянув поверх плавок шорты, сунул ноги в истрепанные алтайскими речками и ручьями опорки, прикрыл голову панамой с надписью «Байкал», сунул в карман паспорт с санаторной книжкой, сигареты и покинул номер.

Пройдя через проходную, повернул направо и увидел то, что еще яркими пятнами оставалось в моей памяти после последнего нашего пребывания в этом приморском солнечном городе. Вот хинкальная. Она стояла на старом месте. Зашел в зал. Хозяин, как и прежде, сидел за своим столиком у входа на кухню. Зал был заполнен посетителями наполовину. Кивнул хозяину, тот в ответ даже приподнялся со своего места, очевидно, что-то вспоминая. У барной стойки выпил стакан местного тархуна и вышел на улицу. Недалеко от хинкальной группа отдыхающих баловалась кофе потурецки. Дальше небольшие магазинчики с сочинскими сувенирами, пляжными прибамбасами, мороженым и прочей мелочью. Мало что изменилось.

Теперь на пляж. Прошел по туннелю к берегу и увидел своих пацанов. Они меня тоже заметили, помахали руками приличия ради и вернулись к своим разговорам.

У душевых кабин поискал глазами урну, закурил. Метрах в десяти на деревянном лежаке полулежал седой мужчина лет под пятьдесят с хвостиком, с улыбкой наблюдая за голубоглазым с пшеничной шевелюрой карапузом. Тот увлеченно строил галечные терриконы, затем рушил их ударом желтой лопаточки и сразу же возобновлял этот процесс, но уже ближе к облизывающей горячий берег морской волне. Во всей его детской суете явно угадывалась попытка прорваться к воде. И повторялась она, очевидно, уже не единожды. А главным препятствием на пути к ее осуществлению, конечно же, был этот самый седой мужчина. Меня заинтересовала эта игра. Я решил подождать развязки.

Вот малыш вдруг замер, несколько секунд внимательно смотрел на лежащего с прикрытыми глазами мужчину, затем развернулся к морю и начал выпрямляться. И тут же раздался бархатный женский голос:

– Ванечка! Не смей!

Но для малыша это прозвучало как команда «Вперед!» Откинув головку, смешно косолапя полненькими короткими ножками, отчаянно балансируя на разъезжающихся прибрежных камешках, он стремительно рванул к набегающей волне. Еще несколько секунд, и он у цели.

– Бомбёр! Стоять! – -глухо, но ровно прозвучал мужской голос. И малыш остановился, медленно поворачиваясь к мужчине. Нижняя губешка заметно дрожала, было обидно. И эта, видно, не первая попытка сорвалась.

– Мы же договаривались. Хочешь в море, скажи. Пойдем вместе. – Мужчина встал и, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, подошел к мальчугану, взял его за руку, зашел в воду по колено. – Вот теперь давай на взлет! Запустить двигатели!

Малыш что-то пролепетал, плюхнулся на вытянутые руки мужчины и забарабанил ножками по воде.

Мужчина забурчал, вероятно, изображая гул двигателей самолета, и малыш заскользил вытянутым маленьким тельцем сначала вперед, затем назад и снова вперед, и снова назад. Они, слившись воедино, действительно скользили по вспененной поверхности. Женщина, вытянувшись в струнку, подалась вперед. Ее голубые, как у малыша, глаза заискрились. Она что-то начала шептать, очевидно, обращаясь к малышу, но пляжный гул уносил ее едва различимые слова.

Что-то потянуло и меня к этой омываемой прибрежной волной необычайно колоритной живой композиции – матерый, истерзанный жизненными передрягами мужчина и прижавшийся к его рукам малыш, сильно напоминающий ангелочка, сошедшего с полотен старых мастеров. Мои мальчишки тоже подошли поближе.

Было заметно, что мужчина явно устал, однако, подчиняясь желанию малыша, с места не двигался.

Я подошел вплотную к акванавтам.

– Извините, пожалуйста! Может быть ваш пилот примет помощь нового экипажа? – кивнул в сторону подходивших ребят.

– А почему бы и нет! Иван, покупаешься с ребятами?

Малыш с недоверием посмотрел на мужчину, затем перевел взгляд на женщину. Та, соглашаясь, кивнула головой. Мой Иван шагнул к ангелочку, протянул ему руку.

– Меня тоже зовут Иваном, а этого парня, – он обернулся к Володе, – зовут Вовка. Полетим?

Малыш доверчиво протянул им ручонки, и они потянули его за собой, то слегка удаляясь от берега, то стремительно набегали на берег, круто разворачивались и уходили от береговой кромки. Так продолжалось минут десять. Пора было возвращаться к солнцу на обогрев. Малыш на берегу не желал расставаться с новым экипажем и рук ребят не выпускал.

– Строим аэродром, а потом, когда согреешься на солнышке, снова будем осваивать море. Согласен? – с серьезным выражением на лице заговорил Володя.

Малыш был согласен на все. Он схватил лопатку, просеменил к женщине, что-то с придыханием пролепетал ей и присоединился к усевшимся на горячей гальке мальчишкам. Малыш сначала метался между ними в поисках своего места. Ему показали, где нужно сгребать камешки, и малыш с усердием запыхтел, углубляясь в работу.

– Пора, командир. Пора возвращаться, – я протянул мужчине руку.

– Спасибо, – принял тот помощь. Встал, выпрямился и предложил присесть на лежак рядом с собой. Я отказался и сел рядом на галечную россыпь.

– Меня зовут Иван, – протянул он руку, а вас, кажется, Сергей Семенович? – спросил он.

– Простите!? – вопросительно взглянул я на него.

– В девяносто восьмом вы двумя Илами садились на наш аэродром. Прилетали тушить «золотой муравейник».

И сразу вспомнился молодой энергичный капитан, вроде, из среднего командного звена базирующейся на аэродроме авиационной части. Он встречал нашу спасательную команду, поздней ночью приземлившуюся на их аэродром, ближайший от объекта, на котором предстояло ликвидировать серьезное возгорание. Объект представлял горнодобывающее предприятие, где, как нам сказали, еще со времен Екатерины Великой добывалось золото. Уникальность объекта заключалась в его архисложной системе расположения рабочих участков. От вертикального ствола, оборудованного системой подъемников и уходящего на глубину более, чем на семьсот метров, через двадцать-тридцать метров в стороны расходились горизонтальные штреки. От них паутинились десятки проходов, повторяющих извивы золотоносных жил. По ним уже не одно столетие и двигались старатели, выбирая металл, не слишком заботясь об элементарных мерах безопасности. Иногда проходы были настолько узкие, что позволяли продвигаться одному человеку не иначе как ползком. Это все хозяйство представляло что-то похожее на рукотворный муравейник. Скапливающиеся годами в подземных залах деревянные крепи в одну ночь превратили весь прииск в горящий ад. Спасатели тогда подняли на поверхность более двадцати тел. Около тридцати человек через двое суток вышли самостоятельно через нижний горизонт километрах в трех от золотоносной сопки. На их счастье в группе оказался старый проходчик, работавший на шахте более тридцати лет и знавший, очевидно, несколько больше об объекте, чем дипломированные специалисты из числа руководства.

– Капитан Смирнов, – вспомнил, наконец, и я фамилию своего визави. Спрашивать о чем-то дальше не стал. Передо мной был уже не тот подвижный, как ртуть, и жизнерадостный капитан. Про таких иногда говорят, что «жизнь прошлась по нему катком».

– А это чудо – ваш сын?

Иван вздрогнул. Сверкнули избытком влаги глаза.

– Это наше с Ольгой все! И сын, и внук, и солнышко, источник силы и жизни.

Он замолчал, а я пораженный интонацией, с которой были произнесены эти несколько слов, почти физически ощутил тягучее, сжимающее его сердце чувство непонятной вины и какого-то внутреннего отчаяния.

Молча мы выкурили по сигарете, встали почти синхронно, не сговариваясь.

– Извините, нам пора на процедуры, – он подошел к шезлонгу супруги и окликнул малыша, – Бомбёр, нам пора!

Малыш с явной неохотой подобрал панаму, свою желтую лопатку, с отчаянием посмотрел на

своих новых друзей и молча направился к мужчине.

– Иван! Не переживай, завтра обязательно достроим, – успокаивал малыша Володя. А Ваня подбежал к маленькому тезке, подхватил его на руки, донес до стоящей в ожидании паре и поставил рядом.

– До завтра, тезка! У нас еще впереди много времени. Смотри, сколько вокруг моря и все оно наше. Накупаемся вдоволь.

С тех пор встречи стали ежедневными. Вместе ходили на пляж, гуляли по городу, побывали в цирке, смотрели шоу с дельфинами. Мальчишки привязались к малышу, а он их просто обожал. Никогда бы не подумал, что мои ребята способны так ловко управляться с малышом.

Однако с первого дня меня не покидало чувство какой-то настороженности, окутывающее эту семью. И дело было не в излишнем внимании к обожаемому внуку. Поведение мальчика при его возрасте можно было характеризовать как образцовым. Все это можно было назвать постпаническим синдромом. Излишнее усердие четы Смирновых, как мне казалось, отгородить внука от малейшего внимания со стороны всего окружающего нельзя было не заметить даже во время наших совместных прогулок по городу. Незначительное отклонение мальчишек от избранного маршрута или внимание к ним со стороны незнакомых людей приводило Смирнова в некоторое смятение. И это было странно.

В остальном же все было как обычно во временно сложившейся группе отдыхающих, близких по духу и укладу жизни. Женщины сошлись во вкусах к рукоделию, к фильмам, к моде. Мужское население свое внимание отдавало морю и вечерним моционам.

В тот день мы со Смирновым, с благословения наших половинок, выдвинулись в сторону ближайшего городского бара. Мы были совсем не против подобной вылазки.

Нам повезло. Удалось найти столик в уютном местечке с видом на море. Решили начать с виски, а дальше, как покатит. Официант принес заказ и, пожелав хорошего вечера, исчез.

Мы выпили совсем немного, появилось желание что-то сказать, но я себя умышленно сдерживал. А Иван большой, так я решил называть его для себя, что-то явно осмысливал. Видно, поэтому начало «общения» ограничивалось короткими фразами обо всем и ни о чем. И мое любопытствующее ожидание оказалось не напрасным. В очередной раз поставив опустошенную наполовину рюмку как-то уж совсем бережно, он вдруг заговорил.

Голос звучал придавлено глухо, словно прорывался через какой-то внутренний барьер. На Смирнова накатило то самое редкое желание поделиться самым сокровенным, глубоко личным, с человеком далеко не близким, но сумеющим выслушать его откровение. Выслушать без комментарий и выражения эмоций и позволить человеку выплеснуть накопившуюся боль.

– Я потомственный, если так позволительно говорить, летчик. Мои родители родом из города Чехова, что недалеко от Москвы. После окончания военного училища отец с матерью поехали за полярный круг, служили в полку, где начинал летную карьеру сам Гагарин. Есть там небольшой военный гарнизон под названием Корзуново. Но долго в истребительной авиации служить не пришлось. Отец принял решение уйти из армии. Переквалифицировался на гражданского транспортника и, пока руки уверенно держали штурвал, мотался по северам. Мама, сколько себя помню, работала участковым врачом. Хоть и поздно, но и я у них все-таки родился, став желанным ребенком в семье.

Когда отец уволился из авиации, мы переехали в городок Приморско-Ахтарск, что на юге Азовского моря. Родители решили отогреться после заполярных приключений, отсюда и выбор места.

Через два года после передислокации я уже учился летать в военном училище. На выпускном курсе не стало мамы. Очень переживал за отца, сдал он как-то сразу, словно стержня лишился. Я как мог поддерживал его. Каждый свой отпуск проводил только с ним. Побывал он и в нашей части. Посмотрел машины, на которых мы летали. Долго после этого молчал, своего мнения не высказывал. А перед отъездом, прощаясь, прижал меня крепко к себе и как-то уж совсем умиротворенно сказал:

– Ты стал настоящим бомбёром, сынок! Безмерно горжусь!

В нашей семье слово «бомбёр» имело особый смысл. Отец всегда говорил, что в авиации много специалистов, и хотя в профильной иерархии он лично отдавал предпочтение летчикам истребителям, отношение к коллегам бомбардировочной авиации у него было весьма уважительным. Он считал их людьми основательными, не способными размениваться по мелочам. Одним словом бомбёры.

Когда был подписан приказ о моем назначении командиром экипажа, отец ушел из жизни. День в день.

Он ненадолго замолчал, откашлялся. Выпили еще по рюмке. Он взял дольку лимона, положил в рот, тщательно пережевал, словно обдумывал продолжение своего рассказа. Еще раз кашлянул в кулак.

– Вскоре появилась в моей жизни Оленька. Все как-то сладилось без всяких проблем. Через месяца три поженились. Съездили в отцовский дом, побывали на Черном море, порыбачили и на море, и на лимане. Приехали счастливые, загорелые, да еще и в ожидании первенца.

Родился наш Ванечка без проблем, точно по расписанию. Когда я первый раз взял его на руки, вдохнул запах этого маленького тельца, первое слово,с которым обратился к этому человечку, было «Бомбёр». Объяснить почему, не могу. Всем вроде на меня смахивает, а глаза мамины, пронзительно голубые с обворожительной хитринкой. Дома распеленали, и Ольга показала его особую примету. На левой ножке, сразу под косточкой левой ступни чернела родинка, напоминающая по форме маленькую каплю. Показала и рассмеялась: «Ой, Ваня, он уже богом помечен. Бомбёр – одним словом!»

В феврале, аккурат к празднику, пришел приказ о досрочном присвоении звания майор и о назначении командиром отряда, с переводом в центральную Рос-

сию. Ольга моя расцвела на глазах. Столько всего сразу! А меня что-то изнутри грызет. Ну не бывает так, чтобы как по заказу все сразу. Не бывает! А летчики, знаете ли, народ весьма суеверный.

Дня через два, на разводе, командир полка напомнил, что на новом месте ждут меня до конца текущей недели. Командующий разрешил контейнер с домашними вещами и личную «Ниву» перебросить попутным ИЛ-76.

Всю ночь мы с Олей промучились с комплектованием трехтонного контейнера. А все свое автомобильное имущество я с трудом разложил по ящикам и растолкал в багажнике машины. Самолет ждали во второй половине следующего дня. По моему плану Оля с Иваном утром должны были выехать на машине товарища до ближайшего гражданского аэропорта, это где-то километров шестьдесят от части. А забирать их из аэропорта в пункте назначения должен был я сам.

Известие о том, что она вместе с сыном полетит отдельно на гражданском самолете, привело Ольгу в неистовство. «Мы полетим всей семьей. Раз ты летишь на транспортнике, то и мы полетим с тобой». Как я не убеждал ее, что военный транспортник, это совсем не для нее с ребенком, ничего не помогало. Под ее сурдинку заголосил с испугу и Иван. Этого я уже выдержать не смог. Думаю, что с этого момента и началась черная полоса в нашей жизни.

Смирнов снова замолчал. Пауза затянулась. Я налил себе, выпил, даже не ощущая вкуса, снова налил. Наполнил и рюмку Ивана. Выпили.

– Семеныч, пойдем покурим. Боюсь, что взорвусь, – попросил он меня.

Мы вышли на улицу, закурили. Солнце уже ушло за горизонт. Неотвратимо накатывалась темнота южной ночи, ее черные потоки уже залили городские улицы, сделали невидимыми жмущиеся к подножию гор окраины. С моря в город прорывалась прохлада. Бросили в урну окурки, вернулись за стол. Иван снова заговорил.

– Транспортники сделали все на совесть. Я сам проверил троса и ремни креплений. Снял с колес люльку, с силой загнал ее между спинкой сидения водителя и рулевой колонкой «Нивы», затянул ремень безопасности. Мой малыш, спокойно и ровно посапывал, отправляясь в свой первый в жизни полет. Уложил его в люльку, застегнул молнии на пологе, опустил и закрепил капюшон. Все сделал так, чтобы мама могла в нужный момент добраться до ребенка. Старший из экипажа оператор, наблюдавший за моими манипуляциями, протянул с улыбкой небольшую бухточку крепежного ремня. Я, протянув один конец ремня под сидением водителя, дважды обернул им люльку и затянул ремень на два узла, исключая резкий кивок люльки вперед при аварийном торможении самолета. Показал Ольге ее место, предупредив, что ни один ремень до полной остановки самолета не должен быть развязан. Весь полет Оля должна была быть рядом с сыном в машине на правом пассажирском месте.

Командир экипажа пригласил нас в кабину пилотов перекусить, понимая, что в полете мать от сына не отойдет. Я дал свое согласие, мы в суете даже не успели позавтракать, а сына нужно было хотя бы раз за дорогу покормить.

Летчики предложили бутерброды и чай. Оля сразу выпила чай и начала есть бутерброд. Пока мы жевали бутерброды, самолет взлетел и с набором высоты лег на курс. Все шло штатно, двигатели работали с ровным гулом, не ощущалось даже привычной на взлете дрожи корпуса самолета. Обернувшийся ко мне правый летчик показал поднятый вверх большой палец, что могло означать только одно – все в порядке.

Ольга встала, показывая намерение спуститься в салон к сыну. Я встал, и тут же раздался громкий хлопок, нас отбросило к стене кабины, и самолет перешел в резкое пикирование. Мозг безошибочно подсказал, что произошла внезапная разгерметизация самолета. Я бросил взгляд на пилотов. Те, откинувшись назад, тянули штурвалы на себя, пытаясь выровнять машину. Ольга с открытым ртом сидела у моих ног. Я подхватил ее и усадил на скамейку, сам бросился к верхнему смотровому окошечку. Корма самолета зияла пустотой, задние створки фюзеляжа исчезли. Кромку провала обрамляли обрывки проводов вперемешку с растерзанными кусками серебристого утеплителя, беспорядочно бьющихся в бешенном темпе в воздушном потоке.

Мозг отказывался верить в то, что было очевидно. Позади контейнера палуба самолета была пуста. Машина исчезла. Исчезла «Нива», исчезла вместе с нашим Иваном.

Смирнов умолк, широко расскрытыми глазами вглядываясь куда-то за моей спиной.

Вообразить себе то, что он только что произнес, даже для меня, по долгу службы повидавшего в своей жизни сотни жутких человеческих трагедий, было немыслимо! С большим трудом удержавшись, чтобы не обернуться, я накрыл ладонью его руку и крепко сжал. Смирнов опустил глаза и продолжил свой рассказ.

– Ноги перестали подчиняться, и я опустился рядом с Ольгой, обнял ее, крепко прижимая к себе. Она или все поняла, или почувствовала, обмякла, заваливаясь на скамейку. Сколько я находился в бездействии – не скажу. Ольгу опустили вниз без моего участия, она лежала справа от штурмана, касаясь головой блистера. Штурман пытался привести ее в чувство. Не получалось.

К моему стыду, меня занимала только одна мысль, как организовать поиск в самое короткое время. Нужно было делать это как можно скорее, февраль в этой местности всегда отличался лютыми морозами. Прежде всего нужно было вернуться.

Самолет после посадки подогнали на первую стоянку. Скорая помощь забрала Ольгу и тут же отвезла в гарнизонный госпиталь. Командир увел меня на командный пункт. Заставил выпить стакан водки. Начал втолковывать, какие меры принимаются для поиска сына. Я понимал все, что он говорит, но только одна мысль сверлила мозг, нужно все делать быстрее. А за окном погода резко ухудшалась. Повалил густой лохматый снег. Летчики МЧС в этих жутких условиях все-таки посадили первый самолет из Хабаровска. К утру прилетели еще

два самолета МЧС с поисковыми вертолетами на борту. Колонна машин со спасателями, несмотря на неблагоприятную погоду, выдвинулась в район поиска.

Через неделю поисковая операция была свернута. Но группы спасателей и волонтеров, сменяя друг друга, продолжали сплошное обследование территории. К сожалению, ничего утешительного для нас усилия этих сотен неравнодушных людей, которым мы безмерно были благодарны, не принесли. Снег не прекращал валить, как и в первые двое суток поиска.

Завершила работу комиссия, расследовавшая причины происшествия. Некорректная фиксация замков запирающих створки грузовой кабины. Проще говоря, фиксаторы не вошли полностью в свои гнезда из-за образовавшегося в них льда, и не смогли обеспечить удержание створок при резком возрастании разницы в давлении между внутренним и внешним пространствами самолета при наборе высоты. Такелажное оборудование, которое фиксировало положение легковушки, было разрушено в момент срыва створок грузовой кабины вследствие утраты эксплуатационных свойств.

Вскоре мы улетели к новому месту службы. Начал самостоятельно летать. Ушел, как говориться, по самое не хочу в работу. И все время ждал, ждал чуда.

Оля тоже вроде пришла в себя, но это была уже другая Оля. По дому бродила тень моей прежней хохотушки. Ей помогли устроиться в местный госпиталь, но и это ситуацию поменяло мало.

А поздней осенью пришло сообщение от МЧС, что в тайге найдена машина с номерами, соответствующими нашим. Командование дивизии помогло оперативно попасть на место.

Машина стояла на трех колесах, задрав вверх капот, на довольно крутом берегу небольшой таежной речки. Кузов был изрядно помят, но цел. Двигатель, сорванный с трех крепежных точек, сместился вместе с вентилятором вправо, уперевшись в правую переднюю стойку. Эксперты, которые уже почти двое суток работали на месте, пояснили, что машина вошла в глубокий сугроб загруженным багажником и сползла по заснеженному берегу почти до уреза воды. Относительно мягкое приземление. Передние сидения были на месте, и люлька, в которую я уложил малыша, была даже не помята. Ремень, которым я собственными руками крепил люльку, лежал внутри нее. Он не был разорван или разрезан, он был развязан.

Возвращался я домой почти счастливым, точно зная, что мой сын жив. Это было мое второе рождение! Не поверишь, Семеныч, у меня словно выросли крылья. Я возвращался к жене с потрясающей новостью. Дома я крутился вокруг Ольги, потрясая перед ее лицом крепежным ремнем, тем самым, каким привязывал люльку к сидению водителя. Ремень был кем-то развязан. Развязан человеческими руками и оставлен в люльке. Достать Ванюшку из люльки, не развязав или не разрезав ремень, было невозможно. Теперь мы с Ольгой были одержимы идеей поиска, но главное, были уверены, что наш сын был жив.

Но год проходил за годом, и уверенность, что сына я найду, постепенно угасала. Ольга же не сдавалась. Она вела переписку с редакциями газет, телекомпаниями, какими-то блогерами. И верила, представляешь, верила! Понятно, что я со своими сомнениями к ней не обращался, оставался один на один. Так и жили, работали. Но с детьми больше ничего не получалось. Врачи утверждали, что с нами все нормально, но...

В конце двадцать первого года получил назначение в Москву. А вскоре началась и эта специальная военная операция. Стало понятным, что нужно многое исправлять в местах базирования, да и в тактике боевого применения нашего рода войск. По специфике своих обязанностей почти все время проводил в войсках. И все время летал. По-другому было нельзя. Все начинания, прежде чем внедрять, требовалось опробывать самому. Дома приходилось бывать редко. Как правило, совмещал встречи с Ольгой, когда вызывали в Москву на мероприятия по плану Главкома, либо Генштаба. Так уж получилось, что среди руководства нашего ведомства считалось, что в боевой работе в этот период по мастерству и, что не мало, удаче равных экипажу, с которым я в последние годы летал, не было. Конечно, это были субъективные мнения, но мы старались держать марку даже в мелочах.

В тот день Главком был сам не свой. Он зашел в кабинет, где собрались его заместители, бросил на стол карту, блокнот, грузно оседлал кресло. Все уже догадывались, о чем пойдет речь. Угадали. Объект, который мы обрабатывали уже четвертый раз, опять вышел на рабочий режим. Генеральный штаб настаивал на безусловном уничтожении объекта.

Полуторачасовое обсуждение проблемы решения не приблизило. Когда участники совещания покидали кабинет Главкома, я попросил разрешения остаться на несколько слов. Решил довести до сведения Главкома предложение своего штурмана по гарантированному уничтожению объекта. Смысл замысла сводился к выходу на цель парой машин с западного направления и нанесения не ракетного, а бомбового удара, как выражаются артиллеристы, прямой наводкой. Точность расчетов выхода на цель и сброса бомб штурман гарантировал. Вероятность выполнения задачи, по нашим прикидкам, оценивалась не ниже восьмидесяти процентов. Но и вероятность благополучного преодоления системы противовоздушной обороны врага снижалась. Но на войне без риска не бывает. Через двое суток наш план был утвержден.

И после всех согласований операция началась. Большая часть времени отводилась боевому патрулированию. Так мы хотели помозолить натовцам глаза привычными для них мероприятиями. Последний этап уже проходил на грани фола. Штурман, красавец, при подходе пары к цели вел нас, как по невидимой ниточке, на минимальной расчетной высоте. Последние секунды отсчитывались сознанием, словно метрономом.

До сброса двенадцать секунд, одиннадцать, десять... Плавно открывается панорама долины с поблескивающими в лучах захо-

дящего солнца чередой еле заметных темных точек металлических ворот, ...три... два...сброс! Увожу свою машину влево. Провожая взглядом уходящего вправо ведомого, краем глаза фиксирую сползание вниз средней части горного отрога.

– Ай да штурман, ай да молодца!

Теперь нужна только удача! Через десять с половиной минут ведомый будет над морем, ну а мне еще чуть спуститься и, никуда не сворачивая, прямо в «конюшню». Высота сто пятьдесят, скорость восемьсот, курс восемьдесят пять. Благодарю экипаж и даю команду проверить средства эвакуации. Внизу стремительно проносятся россыпи огней, затем темнота, снова огоньки, снова темнота. Еще совсем немного, каких-то несчастных несколько минут. Едва ощущаемый толчок слева заставил вздрогнуть. И сразу засбоил левый движок. Добавил тяги, ручку на себя, машина отозвалась с болью, но приподнялась, и тут же вспыхнул левый двигатель. Противно заголосила система аварийного оповещения. На этот раз обмануть судьбу не удалось!

Быстро вывожу координаты цели, включаю автопилот. Даю команду экипажу приготовиться к эвакуации, делаю паузу и добавляю уже со злостью:

– Экипаж! Покинуть машину!

И уже обращаясь непосредственно к ней, «прости, милая» – рву рычаг системы катапультирования на себя. Уже в воздухе пытаюсь проследить последний путь своего железного друга. Вижу только огненный шар на черном экране ночи, стремительно удаляющийся куда-то в вечность!

Земля появляется внезапно, плавного приземления не получилось. Но сгруппироваться успел. Со второго раза отстегнул подвесную систему. Выпрямился. Глухая непроницаемая темнота. Совсем не ко времени почувствовал боль в правом бедре. Сделал шаг, боль угрожающе отозвалась по всему правому боку. Плевать! Нужно двигаться вслед за исчезнувшим следом моей машины. И тут же где-то далеко впереди ухнул взрыв и небо осветило огненное зарево. Вот и все, мой славный конек!

Сжав зубы, заковылял вперед. Вспомнил, что я вооружен. На ходу достал пистолет, дослал патрон. И тут же рядом послышался тихий голос:

– Только пока не стреляй, не успеешь. Говори секретное слово.

– Бомбер.

– То, что нужно!

Из темноты вынырнула темная фигура «встречающего». И здесь все срослось.

– Старший лейтенант Ерофеев. С вами все нормально? Тогда не будем терять время. Вы, видно, удачливый человек. Приземлиться прямо нам на голову! Чудо какое-то! Пора. Двигайте за мной.

Настроение несколько улучшилось. Нас ждали. Даже потянуло было обнять моего спасителя, но он уже шагнул в темноту. Некоторое время пытался не отставать. Не получилось.

– Можно не так лихо?

Фигура замерла, но видно старлей все понял. Тонкий фиолетовый луч пробежал по моей фигуре, остановился на правом бедре.

– Зачем же молчать? – уверенный молодой голос звучал с некоторым укором, – пять минут остановки погоды не сделают.

Он ловко наложил на рану тампон, сложил разорванные куски комбинезона, перетянул поверх него рану перевязочным пакетом.

– Потерпите, будет неприятно.

Укола я не почувствовал, но через несколько секунд готов был, как мне показалось, бежать даже стометровку.

– Не горячимся, опирайтесь на меня и вперед.

Он перекинул мою правую руку себе на плечи, и мы опять двинулись вперед, сначала медленно, затем быстрее.

Минут через пятнадцать впереди мигнул фиолетовый глаз фонарика. Старлей ответил, и уже через минуту моя левая рука вцепилась во второго сопровождающего. Я вертел головой, но лиц ребят не видел, только силуэты. Минут через десять уткнулись в какой-то агрегат.

– Капитан Шуляковский, – представился третий член экипажа «драндулета». – Устраивайтесь в кузове. Времени у нас нет. Они уже пришли в себя и просто так не отпустят. Кстати, ваших коллег уже нашли и вытаскивают. Мы последние. Но и это можно считать чудом, вас отнесло порядочно от остальных.

– И на хрена генералов в тыл забрасывают? – пробубнил Ерофеев.

– Приедем на базу, я тебе разъясню, пытливый ты наш! За руль!

Ерофеев уже сидел на месте водителя. Приглушенно забулькал двигатель. Капитан сел на заднее сидение, третий офицер втиснулся рядом со мной, пытаясь изобразить камбалу, уложенную на ребро.

– Не гневись, капитан! Старлей прав, не дело генералам по тылам шастать. Но так уж, мальчишки, получилось, – извиняюсь. Попробывал хоть как-то смягчить настрение моих сопровождающих. Подумалось, что накликаю на пацанов беду, если что по дороге случится. И тут же в противовес сам себя успокаиваю, а что может случиться, когда кругом не души и, судя по времени, мы почти у цели?

И накаркал, который раз за эту половину суток. Капитан беспокойно закрутил головой и вдруг толкнул водителя в плечо:

– Ваня, стой! Все к машине и в посадку. Машину на самоход. Андрей, генералу накидку.

Обратил внимание на работу группы. Ни одного лишнего движения. Словно призраки нырнули в лесополосу. Я уже был в накидке, и кто-то на ходу натягивал мне на голову капюшон, а машина на малом ходу удалялась от нас, видимо по накатанной дороге, в прежнем направлении. Над нами что-то прошелестело, словно кто-то там вверху пробирался через куст с сухими листьями, и через минуту вспышка взрыва осветила разлетающиеся фрагменты нашего четырехколесного агрегата.

Потом мы шли по лесополосе какими-то зигзагами, стараясь меньше касаться ветвей. Остановились. Минуты две-три вслушивались в тишину. Капитан мигнул фонариком. Впереди, метрах в ста, мигнул ответ.

– Порядок движения, – шепотом подал команду капитан, – Андрей первый, за ним метров через

двадцать вы, товарищ генерал. Иван за генералом вплотную, я – замыкающий! Андрей, направление запомнил?

– Обижаешь, командир!

– Ну, с богом, – тронул рукой капитан направляющего.

Андрей побежал, слегка согнувшись. Он бежал по прямой, не виляя, в одном темпе. Иван чуть тронул мое плечо, и я сорвался с места. Иван не отставал, он буквально дышал мне в затылок. Андрей, видимо, достиг цели. Я его уже не видел. Тишину ночи расколол выстрел, Иван охнул и, матюкнушись, с силой толкнул меня в спину. Я полетел в невидимую яму, выставив вперед руки. Второй выстрел буквально сбросил Ивана на меня.

– Спасибо, что живой! – прошелестел его голос прямо мне в ухо и он затих.

Каким-то чудом я сумел перевернуться на спину. Старший лейтенант лежал на мне в полный рост, прижимая всем телом ко дну окопа. Я не видел его лица, скрытого полумаской, не слышал дыхания, но готов поклясться, что ощутил его улыбку. Как это можно, не знаю, но я ее почувствовал!

Спрыгнувший в окоп капитан оторвал Ивана от меня, прислонил к стене окопа: – Иван, не смей! Слышишь, идиот, не смей. Я не разрешаю, Ваня!

Подбежал лейтенант, упал на колени и начал ощупывать Ерофеева, бормоча, что крови нет, вероятно, это болевой шок. Все будет нормально.

– Заткнись! – рявкнул капитан и повернулся ко мне. В глазах его под фиолетовой подсветкой буквально слоилась злость. – Уносите генерала! – прорычал он подбежавшим санитарам. Те подхватили меня под руки и поволокли куда-то вглубь траншеи.

В госпитале, куда меня привезли, уже ждала бригада из Москвы. Хирурги подчистили рану, наложили повязку, уложили в отдельную палату. Все шло по плану.

Я попросил связаться с Москвой. Доложил Главкому о выполнении задания. О потерянной машине. Не удержался и попросил ходатайствовать перед Верховным о поощрении ребят.

– Ваня! Все уже сделано. Отданы все команды и относительно твоего спасителя, и на командира группы, и на лейтенанта, и на оба экипажа. Теперь-то можешь себе представить, что ты своей парой наворотил. Машину, конечно, жалко. Но твоя цель стоит десятки таких машин, а может и больше. Лечись, мы тебя ждем. Кстати второй экипаж дома. Добрался без приключений.

Положив трубку, я подозвал медицинскую сестру.

– Куда отправили лейтенанта? Того, что меня прикрыл.

– Его сейчас оперируют доктора из Москвы, – тихо проговорила она. – Он очень тяжелый, но хирурги борются.

– Пусть его, когда будет можно, разместят ко мне в палату. Доложите начальнику госпиталя. Это моя личная просьба.

Надежда, все-таки есть надежда, хоть малым успокоением, но одаривает. Вмешалась и усталость. В ожидании своего спасителя, я сомлел.

Проснулся внезапно от ощущения, что меня кто-то разглядывает. Повернул голову и встретился со взглядом моей Ольги. Она серьезно, очень внимательно смотрела на меня голубыми глазами с едва заметными темными точечками у зрачков. Я уже хотел спросить ее, как она здесь оказалась, но вдруг пришло осознание, что на меня пристально, с чуть ироничной улыбкой смотрит тот самый Иван. Это действительно был мой спаситель – старший лейтенант Ерофеев. В ногах у него примостился на самом краешке постели московский хирург.

Иван медленно прикрыл глаза.

– Устал мальчик, – тихо проговорил врач. – Мы сделали все возможное. Снайпер вложил в него два выстрела. Почти в одно место. Тоже дело случая. Что у него было еще за плечами, не знаю, вместе с индивидуальной бронезащитой это помогло избежать сквозного ранения. Но сердце буквально вмяло в грудную клетку. Сильно повреждено левое легкое, ну и еще... Мы его подштопали, запустили сердце, но надежда слабая. Впрочем, и в стационаре вряд ли сумели бы сделать что-нибудь лучше. Я сожалею.

Старший лейтенант снова пришел в себя, потянулся ко мне рукой, ладонью вверх. Я сел, взял его руку в свою:

– Терпи мальчик, терпи. Все у нас получится!

Он с усилием разлепил ссохшиеся губы:

– Помогите моим. Они остались совсем од... – его ладонь чуть заметно дрогнула и замерла. Но глаза.., глаза, впившись в мое лицо тускнеющими зрачками, продолжали оставаться открытыми.

Доктор приблизился к нему, несколько секунд вглядывался в его лицо, затем протянул руку, закрыл ему глаза и прошептал:

– Господи! Откуда они такие берутся?

Сколько я просидел у постели этого мальчика, не выпуская его холодеющей руки, не скажу. Все казалось чудовищно нереальным и неправильным. Не знаю, выдержал бы я вообще, знай, кто отдает мне последние искорки своей жизни.

Через два дня мы похоронили Ивана на подмосковном военном мемориальном кладбище со всеми воинскими почестями. Главком сдержал слово. С Дальнего Востока из глухого таежного края на самолете ВВС прилетели жена Ерофеева с маленьким сыном. Невысокая, аккуратно одетая девочка держала в руках довольно увесистый сверток, из которого была видна изумительно милая мордашка, наполовину скрытая пустышкой на голубой ленте. Ребенок после грохота самолетных двигателей, убаюканный тишиной, крепко спал.

Ольга взяла из рук матери сына:

– Ульяна, можно я его подержу, – тихо попросила она, как-то заискивающе глядя на прибывших. Девочка не возражала, видно было, что она вымотана до предела. К гробу с телом мужа она шла, поддерживаемая мною, как-то бочком, с недоверием и внутренним несогласием. Все остановились, а она, освободившись от моей опеки, продолжала идти. Подошла к телу, поправила его волосы, щекой прижалась к сложенным на груди рукам и замерла. Так и простояла все время, пока Главком говорил прощальные слова, пока

говорили его товарищи, пока закрывали гроб, опускали в могилу. Вздрогнула, когда ударил первый оружейный залп и опять замерла.

Все было закончено, распорядители передали ей награды мужа, она приняла их, даже не взглянув, что ей отдали, прижала их к груди. Подошел капитан, сказал несколько слов, попросил прощение, что не уберег Ивана. Она ничего не ответила, непонимающе глядя на него.

В машине я посадил ее рядом с Ольгой, которая так и не выпустила сверток из рук. Поехал домой.

Главком окликнул меня, кивком указывая на место рядом с собой.

– Что думаешь делать с детьми?

– Уже не думаю. Будут жить с нами.

Только теперь я понял последние слова Ивана. Он пытался сказать, что они остались одни, но не хватило сил.

– А сына как зовут?

– Еще не знаю. Ее имя Ульяна.

– Твое решение, Иван, это твое решение. Тебе виднее. Я подругому его и не представлял. Как твой бок?

– Терпимо.

– Вот что, неделю побудешь дома, пока девочка будет привыкать. Ольга не взбрыкнет?

– Я боюсь другого. Она так вцепилась в малыша. Как бы не начались бои местного значения.

– Там я распорядился. Машина будет ждать. С ребятами пропустишь по рюмке и давай домой. Не нагружай ногу.

Через два часа я был дома. Ульяна спала в гостевой комнате. Ольга с мальчиком расположились в спальне. Парень чувствовал себя прекрасно. Он серьезно посмотрел на меня, сопроводил взглядом мои перемещения и неожиданно улыбнулся.

– Он тебе никого не напоминает? – спросила жена.

– Перестань выдумывать, – намеренно грубо ответил я и вышел на кухню. Достал бутылку коньяка, налил почти полный стакан, выпил залпом.

Какое-то наваждение. Там, в спальне, на кровати как будто лежал мой сын. Из памяти не стерлось еще, как Ольга одевала его в тот далекий день в дорогу на аэродром.

Нужно было каким-то образом вернуться в реальность. Прошел в кабинет, закурил. Меня безумно тянуло в спальню, еще разочек взглянуть. Не могу сейчас передать свои ощущения. Мои вопросы требовали немедленного ответа. Хоть какую-то ясность могла внести Ульяна, но верхом кощунства было бы подвергать ее расспросам сразу после сна. Я прошел в гостевую. Ульяна оставалась в той же позе, в какой я ее увидел, придя домой. Опять прошел в кабинет, закурил. Лег на диван, протянув ноги на валик. Всплыло лицо Ивана на белой кружевной подушке. Это лицо мне было знакомо, я безусловно его видел раньше, задолго до всех этих событий. Но где, где я мог видеть это лицо?

Не выдержал. Подошел к дверям спальни, чуть приоткрыл дверь. Ольга стояла на коленях у постели, прижимая крохотные ножки малыша к лицу. Мокрое от слез лицо буквально светилось от избытка радости. Видно, она почувствовала мое присутствие.

– Ванечка! Подойди.

Я подошел, встал за спиной. Малыш не соглашался терпеть неудобства. Он пытался освободить ножки, смешно дергая не только ими, но и ручонками.

– Смотри, – Оля глазами показывала на его левую ножку. На внутренней ее стороне, под выступающей над маленькой стопой косточкой, темнела маленькая черная точка, меньше булавочной головки, чуть вытянутая тремя крапинками вверх. Бомбёр! Такое совпадение было невозможно, но оно было. Спазм перехватил горло, волна жгучей горечи прокатилась под грудиной, но уплывающее сознание успело зафиксировать счастливую улыбку смотрящего на меня с фотографии почему-то в погонах капитана Ерофеева с голубым свертком на руках и прижимающуюся к нему Ольгу.

Смирнов замолчал. С недоумением посмотрел на начатую вторую бутылку, пробурчал что-то вроде предстоящего «избиения младенцев, находящихся в столь преклонном возрасте», потряс отрешенно головой и медленно выцедил содержимое своего стакана.

– Все, Иван! – я встал, давая понять, что пора уходить. Он не стал упрямиться.

Мы уже подходили к месту, когда Иван предложил посидеть, немного подышать. Мы присели на скамейку, закурили. Я чувствовал, что Смирнов не хотел недоказанности. Нужно было довести начатое до конца.

Он продолжил, словно наш разговор и не прерывался.

– Очнулся я уже в реанимации. Операция по шунтированию прошла нормально. Дальше госпиталь, поликлинника, санаторий. Из авиации меня списали подчистую. Обидно, но это факт.

Ульяна поступила в медицинский институт, с учебой справляется успешно, способная девчушка. А то, что Иван несомненно родной внук, подтвердила генетическая экспертиза. Вот, Семеныч, как бывает. Искали мы нашего мальчика, а он нашел нас сам, и жизнь свою передал мне сам, и внука с дочерью подарил. Словно реабилитировался перед нами за ранее «причинённые неудобства». А еще я узнал, что и человеком он был достойным, и солдатом доблестным, и офицером настоящим! Теперь мы все живем под одной фамилией. Все мы – Смирновы! Ульяна сдает сессию и через четыре дня будет здесь.

– Прости, Иван! – рискнул все-таки я, – как получилось, что при таком уровне развития системы информированности населения, вы не нашли друг друга?

– Сошлюсь на рассказ Ульяны. Все до банальности просто. Дня через четыре после того, как я загремел в госпиталь, Ольга рассказала Ульяне, что пришлось нам пережить. Я, сам понимаешь, при разговоре не присутствовал. Узнал значительно позже, когда уже из госпиталя вышел, как все было.

Ульяна оказалась девушкой сообразительной. Боялась за Ольгу очень. Да и сама не была уверена, что ее муж и был тем человеком, кого мы искали. Но все сходилось. Молчать было нельзя, но и рассказать нельзя. Она уже догадалась и о причине моей госпитализации.

Только на следующий день, после разговора с Ольгой и консультации с психологом и моим лечащим врачом, уложив Ванечку, она попросила Ольгу выслушать историю как бы ее жизни. Как попала в интернат, как было по началу

трудно, но ее с самого начала опекал юноша, которого тоже звали Ваня. И у этого мальчика судьба оказалась не простая.

Ваню нашел местный лесник. Он оказался не только очевидцем падения в тайге непонятного объекта, но и первым, кто его начал откапывать из-под снега. Это оказалось непростым делом. Он уже было совсем отчаялся добраться до упавшего с неба «чего-то такого», но, услышав детский плач, из последних сил все-таки сумел извлечь оттуда сверток с ребенком. Понял и то, что «чего-то такое» оказалось машиной.

Пройдя почти тридцать километров на охотничьих лыжах по заснеженной тайге он принес мальчика домой. Жили они на кордоне с женой почти в сотне километров от райцентра. Оба набожные люди. Нил Ерофеев работал лесником в районном лесничестве, а жена его Екатерина Власовна вела хозяйство. Нилу уже перевалило за пятьдесят, а Власовне только исполнилось сорок лет. Мечтали о ребенке всю свою жизнь, но не получалось.

Когда Нил принес в дом ребенка, Власовна словно сошла с ума. Откуда что взялось. Словно всегда занималась малыми детьми. Накормила найденыша козьим молоком, выкупала, обернула в чистые пеленки, на которые пошло ее лучшее, ни разу ненадеванное белье, укачала на руках, уложила на кровать. Некоторое время посидела рядом, а потом рухнула на колени перед образами и стала благодарить бога за неожиданный, но такой драгоценный подарок, какого она уже отчаялась ждать.

Лесник, надо сказать, понимал, что случилось что-то страшное. Что малютку обязательно будут искать. Что у мальчика есть семья, есть мать, отец. И горе у них сейчас большое. И грех это великий прятать дитя от матери. Но Власовна была непреклонна. Если мальчик явился с неба, значит это провидение божие. Это теперь ее дитя. А посмеет Нил сообщить о случившемся начальству, проклянет она его, своего мужа, и сама уйдет из жизни. И мужик не сомневался, что все именно так и будет.

А недели через две в райцентре прошел слух, что Власовна, наконец-то, родила. Радовались за них искренне все знакомые. Связать же происшествие с падением машины с ребенком, о котором стало известно в районе всем, с рождением первенца у Ерофеевых, никому и в голову не приходило. Все кто знал эту семью, могли сказать о супругах только хорошее. Документы в районе выправили на Ерофеева Ивана Ниловича.

Семь лет Иван прожил на кордоне, затем одиннадцать в школе-интернате райцентра. Летом двадцать первого года после окончания Дальневосточного военного училища был направлен в войска специальных операций.

Перед убытием в часть первый офицерский отпуск провел с отцом и матерью на кордоне, но не один. Он приехал вместе со своей невестой, с которой дружил с третьего класса. Девочка лишилась родителей при пожаре. Других родственников не осталось, так в интернате и росла.

Там, на кордоне и сделал ей предложение, а перед самым отъездом в Москву они оформили свои отношения официально.

Начало боевых действий на Украине встрети,л уже находясь в тылу боевых порядков украинских нацистов. Первый выход группы оказался удачным, а вот во втором не повезло.

После контузии отлежал в госпитале две недели, а затем его отправили в Благовещенск в госпиталь на реабилитацию. Конечно, молодая жена одного оставить его не могла, бросила все и переехала в город. Сняли квартиру. Отпуск закончился быстро, не удалось даже побывать у родителей. Ваню внезапно отозвали. Она рвалась с ним, но он запретил, велел учиться. Поступила на курсы медсестер при мединституте в надежде уехать к нему, но скоро поняла, что беременна. Малыш родился сразу после Нового года. Родители мужа приехать не смогли. Отец совсем плох стал, а мать побоялась его оставить. А Ванечка приехал. Отпустили по случаю рождения сына. Побыл дома два дня и к родителям успел съездить. Но поездка оказалась печальной. Нил только и успел, что попрощаться с сыном.

Похоронил Иван отца там же на кордоне. А мать перевез в Благовещенск. Но в дороге она заболела и пришлось сразу определять ее в больницу. Там, через две недели Власовна и скончалась. Незадолго до этого она передала Ульяне небольшой сверток и попросила передать его Ивану после ее смерти.

Ульяне военком помог с похоронами Власовны. Связался он и с командованием части Ивана, но те только пообещали, что при первой же возможности муж выйдет на связь с Ульяной.

А потом приехали военные, собрали в два чемодана ее вещи и в самолет. Они и сообщили о смерти Ивана.

Обо всем, что касается истории Ивана, Ульяна узнала из покаянного письма Власовны, которое нашла в свертке, вспомнив о нем только здесь через два дня после похорон мужа.

Узнать, кто он есть на самом деле, Иван не успел.

Ольга выслушала Ульяну, не проронив ни одного слова. Сразу опознала детские вещи своего сына. Позже призналась мне, что не может себе простить, что не попрощалась со своим родным сыном так, как матери прощаются со своими детьми. Убежденная атеистка, стала почти регулярно посещать храм. Но главным утешением для нее стал внук.

И знаешь, Семеныч, я тоже начал задумываться о боге. Вдруг там действительно что-то есть, и мы с моим Бомбёром еще встретимся. Мы должны встретиться!

Вот и вся моя история. Хотелось сказать спасибо твоим мальчикам. Не знаю почему, но они словно приподняли мою Ольгу. Я обратил внимание на то, как она встречает теперь каждое новое утро. Она оживает по-настоящему. А может это настроение Ванечки так воспринимается его бабушкой. Но все равно, спасибо!

Через три дня Смирновы провожали нас домой!

(В основу истории положены реальные события, фамилии и имена изменены).

В ОТРОГАХ МАЛОГО ХИН-ГАНА

Олег ЧЕБЫКИН

**Журналист,
ответственный редактор
всероссийского
научно-аналитического
журнала
«Вестник экономики,
управления и права»
Живет в Каменске-Уральском.**

Работая спецкором в окружной газете Забайкальского пограничного округа КГБ СССР, нередко встречал я на заставах земляков-уральцев. Некоторые из них стали героями моих очерков, зарисовок, репортажей. То время оставило заметный след в моей памяти. Я был свидетелем и в какой-то мере участником трудного, в высшей степени ответственного мужского дела.

Эта история посвящена сегодня тем, кто достойно, самоотверженно, а порой героически оберегал священные рубежи нашей Родины в 80-е годы прошлого века.

ГЛАВА 1

Ему вновь повезло. Мент, как и тот часовой на периметре промзоны, не заметил его. В сумерках вечернего дождя лейтенант увидел между составами Паху. Сдернув капюшон плаща с фуражки, выхватил пистолет из кобуры, побежал за ним. А Гиряй, улучив момент, словно матерый волчара в последний миг удачной охоты, уверенно прыгнул с цепки вагонов на спину бежавшего и, подминая его всей своей тяжестью, влет вонзил нож под лопатку. Тот охнул, тотчас повалился с вытянутыми вперед руками.

Пока Гиряй шарился по карманам раненого, рядом собрались подельники. Они молча смотрели на содеянное, не решаясь что-то предпринять.

Гиряй задрал голову, дико оскалился, процедил:

– Чего пялитесь? Не кино это.

Он по-хозяйски сунул под брючный ремень пистолет лейтенанта. Не торопясь поднялся, шагнул к Николаю. Нагло уставился, решил: «Надо бы привязать бычка покрепче». Протянул окровавленный нож. Продолжая сверлить взглядом, коротко приказал:

– Добей.

Николай не шелохнулся. Он стоял, делал вид, что не слышит Гиряя. Хотя услышанное оглушило до дурноты, вмиг сотворило из него комок испуганного недоразумения вперемешку с обрывками мыслей: «Как это? Зачем? Ведь он...»

– Ты че оглох, сучок?

Гиряй хрюкнул, ладонью ударил Николая по лицу. Неуловимым движением схватил широкой рукой за горло, прижал к стенке вагона.

– Задавлю, падла! Кончай его!

Николай взял нож. Страх перед этим здоровенным, мордатым, с бычьими выпуклыми глазами мужиком за-

полнил все его существо неотвратимой беспомощностью и безропотным повиновением. Он скривил губы, тоненько, плаксиво заскулил. Превозмогая дрожь во всем теле, подошел к раненому. Опустился перед ним на колени. Лейтенат лежал неподвижно, еле слышно хрипел. Ощутив толчок в спину, не глядя на лежавшего, резко взмахнул, ударил. Потом еще и еще...

Осенний дождь посыпался из темной хмари сильнее. Он окончательно размазал все грани вечера, накрыл мертвого милиционера и ряды товарных вагонов промозглостью и тревогой.

На основной путь, на восток, вытягивался из тупика под свистки локомотива длинный товарняк. Проскрежетав буферами на стрелках, он набрал ход и, разметая дождь, покатил прочь с узловой станции Тайшет.

В одном из вагонов, зарывшись в уголь, лежали двое. Они молчали. Были каждый сам по себе. Но сейчас их единило одно желание – любой ценой выжить в этом мире.

Главарь банды сидел на куче антрацита, кутался в мокрую телогрейку. Думая о чем-то своем, время от времени зверем скалился в темноту.

ГЛАВА 2

До приказа осталось двадцать семь дней. Деды на заставе собирались по вечерам в курилке. Смолили сигареты, не спеша смаковали разговоры о том, как поедут по домам, как широко погуляют на гражданке. Старший сержант Корепанов не тешил себя надеждой на скорый дембель. Прикидывал: раньше декабря уехать из этой глухомани на родной Урал не получится.

Вернувшись с ночного дозора, сдав службу, он наконец-то почувствовал, как устало гудят ноги. Потянувшись в кровати, закрыл глаза. Вспомнился недавний разговор с замом по бою капитаном Вершининым.

Тот, уверовав в безотказность сержанта, резонно рассуждал:

– Ты, Сергей Николаевич, не грусти. Никуда от тебя твой дембель не денется. Сам знаешь, старшина наш, прапорщик Васильев, уезжает в Таджикистан, в Московский погранотряд. Вот и получается: с наставниками для молодых у нас проблема.

Капитан поймал глазами взгляд Корепаноа.

– На днях из учебки прибывают два младших сержанта. Походишь с ними в дозоры, поучишь, а там и домой.

Выслушав офицера, Сергей счел необходимым справедливо возмутиться:

– Товарищ капитан, я даже в отпуск не ездил! Два года от звонка до звонка. Устал до чертиков. А по-вашему все очень просто – не грусти, солдат.

Он распалился, ломая добродушный тон офицера, прибавил в голосе:

– Полгода назад батя дал добро на отпуск. И на тебе – показательные учения в комендатуре. Плакал мой отпуск. И сейчас – последним на дембель. Значит, кто везет, на того и грузят...

Лицо сержанта покраснело. Глядя на Вершинина, он лихорадочно искал последний свой довод и нашел его:

– Да что на заставе других нет?

– Есть другие! – почти крикнул в ответ капитан, сорвавшись на резкость. – Только ты, старший сержант, павлином передо мной не ходи, ни где-нибудь службу тянешь, а на границе, Родину охраняешь.

Сказав о высоком, Вершинин сбавил тон, спокойно посмотрел на сержанта:

– Я с тобой для дела по-доброму говорю, а дело наше прежде всего. Иди и крепко подумай.

Он встал, одернул китель. Тихо, но жестко добавил:

– А если ныть начнешь, то самым первым с заставы вылетишь.

Не спится Сергею Корепанову после такого разговора. Мысли в голове одна на другую ложатся.

Ныть да павлина из себя корчить он вовсе не собирался. Да и на капитана не в обиде. Прав капитан. На заставе все – от начальника до рядового первогодка – как на ладони, все равны перед простым словом «надо». Оно порою покрепче самого сурового приказа бывает. И если усвоил это, впитал, тогда сам себя уважать начинаешь, цену себе осознаешь и доверие таких же, как ты. А доверие здесь штука особая, потому как на государственной границе всякое бывает.

ГЛАВА 3

Спать совсем расхотелось. Сергей встал, набросил гимнастерку на плечи, взял с тумбочки баян. Устроился поудобнее у залитого солнцем окна. Вскоре окружила его свободная от службы братва. Кто-то попросил:

– Корепаныч, «Девчонку» давай.

А он, пробежав пальцами по клавишам, как всегда, начал свою любимую:

– «Над рекою, над лесом заводские дымы...»

– Опять ты о своем Каменске, – нарочито громко возмутился красноярец Евсюков. – Что, кроме твоего Каменска-Уральского других городов нет?

– Причем здесь Каменск, – начал веселить всех ефрейтор Шмаков. – У Корепаныча молодка-красавица сейчас с халявщиком гуляет. А пограничник Серега тут сидит, баян давит.

Сергей не обижался на приколы ефрейтора, хотя от Наташки давно не получал письма. Мать осторожно сообщила: Наталья перестала заходить к ней в гости. Както при встрече оправдалась: мол, работает, учится. Все некогда.

– Ты, Шмаков, лучше опытом поделись, как чуть в штаны не наклал, когда мы с тобой дезертира брали, – с улыбкой он перевел разговор на шкодную историю.

– Как брали так и брали: ты на чем свет орал, а я брал, – не унимался Шмаков. – Правда, я маленько того... не разглядел, что у воина патронов нет.

Смешного в этой истории было мало.

Сбежал из воинской части замордованный солдатик. Прихватил автомат, да рожок с патронами где-то обронил. Видимо, одурел от голода и трехсуточного плутания по тайге. Пер напролом, не соображая, где какие части света.

Ему бы, придурку, обрадоваться, что, наконец, человеческий голос услышал. А он от команды: «Стой!» закрутился на опушке, ощетинился весь да как завопит:

– Убью!

– Я те убью! – рявкнул в ответ Корепанов. – Стоять! Брось автомат! Руки вверх!

Солдатик от такого поворота растелешился весь. Выронил автомат. Упал в траву, широко раскинул руки.

Подбежавший с боку Шмаков наехал на Сергея:

– Орешь в открытою. А если бы он очередью полоснул?

На заставе крепко досталось от бати. Наряд действовал не по уставу пограничной службы. Не вызвал тревожную группу.

После майорских внушений, его по-отцовски теплых матов Корепанов попробовал оправдаться:

– Товарищ майор, застава на усиленной третьи сутки. Измотались все. А тут ни на что уже не способный нарушитель погранрежима. Я принял решение действовать по обстановке.

Чуть помолчав, виновато глядя на начальника заставы, залихватски добавил:

– Мы, товарищ майор, о солдатике все узнали. Патронов нет. Автомат на предохранителе. Еле на ногах стоит. Зачем тревожную вызывать?

Майор уже не так строго взглянул на старшего сержанта, чуть заметно усмехнулся. Уставшим голосом подытожил:

– Следопыты хреновы. Марш отдыхать!

И уже совсем миролюбиво буркнул:

– Вечером в баню.

ГЛАВА 4

На солдатские посиделки заглянул прапорщик Васильев. Жестом руки показал, чтоб не вставали ребята. Сам сел подле Корепанова. Высок, косая сажень в плечах, лицо открытое, с добродушием, но в серых глазах холодок твердости.

– Товарищ прапорщик, – обратился к нему Шмаков. – Говорят, вы в Московский погранотряд уезжаете, в Таджикистан.

Васильев взглянул на ефрейтора.

– Неправильно говорят. Рапорт мой одобрен. Я не уезжаю, я возвращаюсь в отряд на свою заставу.

– Там неспокойно, – поддержал разговор Корепанов. – Там духи через границу прут.

– Да, – тихо подтвердил Васильев. – Там их хватает.

Застава Васильева на скалистом берегу горной реки Пяндж. А на другом – Афганистан. Этот участок границы – застаревшая горячая точка. Еще в далекие тридцатые годы здесь продолжались бои с бандами басмачей, пытавшихся расшатать советскую власть в республике. Сегодня моджахеды и наркомафия вновь испытывают на прочность государственную границу.

Отслужив на заставе срочную, Васильев принял обдуманное решение. Вместо дороги домой, на Волгу, поехал старший сержант в школу прапорщиков.

Через полгода он на заставе, на должности старшины. Должность хлопотная. Помимо боевой работы, надо старшине одеть, обуть, снарядить,

накормить личный состав. Проследить, чтоб чистота была и порядок. А пограничники – все как огурчики. Словом, старшина после начальника – второй отец для солдата на заставе.

Не успел прапорщик освоиться в своих старшинских делах, как получил приказ: «Срочно прибыть в отряд!» Там формировали из офицерского состава особую резервную мобильную группу. Разведотдел доложил: «На сопредельной территории идет концентрация боевых групп».

На совещании с комсоставом отряда и начальниками застав сотрудник республиканского управления КГБ изложил довольно тревожную обстановку:

– Кураторы афганских моджахедов, спецслужбы США и Великобритании разработали операцию глубокого прорыва госграницы с целью дестабилизации социально-политической обстановки в приграничных районах Таджикистана.

Подполковник взял указку, подошел к расшторенной на стене карте.

– Мы располагаем достоверными данными и готовы встретить основные силы боевиков в нужное время, в нужном месте. Но...

Он прервался, пристально посмотрел на начальника отряда, словно хотел убедиться в его профессионализме, продолжил:

– Есть еще скрытые диверсионные группы. Они будут действовать в труднопроходимой горной местности. Скорее всего пройдут траверсом по ледникам и спустятся по нескольким направлениям. Предполагаем – вот здесь.

Офицер показал на карте несколько высокогорных ущелий. Уверенно заявил:

– Думаю, на этих участках вам следует ожидать серьезных проблем.

ГЛАВА 5

На рассвете, когда молоко тумана вдруг заволновалось, заклубилось, заструилось по ущельям, открывая очертания горбатых хребтов, взошло солнце. Молодое, еще нежаркое, оно коснулось лучами вечно ледяных и белоснежных вершин Памира. Они вспыхнули золотистыми факелами, предвещая новый день и бой с непрошенными гостями.

Боестолкновение с одной из диверсионных групп произошло неожиданно. Мангруппа, в которой находился Васильев, в спешном порядке на двух БМП выдвигалась на перевал. Вдруг по рации поступил приказ: «Немедленно блокировать близлежащее ущелье!»

Попрыгав с брони, пограничники устремились по скалистому склону на его гребень. Здесь почти вплотную столкнулись с диверсантами. Завязалась перестрелка. Вдруг с отвесной скалы, используя альпинистское снаряжение, обрушились на защитников границы еще с десяток моджахедов. Рядом с Васильевым был лейтенант из политотдела отряда. Молодой, горячий, он короткой очередью уложил одного. Крикнув: «Прикрой!» – кинулся вперед, под огромный валун, да чуть-чуть не успел: пуля попала чуть выше сердца. Из-за камня высунулся стрелявший. Васильев почти в упор мгновенно выстрелил. Но рядом с лейтенантом оказался третий, бородатый. В руке блеснул нож. Прапорщик успел. Автоматом отбил руку и с разворота резко ударил откидным металлическим прикладом в голову нападавшего. Моджахед присел, завизжал. По черной бороде потекла струйка крови. Но через мгновение, очухавшись, полоснул ножом. Прапорщик отпрянул. Клинок промелькнул у самого горла. И вновь придавая силе удара всю инерцию тела, Васильев хрястнул металлом в окровавленную голову. Бородатый заметно обмяк. Падая, перестал визжать.

Недалеко рванула подствольная граната. Не успел порапорщик опомниться от рукопашной, как вдруг почувствовал жгучий удар в бок. Сознание помутилось. Теряя силы, он повалился навзничь, накрыв собой лейтенанта.

С политруком они вместе лечились в госпитале. Вместе получили по медали «За отвагу». В том бою вовремя прикрыли пограничников вертолеты, вовремя подоспела еще одна маневренная группа.

Когда уставшее вечернее солнце садилось за рваный горизонт гор, над ними уже повисла мирная тишина, а из долин к хребтам потянулись, поплыли синие туманы.

ГЛАВА 6

Солдатские посиделки прервал дежурный по заставе. Сержант, распахнув дверь, бегом направился к компании. Строго взглянув на дневального, еще не отдышавшись, обратился к Васильеву:

– Товарищ прапорщик, вас срочно вызывает товарищ майор.

В кабинете начальника собрался весь командный состав заставы. Майор предложил сесть, сухо начал:

– Прошу внимания. Из округа дан приказ немедленно перейти на усиленный режим охраны границы. Из органов МВД поступила ориентировка.

Он на секунду замолчал, обостряя внимание офицеров.

– Из Канской колонии строгого режима совершен групповой побег. Сбежали трое заключенных. Тяжело ранен часовой. Банда вооружена автоматом Калашникова с полным боекомплектом и скорее всего табельным пистолетом убитого на станции Тайшет лейтенанта транспортной милиции. В составе банды два рецидивиста и Николай Иванович Барков.

Заметное удивление отразилось на лицах присутствующих. На заставе знали, что некогда житель села Жипковщина Н.И.Барков осужден за участие в групповом ограблении промтоварного магазина в одном из районов Читинской области. Но чтобы он, внук уважаемого в приграничье народного дружинника Семена Петровича Баркова, совершил побег с матерыми уголовниками, стало неожиданностью.

– Думаю, Барков-младший находится в банде по принуждению и совсем не случайно, – озвучил свои мысли начальник заставы. – Есть уверенность – он у них в роли проводника. Родился и вырос здесь. Прекрасно знает горно-таежную местность. Они с дедом часто охотились в Ореховой пади, хаживали по Тункинским отрогам Малого Хин-Гана. А там, сами знаете, только звериные тропы на перевалы, в низинах – болота, трясина. Чужакам не пройти. Поэтому можно логично предположить – банду Барков поведет по этим местам, на левом фланге.

– Зачем уголовникам идти на прорыв границы? – задал вопрос капитан Вершинин. – Они должны понимать, какой это риск. И потом, разве им негде укрыться в такой огромной стране, как наша?

Майор посмотрел на своего заместителя, вновь обвел взглядом всех собравшихся, продолжил:

– Согласно оперативной информации, организатором побега является некий Виктор Николаевич Иванишин, кличка в уголовной среде Гиряй. Недавно Иванишин получил свой третий срок за налет и ограбление золотого прииска на севере Красноярского края. Налетчиков удалось найти и задержать. Последним был арестован Гиряй. А вот золото, похищенное с прииска, исчезло. Так что очень непростой этот гражданин Иванишин. Сегодня беглецов разыскивают не только милиция и сотрудники госбезопасности. На Гиряя объявили охоту красноярские криминальные авторитеты, связанные с золотом.

Чуть прервавшись, майор сформулировал ответ на вопрос капитана:

– Укрыться Гиряю негде. Все его норы под присмотром. Всюду смертный приговор. Даже за решеткой. Вот и получается: одна дорога – за кордон, через Хинганский хребет в монгольские степи.

– Есть еще одна убедительная информация. Иванишин проходил срочную службу в стройбате на территории Монгольской Народной Республики. Имеет представление о кочевой жизни монголов-скотоводов. Был в те годы чемпионом части по гиревому спорту. Силен. Отсюда и кличка.

В повисшей тишине прозвучал голос Васильева:

– Крысу загнали в угол, товарищ майор, она будет грызть даже металл.

ГЛАВА 7

Семен Петрович Барков заметно сдал за последние полгода. Узнав, что его внук Колька осужден за грабеж, он, не знавший хворей, заболел сердцем и слег.

«Надо же, горе-то какое: мой Николка – и вдруг бандит, – в мыслях сокрушался старик на больничной койке. – В кого парень-то пошел? Не было у нас в роду ни сволочей, ни пьяниц, ни придурков. А Николка возьми да и бандюгой стань».

От мыслей этих, от ощущения бессилия хоть что-нибудь изменить, исправить Семен Петрович захлебывался безудержным отчаянием. Сердце его начинало трепыхать. Боль длинным стальным шилом пронзала грудь. Он вытягивался в постели, хрипел, закрывал глаза.

Когда-то казаки Барковы почитались в здешнем крае. Урядник Забайкальского казачьего войска Петр Силантьевич Барков вернулся с Первой мировой полным Георгиевским кавалером. А если копнуть глубже, то дед отважного рубаки в составе

специального казачьего отряда участвовал в межевании границы между Россией и Китаем согласно Айгунскому договору.

В те далекие годы и появились первые избы села Жипковщина. Пятистенок братьям Барковым ставили из сосновых сухих бревен всем миром. Так уж повелось в старину. А когда последняя тесина была уложена в перекрытую крышу, садились казаки за длинный сколоченный стол, пили пенную брагу, пели песни о степном придонье, казацкой воле и судьбе.

Чуть позже выкопали братья рядом с домом колодец. Поставили над ним «журавля», как на Дону. И стало это место центральным в селе. Здесь казачий круг собирали, тут пели, плясали, а бывало и дрались. А по вечерам окружали молодые стариков, с замиранием слушали их рассказы о былом.

Особым успехом у нескольких поколений жипковщинцев пользовалась не то быль, не то придумка о том, как делили казаки с китайцами земли от светлой веселой речки Иля. Петляет она в отрогах то влево, то вправо, а потом, набрав воду, полноводно впадает в красавицу Аргунь, что дает вместе с Шилкой начало батюшке-Амуру.

Вели по местным дебрям китайцев и русских два бурята – старый и молодой. Старый все больше к китайцам лип. А молодой на своей низкорослой лошаденке от старшины не отставал. Он-то и растолковал казакам, что скоро речка сделает большую петлю. А в ней луговое раздолье с перелесками, озерцами. Земля – хоть на хлебушек мажь. Травы – сочней не бывает.

Смекнули казаки. Но китайцы тоже не лыком шиты. Твердят одно по одному:

– Левый берег ваш, правый наш. Так в договоре прописано.

Казаки не согласны. Мол, река шибко в нашу сторону завернула. И, что обидно, через полверсты, за сосновой гривой опять вернулась.

Заспорили. За грудки хвататься стали. За саблями да шашками потянулись. Вот-вот рубиться начнут.

Вдруг в этой сваре Барков самых ретивых растолкал. К толмачу китайскому подбежал, да и давай орать да руками махать:

– Охолонись, братцы! Кончай бузить! Придумал я! Придумал, как землицу эту поделим!

Когда все поостыли, Барков объяснил свою придумку:

– Здесь табориться будем. Бухулер сварим. Бражки попьем. А вот на рассвете кто первый очухается, кто вперед в какую сторону пойдет, того и правда.

Китайцы отошли посовещаться. Были они все ладные да крепкие. Особенно их начальник. И как такого бугая лашадка носила! Словом, пришел к казакам толмач. Руки развел, улыбается:

– Наша мяса, – говорит. – Ваша, казака, брага.

Казаки переглянулись, скоренько из обоза бочонок ржаной да на меде приволокли.

Ясное дело, упоили казачки китайское воинство. А чуть засветало, поднялись, опохмелились и айда в луговое раздолье. С тех пор и зовется эта щедрая пойменная землица Хмельным лугом.

ГЛАВА 8

Вернувшись из районной больницы в село, Семен Петрович опустил голову. Так уж положено – в приграничье все про всех все знают. А он то, бессменный командир народной дружины, был у сельчан на виду. Пример показывал. Если требовала обстановка, даже учебная, и в снег, и в дождь пикеты, заслоны на дорогах организовывал. Сам на них до конца стоял. Как-то в февральский морозец один из его команды возмутился: «Не солдаты мы, чтоб вот так мерзнуть».

Барков положил руку на плечо товарищу, как смог вразумил:

– Верно говоришь – не солдаты мы. Сейчас и уйдем по хатам. Только кто вместо нас? Подумай и скажи – кто вместо нас тут встанет? А стоять надо. Сам понимаешь – это наш с тобой самый крайний рубеж.

В эти часы, дни, годы озарялась в глубине его души гордость. Никому не намекал, не молвил о ней, а просто гордился своей причастностью к границе.

А тут с внуком своим в такую лужу сел, срам один, да и только.

Через пару дней пришел Барков в сельмаг. Попросил у продавщицы Любаши «чекушку».

Та скрестила руки на груди, брови нахмурила:

– Семен Петрович, тебе ж нельзя с больным-то сердцем.

– К своим пойду, – коротко ответил он, тут же пояснил:

– Ты же знаешь, спиртным не балую. С сыном, со снохой да с Дарьей моей поговорить надо.

Под вечер пришел он на кладбище. Нелепо погибли Колькины родители. Покатили на своем «Иже» за черникой в Темную падь. И, как на грех, навстречу пьяный водила с леспромхоза на «ЗИЛе». Ну и налетел на повороте. Все в один миг. А через год жена Петровича захворала, занедужила, тихо померла, как уснула. В больнице сказали – рак. А он-то знал – от горя все это.

Остались они с Колькой вдвоем. Внуку семнадцать. Деду за шестьдесят.

Сел старик на лавочку у могил, затих, налил в стаканчик водки. Посмотрел на могилу Ивана, прошептал:

– Прости, сынок, что-то не так я с Николаем, упустил парня.

В памяти всплыло то недалекое время.

Отслужив в армии, Колька поболтался в селе, уехал в соседний колхоз. Там связался с шабашниками, что строили коровник. Объявленный в стране хозспособ натворил дел. Приезжали к крестьянам непонятно кто, предлагали строительные услуги. Все делали тяп-ляп, гребли деньги, а потом – ищи ветра в поле. Пропал внук у этих строителей на месяц. Вернулся домой – как с гуся вода, заявил:

– Уеду я с этими мужиками деньги заколачивать.

Видно, задурили голову парню прощелыги. Дед внуку и так, и сяк, мол, дурь все это. Здесь тебе корни пускать надо. Здесь ты всюду свой.

А Колька упрямый, да с гонором:

– Дед, правда твоя старая, как и ты сам. Нынче деньги зарабатывать надо и жить не в глуши.

Через месяц пришло от внука письмо из Гусиноозерска. Мол, все хорошо. Работаю в бригаде, учусь на сварщика.

Письмо это оказалось последним. Потом привез участковый извещение из суда. Посидел, помолчал, положил на стол бумагу.

Вспоминая все это, Семен Петрович места себе не находил в хате. То ходил по горнице туда-сюда, садился за стол и вдруг спохватывался, шел на двор. Нехорошо ему, что-то на душе не так. Новый командир дружины Григорий Михалев не заходит, а бывало часто гостевал. И председатель сельсовета при встрече только кивнул, как-то боком мимо прошел.

– Что-то стряслось нехорошее, – проснувшись ночью, подумал он. Сердце вновь заколошматило в груди и вдруг затихло, словно остановилось. В туманном забытьи мыслями вернулся к Кольке, стал вновь корить себя, раскладывая по полочкам прошлое.

К утру вдруг надумал. Встал, быстро оделся, подпоясал телогрейку ремешком, на котором болтался самодельный охотничий нож. Собрал вещмешок, сунул в него сухарей, шматок сала и старый бинокль.

В серости рассвета Барков огородами ушел из села в тайгу, в свои охотничьи угодья. Там, недалеко от зимовья, хранился в дупле старого лиственя легкий, надежный, переданный по наследству отцом кавалерийский карабин.

ГЛАВА 9

За тупиковыми путями Улан-Удэнской товарной станции кривыми улочками с хибарками раскинулся небольшой поселок Заречный. Совершенно заброшенное местечко бурятской столицы. В темноте сентябрьского вечера Гиряй уверенно вошел во двор одного из домишек. В окне мерцал свет. Он тихо подошел, раздвинул ветви черемухи, постучал в стекло. Свет погас. Гиряй не спеша двинул к двери. За нею раздался приглушенный голос:

– Кто там?

– Свои, Сердюк. Свои.

Когда Николай и Паха, наконец-то наевшись, повалились на пол и засопели, Гиряй с Сердюком сели за стол. Молча уставились друг на друга. Сердюк предложил:

– Нальем по маленькой за встречу.

Гиряй отрицательно мотнул головой, с напрягом спросил:

– Схрон в целости?

Сердюк ждал этого вопроса.

– Слава богу, все спокойно. Я как мышь – ниже травы, тише воды. Зубы не скалю.

– Тогда пошли.

В кладовке они подняли две половицы. Руками разгребли сухую землю. Вскрыли тайник. Сердюк вытащил из него рюкзак. Смахнул пот со лба.

– Все целехонько.

Гиряй одобрительно посмотрел на него. Чуть помолчав, повелительно произнес:

– Теперь слушай меня. Через пару часов уходим. Ищем товарняк на Кяхту, а дальше через границу в монгольские степи.

– Как? – оторопел Сердюк.

– А так. Другого хода у нас с тобой нет. Скоро и сюда красноярцы нагрянут. Да и вертухаи с сыскарями не дремлют

– мне вышка, при лучшем раскладе – пожизненное, с тебя тоже не хило спросят.

Гиряй криво усмехнулся:

– Чую я – быки подгребут первыми. Мне в хате шепнули: «Хана тебе, Гиряй, пацаны шибко землю роют».

ГЛАВА 10

С утра мужики дружно взялись за топоры. Предстояло вырубить молодой кустарник, что буйно разросся на полосе отвода вдоль железной дороги Улан-Уде – Кяхта.

На этом участке железка делает несколько поворотов. И хотя поезда здесь катят на самой малой скорости, хорошая видимость для машинистов – дело святое.

Бригадир, внушительного вида мужчина, вдруг тормознул путейцев. Гаркнул с насыпи:

– Все ко мне! Давайте-ка поближе.

Оглядев собравшихся, поднапряг голос.

– Вчера вечером дежурный по разъезду настоятельно потребовал довести до каждого срочное распоряжение по дороге.

Он приподнял руку с вытянутым указательным пальцем, подчеркивая важность того, что он сейчас скажет.

– Слушайте и вникайте. В распоряжении сказано: первое – повысить бдительность и внимание. Второе – при обнаружении подозрительных предметов, звуков, следов и тем более посторонних как можно скорее сообщить дежурному ближайшего разъезда. И третье – никаких других действий не предпринимать.

Бригадир вновь обвел взглядом бригаду.

– Всем все понятно?

Молодой парень в оранжевом жилете поверх куртки, озорно хохотнув, громко смородил:

– А если шпиона словим, награду дадут?

Суровый взгляд бригадира обратился на балагура:

– Много болтаешь, сынок. Здесь пустой треп совсем не к месту.

Через час работы балагур вприпрыжку подбежал к бугру, схватил за рукав:

– Виктор Семенович, пошли покажу.

В полосе отвода местами выделялась буро-красными, светло-коричневыми пятнами среди еще зеленой травы глинистая почва. После ночного дождичка она вязко прилипала к подошвам сапог, делала их неуклюже-тяжелыми.

Путеец прошлепал по глине, остановился, показал рукой. Перед ними были едва расплывшиеся, но еще довольно четкие следы.

Бригадир плюхнулся на колени. Пальцем осторожно потрогал глину. Определил: ночью шагал. Да не шагал, а бежал.

Он молча поднялся, отстранив рукой молодого, шагнул на окраину леса. Походил туда-сюда, решил заглянуть за разлапистые пихты. И тут, увидев, на выдохе про себя произнес: «Натоптано. Да не один. Вон багульничек свиной придавлен, сломан. Кто-то стоял на нем».

Семеныч, слушая ветерок, шептавший в покрасневшем осиннике, сделал свои выводы: «Неаккуратно топтались. Не прибрали за собой. Видно, спешили».

Он быстро зашагал к насыпи. Махнув рукой, подозвал нескольких путейцев. Без лишних объяснений скомандовал:

– Ставим дрезину на рельсы. Я на разъезд. А вы спокойно, без лишнего шума продолжайте работать. В лес к следам ни шагу.

ГЛАВА 11

Информация о следе поступила на заставу. Майор с удовлетворением отметил: «Просчитать Гиряя оказалось несложно. Не такой он и умник – этот Иванишин. Проводник из местных, перекладные поезда и мнимая надежда на дно где-нибудь в глухом монгольском стойбище».

Думая так, майор вдруг улыбнулся: «Наивный или от страха голову совсем потерял. Рано или поздно депортировали бы его в наручниках монголы. А хуже того – в яму с голодными грызунами сбросили. Это они практикуют еще со времен Чингисхана».

Он вызвал Вершинина. Раздвинул шторы, прикрывающие карту со всеми известными только пограничникам подробностями.

Вскоре в кабинет прибыл капитан. Майор тут же сообщил:

– Есть контакт. Пока только след банды. Уверен, это они.

Заместитель по бою посмотрел на карту. Определил:

– Двадцать пять километров до границы. Думаю, у нас больше суток до визуального контакта.

– Верно, – подтвердил майор. – Быстрее они не дойдут, на марш-бросок не способны.

Он помолчав, обратился к Вершинину:

– С Иванишиным все понятно. А теперь, капитан, подумаем о Баркове-младшем, о его действиях.

– Есть два варианта, товарищ майор. Надеясь хоть на какое-то снисхождение, Барков приведет уголовников к нам. Второе – он поведет банду на прорыв незатейливо, без всяких придумок. Барков пойдет там, где они хаживали с дедом.

Выслушав капитана, начальник заставы нахмурился:

– Первое отбрасываем. Гиряй привязал к себе Николая кровью. Экспертиза показала – три последних ножевых ранения нанесены лейтенанту неумело, неглубоко. Нож был в руке Баркова. Совершив такое, он наверняка утратил всякое самообладание. Думаю, еще в зоне, основательно запуганный, Барков отказался понимать, на что идет. Добив раненного, он окончательно превратился в ходячего зомби. Сейчас он абсолютно равнодушен к себе, своей судьбе.

Майор вновь подошел к карте:

– Со второй версией согласен. В арсенале у проводника максимум два маршрута. Вот здесь или здесь.

Он сел за стол, положил перед собой из сейфа журнал боевой службы. Пригласил капитана присесть по ближе.

– Теперь надо основательно подготовиться к встрече. Нужно разместить еще пару скрытых наблюдательных пунктов. Группу во главе с прапорщиком срочно забросить на УАЗике к черным скалам. От них они совершат марш-бросок на северный склон гольца Чинги-Кан. Там Васильев должен ждать дальнейших указаний.

– Считаю, товарищ майор, необходимо усилить наряды старшего сержанта Корепанова и сержанта Портнягина. Они пойдут вдоль границы параллельными маршрутами. Я поведу тревожную как только произойдет визуальный контакт, – закончил свои преложения капитан.

Майор, делая заметки, вдруг прекратил писать, положил ручку. Лицо его вновь похмурело, на лбу четко обозначились морщины.

– Меня беспокоит одно – банда хорошо вооружена. Автомат с боекомплектом, пистолет лейтенанта. Наверняка полный магазин.

Он резко поднял голову, в упор посмотрел в глаза Вершинину:

– А нам надо, Виктор Сергеевич, наших пацанов вернуть их мамкам здоровыми и живыми. Так что необходимо сделать все возможное, чтобы исключить активное сопротивление уголовников.

В дверь кабинета постучали. Майор разрешил войти. На пороге показался дежурный связист. Четко доложил:

– Товарищ майор, телефонограмма из отряда.

Прочитав документ, начальник заставы пояснил суть:

– Спецы из МВД изучили натоптанное. По всем признакам в банде четвертый. Спустились с собакой в низину, но там после дождей всюду вода. Теперь вся надежда на нас.

Майор встал из-за стола, чуть прошелся, сказал:

– Гиряй по дороге прихватил подельника. Уверен – банда идет с золотом.

Подошел к капитану.

– Как думаешь, четвертый с оружием?

Вершинин молчал. Майор вдруг добавил:

– Найди время, проконтролируй снайпера. Пусть прицел подкорректирует. А то на последних стрельбах не очень. Из пяти – две десятки.

– Но остальные совсем рядом, – вставил Вершинин.

– Все равно плохо.

ГЛАВА 12

Наконец-то после череды дождей заглянуло в эти края бабье лето. Тайга встрепенулась, отряхнулась от мороси, подставила всю себя мягкому теплу солнца. И посыпалось, закружилось золото с белоствольных берез. Зашептали на ветерке облитые медью осинники. А за ними на взгорках молчаливо зависились вечнозеленые ели. Даже отроги Хин-Гана – эти хранители времени – вдруг обозначились в прозрачности пространства необычно нежной синевой.

Здесь, в своих охотничьих угодьях, старик Барков задышал полной грудью. Лес врачевал его тревогу, непомерную боль в душе.

Отдохнув на заимке, он зашагал дальше, под склоны гольца Чинги-Кан. Вспомнил о потаенном гроте в скалах, что дыбились над ущельем Ореховой пади.

Карстовая пустота внутри известковых пород оказалась сухой и просторной. Здесь можно было прилечь, вытянув ноги, и даже развести костерок. Воздух заметно тянуло вверх. Он струился в расщелины, создавал тягу.

«Вот и хорошо, – подумал старик. – Подремлю здесь,

утром запалю костерок, заварю в кружке чаю, поем».

Лес еще не проснулся. Даже пичуги не набрались смелости, чтобы нарушить предрассветную тишину. Барков любил и умел слушать эту тишину, предвкушая удачу в охоте. Так было, когда они с Колькой с особой осторожностью подкрадывались к глухариному току.

Он открыл глаза. Свет рассвета проник через широкий лаз в грот. Но тишина еще висела в утренней прохладе. Бедовые мысли о внуке вновь зароились в голове. Старик с горечью подумал: «Никуда ему не убежать от этого горя». Вслух прошептал:

– Как же так... Коля...

И вдруг он уловил звук. Еле слышно, еще не близко хрустнули ветки валежника. Барков напрягся: «Вот еще! Сохатый идет...»

Напряжение спало. Но тут резко захлопала крыльями в ольховнике капалуха.

«Что-то не так, – вновь подумал старик. – Курице-глухарке сохатый не помеха. Сидела бы не шелохнувшись».

Не любопытство, а тревога заставила его перевернуться со спины на живот, подобраться на край лаза. Он подтянул карабин, вещмешок. Достал старый бинокль, чтоб был под рукой. Опустил голову, чуть прикрыл глаза и весь превратился в слух.

Совсем скоро понял – по низине идут люди. Сердце учащенно забилось. Свет рассвета просочился ущелье. Барков взял бинокль. Заставил себя успокоиться, отвердеть. Теперь он следопыт, охотник, страж приграничья.

«Вот они, – на прогалине лесоповала он разглядел силуэты четверых. – Первый с палкой в руке, чуть поодаль друг за другом – трое.

Глядя в бинокль, Барков мысленно рассудил: «Не случайные, не шальные заплутавшие охотники или промысловики кедровой шишки. Идут в сторону границы».

Возник сам по себе вопрос: «Что делать?»

Чуть подумал: «Стрельнуть сейчас? Нет. Погранцы не услышат. Далеко еще».

Старик поглубже вздохнул, успокаивая сердцебиение, решил: «Пойду за ними. Когда надо будет, стану стрелять, взбудоражу лес, растревожу. Услышат».

Вновь навел бинокль на первого. Силуэт стал просматриваться более отчетливо. Шагает в фуфайке, на спине рюкзак. Остановился. Стоит. Поднял голову. Смотрит на скалы. Старик разглядел лицо.

Сердце екнуло. Жар ударил в голову, а руки от налетевшей растерянности мелко затряслись.

– Коль... – чуть было не закричал он со своей высоты в тишину ущелья. Левой рукой машинально прихлопнул рот. В голове затарабанили вопросы: «Колька здесь, зачем, почему? Он сидит, осужден – и вдруг в лесу у самой границы. А эти трое – кто они?»

Вновь испытав тягость отчаяния, он через минуту-другую все-таки пришел в себя, прояснил мысли. Затих, дрожь в руках прекратилась, а следом пришло решение. Оно тотчас безоговорочно охватило его, придало силы.

«Надо опередить. Надо встретить Николая. Посмотреть ему в глаза и спросить».

Старик стянул с себя теплогрейку, повесил на грудь бинокль, взял карабин и с осторожной проворностью выбрался из грота.

ГЛАВА 13

Просчитывая Баркова-младшего, начальник заставы не ошибся. Сейчас тот пробирался по лесным чащобам среди валежника и болотин совершенно без царя в голове. Постоянный тошнотворный испуг перед дышащим за спиной уголовником выжег в нем всякую способность реально воспринимать происходящее. Кровь лейтенанта на руках пошатнула рассудок. Он молил лишь об одном – скором избавлении от всего этого кошмара, его кошмара. И где-то в своей глубине, еще из детства, когда он часто бывал с дедом на заставе, он знал и верил: нарушить границу им не дадут.

В середине дня, подкрепившись на коротком привале тушенкой, банда прибавила шагу. Гиряю не терпелось перейти заветную черту. Потный, грязный, с автоматом наперевес, он все подгонял проводника. Жестом руки требовал не отставать остальным. Игрок по натуре, Гиряй вошел в раж, его выпуклые глаза горели фанатичной упертостью.

Вдруг они остановились. Дремучая сумрачность неожиданно открылась сентябрьским солнцем, безмятежной синевой неба. Впереди лежала широкая, убегающая далеко вниз светло-серая каменистая пустошь.

Прошлой осенью на южном Байкале произошла очередная подвижка дна. Землетрясение аукнулось и здесь.

Каменная гряда, что нависала над лесом, дрогнула и вмиг с грохотом обрушилась оползнем, сметающим все на своем пути. Щебеночные осыпи, гранитный плитняк и огромные валуны предстали перед глазами.

Гиряй зло посмотрел на Николая. Взгляд спрашивал: «Ты куда привел?» Он задрал голову, прислушался: «Вроде тихо». Взглянув на огромные валуны, подумал: «Можно укрыться, пройти». Ткнул стволом автомата проводника. Давай топай!

Николай зашагал, глядя по ноги. На губах шевельнулось что-то вроде улыбки: «Скоро, совсем скоро произойдет». Он шел и ждал не то окрика: «Стоять!», не то автоматной очереди над головой. И вдруг вместо этого увидел у ближайшего камня своего деда.

Тот стоял в мокрой от пота рубахе. Стоял таким твердым, сердитым, взволнованным.

Николай даже махнул рукой перед лицом, словно хотел прогнать от себя то ли сон, то ли видение. Потеряв дар речи, он стоял и смотрел на деда широко раскрытыми глазами. А тот во весь голос спросил:

– Коля, ты что делаешь?

Гиряй почти нажал на спусковой крючок. Но резко одернул палец. В голове мелькнуло: «Загуляет эхо. Услышат». Левой рукой он перехватил автомат, правой вынул нож. Согнулся, расставил ноги и, как-то ловко семеня и подрыгивая, словно паук, двинул вперед. Зашипел:

– Тихо, тихо, старик.

А Николай, громко, бессвязно закричав, вдруг развернулся к нему, раскинул руки, кинулся на Гиряя, на его подставленный нож.

Барков успел выстрелить перед сильным ударом в грудь. Стрелял из своего ТТ Сердюк. Повторить не дала пуля снайпера. Она развернула Сердюка. Раздробила предплечье. Рука дернулась, теряя оружие, повисла плетью. Кровь хлестанула на камни. Сердюк повалился на колени, схватился левой рукой за рану и, покрыв весь белый свет матом, протяжно завыл.

Замыкавший банду Паха в миг стал выше своего сутуловатого роста. Показательно швырнув пистолет лейтенанта, он вытянулся струной, высоко взметнул руки. Васильев грубо толкнул нарушителя, приказал:

– Мордой в землю! Руки за спину!

Корепанов на бегу пнул автомат Гиряя подальше, подскочил к деду, подхватил его. Объявил:

– Живой!

А дед, касаясь спины внука, еле слышно шептал:

– Возвернулся Колька, возвернулся. Не опозорил род.

Глядя на него, сержант усмехнулся, подумал: «Старый лис. Следопыт-охотник. От нарядов ускользнул. Всю обедню испортил».

ГЛАВА 14

Перед новогодним праздником застава готовилась отправить на гражданку своего последнего в этом году дембеля. На Сергея Корепанова смотрели сослуживцы: кто с явной доброй завистью, кто с подчеркнутым вниманием. А он вдруг стал какой-то не такой: вместо веселой легкости в глазах – серьезность. Да и как-то заметно – говорить, балагурить стал меньше.

Носил в эти дни Корепанов в себе большой секрет. Решил: «Пока никому ни слова».

Вернувшись с последнего своего боевого дежурства, он сдал службу. Прошел в казарму, вынул из тумбочки аккуратно сложенный вдвое лист бумаги. Отправился к заместителю начальника заставы.

Встретились. Корепанов обратился:

– Товарищ капитан... – протянул лист бумаги.

Вершинин развернул, прочитал то, что было написано, серьезно спросил:

– Твердо решил, все взвесил?

– Было время подумать.

Вершинин, не колеблясь, протянул руку, сжал кисть сержанта:

– Сначала, Сергей Николаевич, в отпуск, в свой Каменск. В сердечных делах разберись. А то иногда вижу – взгляд у тебя уж сильно грустный. А потом в школу. Мы с майором все порешаем.

Корепанов широко улыбнулся, в глазах горели искорки надежды:

– Придет время, Виктор Сергеевич, Наташку свою сюда привезу. Учителя в селе ой как нужны.

– Точно!

– Слово пограничника.

ДЕРЕВНЯ ПАРТИЗАНСКОЙ СЛАВЫ

Максим ЕРШОВ

Член Российского союза писателей. Лауреат литературной премии «Наследие» (2020), лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2024), финалист Национальной литературной премии «Писатель года» (2023, 2024). Публиковался в «Независимой газете», в журналах «Всемирный путешественник», «Подъем», «Приокские зори», «Причал», «Наш современник», «Север», «Изящная словесность», в альманахе «Родина». Автор книг «Русские боги», «Тайны оманского ладана» (совместно с Г.Леонтьевым), «Афганистан при талибах глазами очевидца». Живет в Москве.

Солнце спряталось за горизонт, оставив отблески заката, которые медленно растворялись среди темнеющего неба, стремившегося соединиться с лесом. Когда последняя полоса погасла, Савелий, отмахиваясь от комаров, поднял указательный палец и сообщил внуку.

– Слышишь, летят. Кто это, скоро поймем.

– Деда, не слышу.

– Потерпи, услышишь, – ответил Савелий, разворачивая внука за плечи в сторону востока.

Ветер стих, словно тоже прислушивался, и размашистый звук с каждой секундой нарастал. Когда приближавшийся рык стал отчетливым, старик с мальчишеским задором произнес.

– Вертолет! Сашка, поджигай!

Внук с чиркнул спичкой и бросил ей на хворост. Огонь разбежался по поляне, сформировав пламенем огненную Z. Через пару минут в бездонном небе показалась темная точка. Борт шел на большой высоте без сигнальных огней и с земли был слабо различим. Однако, когда он пролетал над поляной, дедушка с внуком поняли, что штурман горящую Z заметил. Винтокрылая машина сбавила ход, зависла на месте и качнулась из стороны в сторону.

От причастности к праведному, на лицах появились улыбки, глаза засверкали азартом.

Сашка жил в Гостилово, в семи километрах Матрёновки, куда приходил к деду при каждом удобном случае. С раннего детства дед был для внука лучшим другом. Он смастерил широкие лыжи, и зимой они вместе обходили капканы, летом и осенью собирали ягоды и грибы, по весне рыбачили.

Как-то раз, на разбежавшемся посреди леса ручейке, старик начал, что есть силы, бить палкой по воде, предоставив Сашке сеть. Ох и испугался же мальчик, когда от рывка гигантского чудища чуть не упал в протоку. Добычей стал резвый и усатый сом, которого они общим усилием вытащили на берег.

Помимо развлечений, внук помогал деду по хозяйству. Умел справиться с козой Машкой, привести в стойло, подкормить и напоить. Бодучий Яков для Сашки тоже был не страшен. Под громкий лай Шарика козла нужно было схватить за бороду и оттаскать, после чего самец, ревновавший любимую Машку, успокаивался.

Деревня Матрёновка, где жил Савелий, была печально известна. Запрятанная в лесу, во времена Великой Отечественной она стала оплотом сопротивления. Старосту не выбрали, в полицаи никто не записался, зато почти из каждой семьи кто-то ушел в отряд и поддерживал связь с близкими. Парни и девчата приходили домой ближе к ночи, совместно ужинали, отдавали для стирки одежду, помогали по хозяйству. На рассвете забирали котомки с продуктами и растворялись среди Брянского леса.

Контролировать Матрёновку у немцев не получалось. Наведываясь поутру, они видели вскопанные огороды, но ни удары прикладом, ни устрашающие выстрелы ситуации не меняли. Жители деревни молчали, никто никого не выдал.

Как-то раз в апреле 42-ого возле Матрёновки фашисты угодили в засаду, потеряв с десяток солдат. Озверевшие, на следующий день они нагрянули в деревню, где повыгоняли народ из домов, сгруппировав на площади. Офицер, управлявший карателями, предлагал указать приспешников партизан. В противном случае обещал расстрелять всех. Людей били

прикладами, женщины и дети истошно рыдали, но ответа на ультиматум немцы не получили.

Ситуацию спасли двое ребят из отряда имени Сталина. Они вступили в бой, приняли удар на себя и погибли. Каратели, поиздевавшись над телами, подожгли хаты и убрались восвояси.

Причитания женщин еще не успели затихнуть, а старики уже начали копать землянки, где в последующем разместились по несколько семей.

Устрашающая акция не сломила воли. Связи с партизанами матрёновцы не теряли, новые угрозы не страшили. Так продолжалось до мая 43-го. В районе Курска назревало сражение, обещавшее стать решающим. После очередной дерзости партизан, немецкое командование решило с Матрёновкой покончить. Ранним утром 24 мая деревню оцепили, стариков, женщин и детей согнали в уцелевший с прошлого года сарай и подожгли.

Выжить удалось немногим. Рыбачившие на озере подростки, услышав выстрелы, метнулись к лесу. Немцы во след начали стрелять. Двое были убиты, однако Митька и Толик, получив ранения, добрались до Гостилово, где их приняли родственники.

В послевоенное время, кто воевал на фронте, либо партизанил, вернулись на пепелище и начали отстраиваться. Если до войны в Матрёновке был колхоз «Красный муравей», то теперь его переименовали в «Красный партизан». Мужских и женских рук не хватало, однако деревня начала возрождаться.

В 51-ом в Матрёновку прибыла государственная комиссия во главе с известным скульптором. Дело происходило под вечер, жители собрались в клубе, чтобы обсудить возведение мемориала.

Внимание художника привлекла Алёна, пришедшая с сыном. Платка на голове не оказалось, волосы были растрепаны. Стараясь вникнуть в происходящее, она, положив руку на плечо сына, с теплотой и нежностью прижимала его к себе. Увидев Алёну, от своих прежних идей скульптор отказался. Попросил председателя, чтобы тот на три дня освободил женщину от работы с сохранением трудодней, и Алёна ему позировала.

Памятник получился пронзительный. От мраморной женщины с ребенком веяло несгибаемой силой, пересилить которую казалось невозможным. Белоснежная, олицетворявшая чистоту скульптура сделалась воплощением победного светлого, противостоящего коричневой чуме.

Проходя мимо мемориала, всякий раз Алёна испытывала неудобство. Почему художник выбрал ее? Были куда более достойные! Когда дошло до председателя, тот успокоил: «Не бери в голову. Это не именно ты, статуя воплощает народ».

В октябре 41-го Алёна ушла к партизанам, где выполняла обязанности медсестры. Простые ранения обрабатывала сама, с тяжелыми готовила к отправке в тыл. У партизан существовал аэродром, куда ночью с большой земли прилетали самолеты.

С освобождением Брянщины девушка перешла на работу в военный госпиталь, после Победы вернулась в родную деревню, вышла замуж и родила Кольку. Хватанувший в предплечье немецкую пулю Толик приходился Алёне двоюродным братом, и Митька тоже был дальним родственником.

Шли годы, Митька перебрался в Брянск, завербовался на стройку, обзавелся семьей. Толик из родной Матрёновки уезжать не захотел, окончил курсы трактористов, с помощью колхоза построил дом, куда привел супругу.

Толик и Алёна жили по соседству от мемориала. Потерявшие близких, они старались держаться друг друга, при этом с их собственными семьями судьба распорядилась по-разному.

Муж Алёны от полученных на фронте ранений часто болел и потому прожил недолго. Через месяц после смерти отца Колька подорвался на немецкой мине. От новых потерь Алёна зачахла, и Господь забрал ее к себе, для встречи с сыном и мужем.

Желающих переехать в лесной колхоз и поселиться в Алёнином доме не нашлось. Простенький сруб начал сыпаться, словно хотел уйти в другой мир за хозяйкой, но в дело вмешался случай. На день Победы мемориал посетило большое начальство. Местные рассказали, что за памятником дом женщины, с которой создан скульптурный образ. Партийные работники посетовали на разрушавшуюся избу, предложив отреставрировать и сделать музеем. Местные власти взяли под козырёк, так к началу 70-х в запрятанной среди лесов деревне появился музей.

В Матрёновку стали привозить третьеклассников. Вступая в пионеры, они давали торжественную клятву, и в комсомол тоже принимали возле мемориала. Каждый год 9 и 24 мая проводились торжественные мероприятия. Музей и мемориал стали визитной карточкой района.

Пережив 90-ые, в новом тысячелетии музей пополнился уникальными экспонатами, памятный комплекс реконструировали, дополнив табличками, поклонным крестом и часовней, при этом от самой деревни остался один единственный дом. Зимой сюда было не проехать, а если нагруженное снегом дерево падало, обрывая линию электропередач, монтажники устраняли неполадку самое раннее через неделю.

К Толику, вернее, к Анатолию Марковичу, судьба проявила благосклонность. Его первенец Савелий по молодости лет Алёну не запомнил, поэтому отец всякий раз напоминал, что они живут возле памятника, на котором изображены родные люди.

Анатолий Маркович прожил 65 лет, застав Перестройку и Ельцина. Дочь уехала в Брянск, зато Савелий, как и отец, покидать родные места не захотел. В день начала СВО Савелию исполнилось семьдесят. Единственный сын Леонид жил в Гостилово. Осенью 22-го, в критический момент СВО, Леонида призвали в армию. Волновать близких лишними новостями старший сержант запаса не хотел. В сообщениях приходило: жив, здоров, всё нормально и т.п.

На первых порах Савелию казалось, что специальная военная операция закончится быстро, однако события стали затягиваться. Более того, Матрёновка сделалась одной из точек воздушного коридора.

В первое лето, сотрясая землю и воздух, над лесной деревней

пролетали Русланы. Неизменно в ночное время, они шли на малой высоте, и Савелию казалось, что огромный самолет хвостом или крылом может зацепить трубу на крыше, либо срезать верхушки елей.

Истребители, наоборот, резали небо днем на малой высоте и обязательно в паре. Проносились так быстро, что Савелий не успевал их рассмотреть, зато отчетливо слышал, как отстреливались ракеты. После этого звено разворачивалось и возвращалось на аэродром другим маршрутом.

Вертолетов было много, и они тоже летали низко. По звуковым характеристикам они отличались от самолетов, и Савелий перестал обращать на них внимание.

Ближе к третьему году СВО ситуация изменилась. По темноте стали слышаться звуки, имевшее общность с бензопилой, либо с газонокосилкой. Другие, издавая пронзительный вой, уверенно шли над лесом и растворялись в ночи.

Как-то раз старику удалось рассмотреть летательный аппарат. По телевизору часто показывали вражескую бабу-ягу, и Савелий опознал ее прямо над домом. Над мемориалом горел уличный фонарь. Зацепившись за свет, баба-яга всю ночь висела над Матрёновкой, а когда рассвело, отправилась дальше.

Мобильная связь деревню не покрывала, стационарный телефон отключили еще при Горбачёве. Оповестить власти про беспилотник Савелий не мог, зато имел ружье. Как на зло, патронов с крупной дробью не оказалось. Зарядив мелкой, он отошел в сторону и из-под ветвей ели дважды выстрелил. Увы, баба-яга его потуги не заметила.

«А если сбросит мину? Завтра нужно сообщить участковому, и для повторного случая купить купный калибр», – подумал Савелий, что и сделал.

К этому моменту Русланы пропали окончательно, и истребители показывались не часто. Баба-яга, которую Савелий решил подстрелить, словно хитрый волк, обходила Матрёновку стороной. Помимо нее зачастили беспилотники самолетного типа. Злобно рыча, они пролетали рядом, но увидеть их удавалось редко. Чтобы быть начеку, старик не расставался с ружьем, стреляя вверх при каждом подобном случае. Результатов это не давало. Слушая в новостях о причиненном уроне, он относил это на свой счет, дескать, пропустил вражину.

Между тем, брянское ПВО не сидело без дела. На охрану спокойствия встали вертолеты. Они бороздили небосвод на запредельной высоте, и появление их по времени было непредсказуемым. Как-то раз, прямо над деревней, винтокрылый выпустил ракету, и вдалеке послышался взрыв.

Савелий понял, вертолеты выискивают беспилотники. Баба-яга и другая гадость на двухкилометровую высоту подняться не могут, зато сами видны как на ладони.

С появлением небесного патруля стало спокойней, чему Савелий был необычайно рад. Чтобы поблагодарить вертолетчиков, время от времени он зажигал на поляне огромную Z.

В последний день июня в Матрёновку нагрянул облаченный в каску и бронежилет участковый. Поздоровавшись, старший лейтенант Сумелов, которого Савелий знал пацаном, заявил следующее.

– Савелий Анатольевич, весь Брянский лес уже судачит, что ты по птицам стреляешь. Завязывай. Кто и куда летит, мы не знаем. Я сам их не различаю. По своим можешь попасть. Ну и вообще, если рванет над домом, мало не покажется. У ПВО свои дела, у нас свои. Мне в задание поставили хутора объезжать и предупредить, чтобы о незнакомых людях докладывали незамедлительно!

– Так как же я сообщу, ежели появятся?

– Да знаю, что связи нет, но смекалки тебе не занимать. В общем, я тебя предупредил, – произнес полицейский и направился к машине.

Сумелов помнил, как вместе с друзьями в детстве они полезли к Савелию за яблоками. В первый раз прошло, а во второй раз хозяин по забору растянул проволоку с погремушками. Не ожидавшие подвоха, они сильно напугались и убежали в Гостилово.

По окончании Петровского поста Пётр и Павел, как обычно бывает, от светового времени убавили час. Обещая, что день будет погожим, над лесом заструился рассвет. О наступившем утре старика оповестила синичка. К ее тихому щебетанию добавилось блеяние козы, перемешанное с призывами козла.

Савелий оделся, заправил кровать, напоил Яшку и Машку, и поочередно отвел на поляну. Козе предстояло искать пропитание самой, а козла требовалось привязать. После настал черед Шарика и синичек. Собаке Савелий наполнил миску вчерашним супом, а синичкам сыпанул семечек.

Караулившая возле кормушки птичка в одиночестве пиршествовать не стала, и начала звать сородичей. За синичками старик наблюдать любил. Ему всегда было удивительно, как эти мелкие птахи, держась поодиночке, в обязательном порядке к трапезе приглашают сородичей. В отличие от воробьев, свары не устраивают, сперва в кормушку влетит одна, другая, за ней третья, четвертая.

Коллективный разум живым существам помогает поддерживать свой вид. Человек умней любой птицы, любого животного, при этом драку может устроить по поводу и без повода. Особенно хорошо получается, когда люди набираются глупых идей.

Утренний лес навевал тишину. В отсутствии ветра верхушки и ветки казались застывшими, над поляной стелился туман, ровную гладь озера нарезало на куски множество водомерок.

До войны к воде примыкали дома с огородами, теперь Савелий являлся единственным хозяином водоема. Сегодня после обеда к нему должен прийти внук. К этому моменту дедушка завершит дела, и они будут удить рыбу.

Пришедший Сашка рассказал, что от отца поступило обычное: «Всё нормально, скучаю, что у вас?»

Мать ответила, написав большое сообщение, которое отец еще не читал. Савелий кивнул и отправил внука за червями.

Когда тот набрал с полбанки, проверив крючки и поплавки, дедушка и внук отправились к водоему. На первых порах клева не было, однако далее караси стали

в буквальном смысле заглатывать крючок.

Увлеченные рыбалкой, подъехавшую машину они услышали в последний момент. Чтобы кто-то приехал в Матрёновку, да еще во второй половине дня, да еще и в воскресенье – это было событием чрезвычайным. От резко хлопнувшей двери и заскрипевшей калитки Шарик принялся истошно тявкать. Сердце Савелия наполнилось тревожными предчувствиями.

– Саш, ты посиди, я посмотреть схожу.

Внук понимающе кивнул, насадил нового червя, в очередной раз забросив удочку. Миновав огород, Савелий увидел, как из его дома вышел человек с иностранной винтовкой. Другой, не обращая внимания на истошный лай Шарика, изучал сарай. Еще двое вытаскивали из грузовика нечто, похожее на трубы.

– Ты не бойся, дед, мы геодезисты. Воду искать приехали, заодно музей посмотрим. Нас Корнаухов направил, – произнес рослый детина.

Незнакомцы оказались одеты буднично, однако их наглое поведение и наличие оружия всё ставило по местам. В добавок ко всему, главу администрации пару недель назад заменили, о чем Савелию сообщил участковый.

Когда приходил Сашка, старик старался спрятать ружье в чулан. Оценив ситуацию, понял, зайти в дом ему не дадут. Скорее всего, диверсанты хотят сбить вертолет, тот самый, для которого он и внук зажигали Z.

Что делать? Отсидеться, чтобы на старости лет терзаться угрызениями совести? Нет, в этом случае он попросту не сможет спокойно смотреть на мраморную Алёну! Поставив на себе крест, Савелий решил, необходимо как больше шума, но слышит ли его Сашка?

– Диверсанты?! Да вас ищут по всему лесу! А ну пошли отсюда, – после этих слов он что есть силы ударил об угол избы железным ведром.

В ответ прозвучали два хлестких выстрела. Савелий упал вперед лицом, в предсмертных судорогах обнимая родную землю. После следующих выстрелов заскулил Шарик.

– Лютый, посмотри, он тут один был или нет.

– Понял. Ща на огород схожу, – ответил стрелявший.

Крик деда и звон от ведра Сашку насторожили. Выстрелы были тихие, однако мальчишка их услышал, а уже когда заскулил Шарик, всё понял. Бросив удочку, он метнулся по берегу и укрылся среди травы. Сердце бешено колотилось, но он старался не двигаться. Когда возле удочек раздались шаги, как можно сильней вжался в землю, после нашел в себе силы и аккуратно выглянул.

Сашка спрятался в месте нехоженом, тогда как по другую сторону озера находился родник. Увидев, как незнакомец удаляется по тропинке, он приподнялся и что есть сил рванул в сторону леса. До спасительных деревьев оставалось не более десяти метров, и именно в этот момент плечо обожгла боль. Вместе со щелкавшими по веткам пулями от дома слышалось:

– Щенка, щенка не упусти.

Решив, ни в коем случае не вставать, он дополз до спасительных деревьев, распрямился и побежал в сторону Гостилово. Голова кружилась, из простреленной лопатки сочилась кровь, но страх придавал сил, тем более что сзади слышался хруст веток.

Про сожженную Матрёновку Савелий внуку, чтобы не травмировать психики, старался не рассказывать. Как прадед спасся от немцев, мальчишка узнал на уроке Мужества. Ему запомнилось, что прадед, опасаясь засады, на дорогу выбегать не стал, просквозив сквозь лес и через болото. И вот теперь правнук, получив похожую рану, выбиваясь из сил, бежал таким же маршрутом. Наградой в этом квесте была жизнь.

В сумерках добрался до трассы. Деревня была близко, но бежать он уже не мог. Что их дом настолько далеко от начала улицы, он ранее не задумывался. Отворив дверь, из последних сил ввалился в избу и упал матери на руки.

– Там, там... Они там в дедушку стреляли. Какие-то люди... И Шарика застрелили... он скулил.

Мать чуть было не упала в обморок. Накрепко закрыв дверь, дрожащими руками сняла с сына одежду, увидела рану и попыталась перевязать. После взяла мобильник и принялась судорожно тыкать кнопки.

О диверсантах Брянское ФСБ информацию получило загодя, но каковы их цель и маршрут, было неясно. После звонка участкового полетная карта оказалась скорректирована. Оценив окрестные дороги, в сторону Матрёновки выдвинулся спецназ. Возглавлявший колонну БТР оказался подбит из гранатомета. Под прикрытием товарищей экипаж из горящей машины сумел выбраться. Небратьев поливали огнем безостановочно. На первых порах, заняв оборону возле мемориала, они отстреливались, отступили к озеру, хотели уйти на болото, но оказались уничтожены.

В ту же ночь Сашку доставили в районную, а после перевели в областную больницу. Кость была задета, но ранение оказалось не опасным. Дедушку спасти не удалось. Он умер задолго до приезда скорой. Мать Сашке про его смерть хотела не сообщать, но он всё понял.

Взяв с сына обязательство, до поры до времени не посещать место трагедии, мать забрала к себе козу и козла, последних обитателей деревни.

Большую Z для вертолетов никто более не зажигал, однако пилоты, зная о случившемся, старались над Матрёновкой зависнуть.

Выйдя из больницы, Сашка понял, что окончательно расстался с детством. Отец о смерти своего отца узнал после похорон и приехать в отпуск не смог. Вместо причитаний и соболезнований от него пришло следующее:

«Любимый и дорогой Саша, держись! Мы потеряли дедушку, зато ты теперь настоящий мужчина. Старайся в учебе, береги маму. Мы обязательно победим, я вернусь с Победой! Ну а пока, у нас принято говорить: «Работайте, братья!»

«ЕГИПЕТСКОЕ ИГО» ГЛАВНОГО КАССИРА НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО ЗАВОДА ДМИТРИЯ ПЕТРОВИЧА ШОРИНА (1817–1907) И ЕГО БРАТЬЕВ, ПОТОМКОВ КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНИНА ИВАНА ЛЕОНТЬЕВА-ШОРЫ (1750–1802)

Елена ЧЕРНАЯ

**Поэт, писатель,
член Союза писателей России.**

Ольга ХАЛЯЕВА

**Редактор Нижнетагильского
музея-заповедника
«Горнозаводской Урал».**

(Начало на стр. 1)

ИСТОРИЯ ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ, ОЧЕРК «ПЛАТИНА» И НЕ ТОЛЬКО

Очерк «Платина» Д.Н.Мамин-Сибиряк закончил 20 декабря 1890 года и, поставив подпись под последними строчками, приложил к рукописи подробные списки мест, откуда были переведены на Урал крепостные крестьяне. Кроме того, Дмитрий Наркисович приобщил к рукописи сделанную от руки небольшую карту, где отметил губернии, уезды, деревни и села, из которых в течение 1827, 1828 и 1829 годов «пригнано» из Расеи на уральские заводы господ Демидовых 1244 семьи. В списке и на карте отмечены одиннадцать губерний, пятнадцать уездов и больше 120 местечек. Так из Тульской губернии вывезено 495 семей (туляки), из Черниговской губернии – 228 семей (хохлы), из Рязанской губернии – 183 семьи, из Симбирской – 112 семей, из Вятской – 86 семей, из Московской губернии – 83 семьи, из Калужской губернии – 33 семьи, из Херсонской губернии – 16 семей (хохлы), из Тверской губернии – 3 семьи, из Новгородской губернии – 2 семьи, из Нижнегородской губернии – 1 семья. Или около 8500 душ разного пола и возраста, включая грудных младенцев.

В очерке «Платина» писатель отметил, что всего через пятьдесят лет, прошедших с перевода пригнанных на новые места, «только опытный глаз может отличить главные группы переведенцев от коренного старообрядческого населения: все слилось, и преобладающим типом явился великорусский, в частности туляк». И правда, из тульской и центральных губерний вывезено 796 семей. «То же можно сказать и о говоре, о песне, обрядах и всей обстановке быта. Остались одни клички: хохол, кержак, туляк».

В горнозаводском округе сложился определений тип мастерового – «выработавшийся на бойком промысловом месте». Такой этнографический вывод писатель делает в 1890 году, когда в журнале «Русская мысль» начинает печататься его роман «Три конца», по жанру определенный автором как «летопись уральской жизни». Над романом Мамин-Сибиряк работал с некоторыми перерывами с 1887 года, одновременно с очерком из уральской жизни «Платина». Очерк, построенный на фактическом материале заводов Нижнетагильского (Муромский завод в романе) и Висимо-Шайтанского (Ключевский завод в романе), подвел своеобразный, но не для всех очевидный, этнографический итог. Три конца, кержацкий, туляцкий и хохлацкий, присущие всякому поселению горного округа, были тем человеческим, кипящим страстями и противоречиями котлом, сплавившим из различий особый тип уральского мастерка, пригодный для выживания в суровых условиях уральской природы и жесточайшей воли заводовладельцев, власть которых в после реформенную пору приобрела другие, не менее жестокие формы. Особенности, отличающие группы переведенных в горный округ, исчезли, сойдясь в один «тип прожженного и юркого заводского человека... каким по преимуществу является сейчас тагилец, по междузаводскому прозвищу «без подошев сапоги».

В очерке автор указывает, что «достал сведения о переведенцах в Нижнетагильские заводы через давнего и хорошего знакомого Дмитрия Петровича Шорина, у которого бывает каждый раз, когда случается заезжать в Тагил. «Это тагильский старожил и большой любитель всякой старины, живописи и минералогии. Его небольшой домик – сплошная коллекция».

Д.Н.Мамин-Сибиряк описывает Дмитрия Петровича почтенным совершенно седым старцем «с мягким голосом, мягкими движениями и умным взглядом. Он один из

последних представителей старых демидовских служащих, до всего доходивших собственным умом».

С семьей Шориных Наркиса Матвеевича Мамина, отца писателя, давно связывали самые близкие, почти родственные, отношения. В метрической книге от 1 ноября 1852 года есть запись о том, что при крещении младенца Дмитрия (будущего уральского писателя) в Висимо-Шайтинской церкви восприемниками (крестными) стали священник этой церкви Андрей Будрин и «прикащика (управителя Висимо-Шайтинского завода) из крепостных Николая Петровича Шорина жена Феоктиста Даниловна». Николай Петрович Шорин – старший брат Дмитрия Петровича Шорина. Мамин-Сибиряк всегда заходил к Феоктисте Даниловне, жившей на Верхней Ерзовке в Нижнетагильском заводе напротив дома Дмитрия Петровича.

И далее в очерке Мамин-Сибиряк пишет, что на заводе «еще в темное время крепостного права» сложился потомственный «тип служителей» (приказчиков, управителей – заводской образованной интеллигенции), передававшей свои должности чуть ли не по наследству, и «...это деловой народ, органически сросшийся со своим заводским делом, его интересами и злобами дня... ничего не хочет больше знать кроме своих заводов».

Характеристика рода Шориных – отца Николаевича Ивановича Шорина и его шести сыновей – в из списках служителей за 1854 год полностью подтверждают этот писательский тезис: почтенный отец семейства «Шорин Петр Иванович (1789–1858) – бывший управитель Висимо-Шайтанского и Черноисточинского заводов, его сыновья: Николай Петрович Шорин – управитель завода в Верхней Салде, Дмитрий Петрович Шорин – главный кассир Тагильских заводов, в Верхней Салде: Иродион Петрович – помощник бухгалтера, Порфирий Петрович – помощник кассира, учитель Михаил Шорин, в Висимо-Уткинском заводе –- лекарский ученик Александр Петрович».

Еще одному из братьев – Федору Петровичу Шорину, казалось бы, поначалу судьба благоволила. В числе талантливых крепостных он был отправлен Н.Н.Демидовым (1773–1828) учиться в Швецию и Францию. По возвращению с 1841 года назначен кричным надзирателем Верхне-Салдинского завода, затем управителем Висимо-Шайтанского завода. При А.Н.Карамзине (1814–1854), втором муже Авроры Карловны Шернваль-Демидовой, возглавлял строительство завода в Нижегородской губернии. Ф.П.Шорина постигла трагическая участь большинства тагильских «заграничных болванчиков, так их называли на заводах». Федор Петрович не вынес всех тягот крепостного положения и покончил жизнь самоубийством.

В очерке «Платина» Мамин-Сибиряк уточняет причину, которая довела многих получивших европейское образование специалистов до крайности: «когда «заграничные» вернулись домой, то попали прямо в лапы доморощенных крепостных управляющих – «демидовских дворян», которые не хотели признавать за своих чужаков в сшитых по европейской моде приталенных сюртуках и пестрых жилетках, и «почти все они кончили сумасшествием или самоубийством». Писатель приводит список этих жертв крепостного произвола, в котором 14 специалистов в разных отраслях металлургии и горного дела: «во Франции воспитывались Фотий Ильич Швецов, кончивший курс в L'ecole polytechnique первым учеником, Николай Андреевич Рябов (горное дело) и Федор Филиппович Звездин (бронзовое и чугунное литье); в Германии – Алексей Петрович Ерофеев (горная часть), Иван Яковлевич Никерин и Иван Андреевич Шамарин; в Швеции – Григорий Ильич Швецов (горная часть), Федор Петрович Шорин (горная часть) и Александр Петрович Ерофеев (тоже); в Англии – Павел Петрович Макеев и Ефим Алексеевич Черепанов, построивший в двадцатых годах первую паровую машину на Урале; Прокопий Алексеевич Образцов, Давыд Евграфович Лихачев и Стеблов – неизвестно где».

Для романа Мамина-Сибиряка «Три конца» образ Федора Петровича Шорина послужил прототипом главного героя – молодого управителя Ключевского завода Петра Елисеевича Мухина, все его нововведения не нужны администрации завода, а в частности главному управляющему Голиковскому. Тот путем экономических притеснений и «прижимок» желает и дальше использовать дешевый наемный труд, как раньше использовал крепостной, и видит в этом главную пользу и выгоду и для завода, а главное – для хозяев.

Дмитрий Наркисович не раз использует образы братьев Шориных в своих очерках, рассказах («Книжка» и др.), в романе «Приваловские миллионы».

Нелегко приходилось братьям Шориным, хотя всегда были на хороших местах, ценимы хозяевами, пользовались уважением главного уполномоченного Нижнетагильского горного округа Анатоля Октавовича Жонес де Спонвиля, доверенного лица Павла Павловича Демидова и потом его старшего сына Елима Павловича. Старший из братьев Николай Петрович (1812–1888) в разное время был управителем Нижне-Салдинского и Верхне-Салдинского заводов, нередко управлял делами в отсутствие главного уполномоченного заводов Тагильского округа В.К.Рашета. Иродион Петрович (1816–?) служил помощником бухгалтера в Верхней Салде. Младшие братья: Федор Петрович (1819–?), не выдержав травли, доносов и недоверия, покончил жизнь самоубийством, Порфирий Петрович (1825–?) служил кассиром Нижне-Салдинского завода, в дни выдачи зарплаты работал по 15 и даже 18 часов, от частого перенапряжения разбит параличом и отстранен Демидовыми от должности без пенсии, Александр Петрович (1822–?) – начинал как лекарский ученик в Висимо-Уткинском заводе, а затем продолжил фельдшерскую практику в Висимо-Шайтанском заводе. Обстоятельства и даты смерти не всех братьев известны, их еще предстоит установить.

Дмитрий Петрович Шорин (1817–1907) в свои 90 лет стал единственным из шести братьев, переживших четырех царей: Александра I, Николая I, Александра II, Александра III, и пятерых заводовладельцев: Н.Н.Демидова (1773–1828), П.Н.Демидова (1798–1840), А.Н.Демидова (1813–1870), П.П.Демидова (1839–1885), А.К.Шернваль-Демидову (1808–1902).

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Семья главного кассира Нижнетагильского завода жила на Верхней Ерзовке в двухэтажном деревянном доме рядом со Входо-Иерусалимской церковью, в самом центре заводского поселка, в «первой его части», где селились служащие Нижнетагильского и Выйского заводов. Верхняя Ерзовка с холма от собора спускалась к реке Тагил, шла по Маральскому мосту, а дальше по Вые уже улица Максимилиановская через жилую застройку выходила к Выйско-

Никольской церкви, фамильной усыпальнице Демидовых.

Мамин-Сибиряк в очерке «Платина» так описывает дом Шорина: «Поднимаясь по лестнице во второй этаж, вы уже видите картины, которым недостало места в комнате. Это всё копии с разных старинных образцов. Низенькие комнаты второго этажа сплошь заняты картинами, гравюрами и акварелями… Обстановка совершенно особенная». Но в этом ошибался Дмитрий Наркисович, были у Шорина и подлинники великих мастеров, и картины и акварели современников – русских художников.

Дмитрий Петрович Шорин еще в училище недурно рисовал акварелью, но по воле заводчиков и, имея склонность к точным наукам, был направлен в счетное отделение заводской конторы. Но став главным кассиром завода во всех поездках в Санкт-Петербург и пребывания там, находил возможность заниматься живописью и минералогией, бывал в доме у известного художника, бывшего демидовского крепостного Василия Павловича Худоярова, выходца из знаменитой тагильской династии художников Худояровых. Под руководством академиков живописи Т.А.Неффа и А.Т.Макарова брал уроки в Академии художеств. Посещал Эрмитаж, где изучал живописные коллекции и манеру письма великих мастеров разных школ живописи.

В Нижнетагильском музее-заповеднике хранится каталог картинной галереи Дмитрия Петровича (ф.10. оп.10. д.28), составленный в последние годы жизни по образцу каталогов крупнейших европейских музеев. Он профессионально систематизировал коллекцию, делал описание каждой картины с указанием ее размера, сюжета, истории приобретения и денежных сумм, в которые обошлась покупка. С момента составления каталога прошло более полутора веков, но страницы, разлинованные на табличные столбцы, хранят записи, выполненные четким каллиграфическим почерком коллекционера.

Каталог был сохранен внучкой Дмитрия Петровича Елизаветой Васильевной Боташевой (1900–1982). Сохранился и увесистый том, содержащий фотографии Шорина и его семьи, фотографии улиц и домов заводского поселка конца XIX – начала XX века. Остались и сведения о 185 картинах, гравюрах, эскизах и эстампах частной картинной галереи.

Дмитрий Петрович начал собирать картины в 40-е годы, приобретая их у служащих, которых хорошо знал, бывавших за границей или обучавшихся за границей и вернувшихся на заводы: у М.И.Белова, секретаря Н.Н.Демидова, у Ф.И.Швецова, управляющего заводами по технической части, у П.Д.Данилова, управляющего Петербургской конторой, А.А.Любимова, главного директора заводов, Н.Я.Рябова, художника А.М.Королева, а потом и у их наследников. А также в Санкт-Петербурге на выставках и аукционах Общества поощрения художников, в книжном магазине Вильгельма Греффа на углу Адмиралтейской площади и Невского проспекта. В Екатеринбурге и везде, где ему приходилось бывать по служебным делам как главному кассиру завода, в должностные обязанности которого входила личная перевозка больших денежных сумм.

Первые крупные приобретения в 1848 году Д.П.Шорин сделал в аукционных залах Общества поощрения художников в Петербурге. Общество было основано группой меценатов для содействия развитию изящных искусств, распространению художественных познаний, образованию художников и скульпторов. «Основные правила для руководства к деятельности Общества поощрения художников» в 28 апреле 1833 года утвердил сам император Николай I.

Собрания Общества проходили с 1831 года в одном из помещений Румянцевского музеума на Английской набережной. Позже устраивались в доме Тура на 5-й линии Васильевского острова под номером 4. И только в 1870 году для Императорского общества поощрения художеств было построено здание на Большой Морской улице.

Дошедший до нас каталог картинной галереи Шорина ценен еще и тем, что дает представления о том, какие картины видел Д.Н.Мамин-Сибиряк в доме на Верхней Ерзовке, в частном и самом крупном собрании того времени не только в Нижнетагильском заводе, но и горном округе Демидовых.

Все представители династии Демидовых, начиная с Акинфия Никитича, который известен как страстный собиратель «художественных и минеральных редкостей», были покровителями изящных искусств. Николай Никитич Демидов (1773–1828) жил за границей больше, чем в России. Назначенный в 1810-х годах русским посланником во Флоренцию, он в приобретенном дворце собрал колоссальную, стоившую миллионы картинную галерею, коллекции скульптур из мрамора и бронзы и других ценных редкостей.

После классической скульптуры в коллекциях живописи на первом месте находится итальянское искусство эпохи Возрождения. Во флорентийской описи, составленной в 1826 году самим Николаем Никитичем, записано свыше 500 картин европейских художников, начиная с эпохи Возрождения и до первой четверти XIX века. И первым номером в описи отмечена картина школы Рафаэля «La Vergine con il Bambino Ges» (Мадонна с младенцем Иисусом) и еще 13 картин, написанных на один из главнейших библейских сюжетов «Святого семейства».

Его сын Анатолий Николаевич Демидов после смерти отца перевез на двух судах коллекцию в Санкт-Петербург в специально построенное здание. Часть античных коллекций Н.Н.Демидова в 1851 году была предложена А.Н.Демидовым императору Николаю I для Эрмитажа.

Незначительная часть приобретенных Демидовыми в Италии и Франции художественных полотен пересылалась в Нижнетагильский господский дом или пополняла убранство Входо-Иерусалимской, Выйско-Никольской и Введенской церквей. Для заводовладельцев, кроме способа выгодного вложения капиталов, приобретение и коллекционирование произведений искусства становилось подтверждением высокого статуса и состоятельности великосветских придворных.

Вот и для Д.П.Шорина, крепостного Демидовых, одаренного талантом и увлеченного искусством, собирание картин стало амбициозным стремлением иметь свой приватный музей и жить в окружении работ выдающихся мастеров итальянской, фламандской, голландской, французской и русской живописных школ.

Приводим первую и вторую страницы Каталога, они интересны и как пример описания картин в том порядке, какой определен коллекционером в части сюжетной значимости произведений, и места живописца в ряду имен мирового значения. Сама последовательность записей рассказывает многое о системе ценностей Д.П.Шорина, о его приверженности христианским и художественным идеалам как тонкого цени-

№ п/п	Мера в дюймах/см.*		Описание картины	Примечания
	высота	ширина	Видение Иезекилю. Рафаэль.	Вывезена из Италии М.И.Беловым, бывшим в 30-х годах секретарем Демидова. Уступлена от него брату Гавриле Ив. Белову и как неблестящий образ досталась после его смерти в наследство дочери Ларисе, от которой и куплена вместе с другими итальянскими картинами.
1.	15/38,1	11/27,9	Изображение Господа Саваофа, сидящего на группе – орла, тельца и льва с ангелом, поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще: свят, свят, свят Господь Саваоф. Написано на доске с двумя шпонками на обороте, эскизно, по мастерскому очерку карандашом, не окончено вполне: головы ангелов в сиянии только намечены, земной пейзаж только подготовлен без растительности и двух человеческих фигур, освещенных лучами света, прорвавшегося из облака, на котором несется видение. Это оказывается по сравнению с известным образом видения Иезекиля во Флоренции в галерее Gel Uffizi. Здесь на обороте доски, под верхней шпонкой надпись Cocpio Rafael, что означает утвердил Рафаэль. Из какой галереи неизвестно, потому что бывшая сургучная печать соскоблена. Cocpio Rafael могло еще выражать, утверждал Рафаэль, тогда бы значило, что кто-то из его учеников начал, а он одобрил, но здесь не так: по мастерскому абрису карандашом, смело уверенной рукой наброшены краски, но недовольство материалом или желание написать в большем виде вызвало недовольство мастера, так что поперек картины черкнуто ножом и она осталась неоконченной.	Стоимость 75 р. В конце прошлого и начале нынешнего столетия в Италии произведения славных мастеров покупались невозбранно русскими вельможами для себя и для Эрмитажа. Н.Н.Демидов, проживая 30 лет за границей и производя на свой счет даже раскопки в Риме для приобретения антиков, накупил массу художественных произведений, из которых его секретари и управляющие, как видно порядочно попользовались для себя. Стоимость 150р.
2.	23/30,5	16/40,6	Отдых Святого Семейства на пути в Египет. Вблизи разрушенного языческого храма сидящая Богоматерь поддерживает на своих коленях спящего младенца Иисуса, правою рукой приподняла край пелены, на которой он лежит, и с благоволением смотрит на коленопреклоненнаго в восхищении ангела со сложенными для молитвы руками, другой ангел стоит возле, с руками сложенными на груди, выражая свое благоговение к божественному младенцу: вдали догорает заря и виден край города. Величавое спокойствие Божьей Матери, тихий свет от головы спящего младенца, изящество фигур ангелов, их голов и рук с переливами свето-тени, заявляют мастера подражателем Рафаэля и Корреджио. Это Федерико Фиори, называемый Бароччио (Barroccio) умерший в 1612 году.	Картина с оторванным углом была куплена в Риме Н.Н.Демидовым за дорогую цену и в 1829 году вывезена в С.-Петербург в числе живописных и скульптурных произведений и антиков, оцененных тогда на 10 миллионов. Пересланная тогда же в Нижнетагильск, несколько раз копирована здесь одним иконописцем по заказам управления. Когда же от небрежного обращения с нею начали осыпаться краски с одежды ангелов, она заменена копией и перешла в заводскую гостиницу, выкуплена оттуда и переведена в С.-Петербург для реставрации. Художник Романов перевел картину на новый холст и столь хорошо реставрировал, что не осталось следов порчи. 300р.

теля, определившего свой вкус в выборе объектов коллекционирования.

Первая и вторая страница Каталога (сохранены пунктуация и орфография Д.П.Шорина).

Еще одним примером такого пользования «хозяйскими ценностями» стала картина из «кладовых дома Демидовых, где она хранилась в числе старых попорченных образов» – «Монах францисканец, в молитвенном экстазе стоящий на коленях» кисти испанского живописца Франсиско де Сурбарана. Деревянная доска, на которой написана картина, была источена с левой стороны термитами, и в 1880 году уступлена в частную собственность за 40 рублей бывшим тогда управляющим заводов.

В каталог внесена и еще одна картина, несомненный шедевр: «Богоматерь на молитве под голубым покровом с опущенным взором и сжатыми руками», превосходно выписана грациозною кистью Кароло Дольчи, вывезена из Италии в 30-х годах М.И.Беловым, знатоком и ценителем искусства, вместе с другими картинами Н.Н.Демидова. Авторство художника подтверждается собственноручной подписью в темном фоне картины: CDolci, сделанная красной краской тонкой кистью». Шорин добавляет: «У М.И.Белова была еще небольшая картина – «Голова Спасителя в терновом венце» тоже работы Кароло Дольчи, но она скрылась и исчезла из виду».

Самыми частыми покупками Шорина были копии с картин итальянских и русских мастеров, выполненные крепостными художниками знаменитой нижнетагильской династии Худояровых. Дмитрий Петрович, возможно, был знаком с Ф.С.Худояровым (1740–1828), П.Ф.Худояровым (1802–1860), С.Ф.Худояровым (1810–1865). А с Василием Павловичем Худояровым (1829–1892) всю жизнь сохранял дружеские отношения. Коллекция Шорина насчитывала более 20 копий, выполненных Худояровыми в европейских музеях с картин известных художников.

Пожалуй, самой крупной по размерам – 2 м 54 см на 1м 62 см – и значимой в коллекции была копия, написанная несколько лет жившим в Германии крепостным художником Степаном Федоро-

Нижний Тагил. Вид на Входо-Иерусалимскую церковь

вичем Худояровым (1810–1865), учеником К.П.Брюллова, с картины «Мадонна со святым Себастьяном» кисти Антонио да Корреджо из Дрезденской картинной галереи, а с нее уже скопированная его братом, крепостным художником Павлом Федоровичем Худояровым (1802–1860). Шорин, купивший копию Павла Федоровича за 150 рублей, так восторженно описывал картину: «Святой Себастьян, привязанный к дереву и пронзенный стрелой, смотрит на Богоматерь с младенцем Иисусом, окруженных ангелами. На нее же смотрит стоящий на коленях Пармский епископ Джемениал, которому сидящий в углу картины гений подает модель храма. На другой стороне в тени сидит, скорчившись, прикрыв голову святой Рох, умирающий от холеры после ревностного ухода за больными». Интересна приписка коллекционера: «За копию С.Ф.Худоярова Н.П.Колюпанов предлагал 500 рублей, но Введенские священники ее не продали». Значит, в Нижнетагильском заводе были и другие держатели коллекций и ценители прекрасного, которые делали предложения священникам о купле-продаже картин и икон, привезенных Демидовыми или заказанные ими крепостным художникам для убранства церквей. И возможно, Колюпанов и подобные ему не всегда получали отказ. Шорин владел и еще одной копией, выполненной С.Ф.Худояровым в Дрезденской галерее с картины Антонио да Корреджо «Мария Магдалина».

В Нижнем Тагиле с 1841 по 1847 годы работал живописец П.П.Веденецкий (1791–1847), воспитанник Арзамасской школы живописи, писавший виды Нижнетагильска, рудников и заводских цехов, иконы для царских врат и убранства Выйско-Никольской церкви, построенной сыновьями Н.Н.Демидова и ставшей усыпальницей рода Демидовых.

На Петербургской выставке Общества поощрения художников в 1848 году Шорин приобрел выполненные П.П.Веденецким копии с картин французского живописца Жана-Батиста Грёза: «Девочка с голубем», «Вакханка с кувшином», «Головка девочки», описанная в каталоге Шориным как «женская русоволосая головка, перевязанная голубой лентой с обнаженным плечом и грудью».

И в этой приверженности к известному живописцу Д.П.Шорин близок к Демидовым: сильную страсть Николай Никитич Демидов питал к сентиментальной живописи Жан-Батиста Грёза. Известно, еще его отец Никита Акинфиевич был заказчиком французского художника, который написал для него серию полотен. Жена Н.Н.Демидова, Елизавета Александровна (1779–1818), урожденная баронесса Строганова, позировала Жану-Батисту Грёзу. На портрете 1800 года художник запечатлел ее в образе кающейся Марии Магдалины. Заметен определенный контраст между миловидными моделями Жана-Батиста и трагической тональностью образа, созданного Е.А.Демидовой, которую считали образцом элегантности и утонченной грации в великосветских салонах Парижа.

Несколько копии с картин Жан-Батиста Грёза, выполненные, возможно, Василем Павловичем Худояровым, сейчас находятся в коллекции Нижнетагильского музея-заповедника: «Девочка с собачкой» и «Портрет девочки». Интересно сравнить эти копии с оригинальными портретами Жан-Батиста Грёза. На копийном «Портрете девочки», у Грёза картина названа «Девушка с письмом», целомудренная кисть художника, воспитанного в среде тагильских старообрядцев, «прикрыла» платьем слишком откровенно оголенные грудь и плечи.

От Василия Павловича Худоярова Шорину в 1878 году перешел за 100 рублей оригинальный эскиз кисти Карла Павловича Брюллова «Спаситель в терновом венце»: «на лице Спасителя превосходно выражено его страдания, а другие части остались в подмалевке в овальном круге».

В каталоге галереи записаны и выполненные В.П.Худояровым живописные произведения: «Крамской И.Н. на этюде». Кроме того, галерею пополнили копии, выполненные В.П.Худояровым с картин западноевропейских художников из Эрмитажного собрания: «Спаситель в терновом венце» Гвидо Рени, «Плач Богоматери у креста» Поля Де Ляроша, «Красавица-еврейка» – фрагмент картины «Суд Соломонов» Анри-Фредерика Шопена, «Ангел, отваливающий камень от гроба Христова» с картины профессора Академии художеств П.В.Басина, «Портрет богатого голландского еврея» кисти Рембрандта ван Рейна, с приложением к полотну эрмитажной печати.

Несколько копий из личного собрания В.П.Худоярова после его смерти были пересланы Шорину: «Святое Семейство» Карло Маратта, «Портрет воина-крестоносца» Д.Г.Левицкого, «Портрет немецкой дамы с накинутым на голову кружевом» Гаспара Нетхера, оригинал картины «Образ Святых тезоименитых царской фамилии Великого князя Александра Невского И Великой княгини Ольги апостолов Андрея, Павла и другие, над которыми распростер руки Господь Вседержитель».

Картина «Взятие Богородицы на небо» с великолепного образа К.П.Брюллова, выполненного для Казанского собора Санкт-Петербурга, мастер-

Видение пророка Иезекиля. Художник Рафаэль Санти. Флоренция, Галерея Уфиццы

Монах францисканец. Художник Франсиско де Сурбаран

Богоматерь на молитве. Художник Карло Дольчи

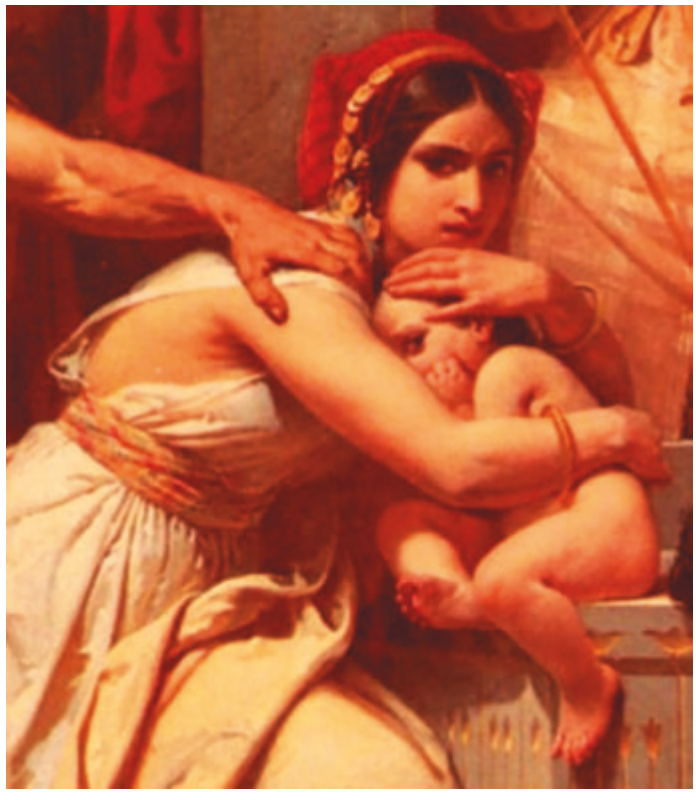
**Мадонна со Святым Себастьяном.
Художник Антонио да Корреджо**

**Отдых Святого семейства по пути в Египет.
Художник Караваджо**

Голова Спасителя. Художник Карл Брюллов

Портрет красавицы еврейки. Франмент картины Суд Соломона. Художник Анри-Фредерик Шопен

Портрет старого еврея. Художник Харменс ван Рейн Рембрант

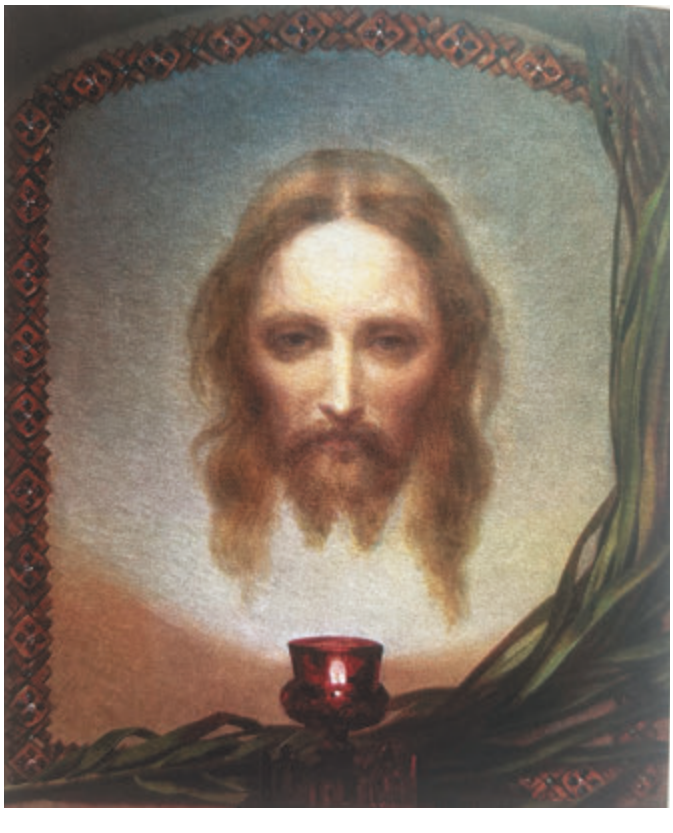
Святое семейство. Художник Карло Маратта

Взятие Богородицы на небо. Художник Карл Брюллов

Императрица Екатерина. Художник И.Б.Лампи

Нерукотворный образ Спасителя. Художник А.Т.Макаров

Пушкин у моря. Художник И.К.Айвазовский

Копия академика Я.Ю.Яненко с картины Карла Брюллова »Последний день Помпеи» (фрагмент)

Портрет Николаса, сына Рубенса. Художник П.П.Рубенс

Тихое море. Художник А.К.Айвазовский

Девушка с письмом. Художник Жан-Батист Грёз

Копия В.П.Худоярова с картины «Девушка с письмом» художника Жан-Батиста Грёза. НТМЗ

Елизавета Александровна Демидова в образе кающейся Марии Магдолины. Художник Жан-Батист Грёз

Портрет Н.Н.Демидова. Художник К.Морелли. НТМЗ

Автопортрет. Художник П.П.Веденецкий

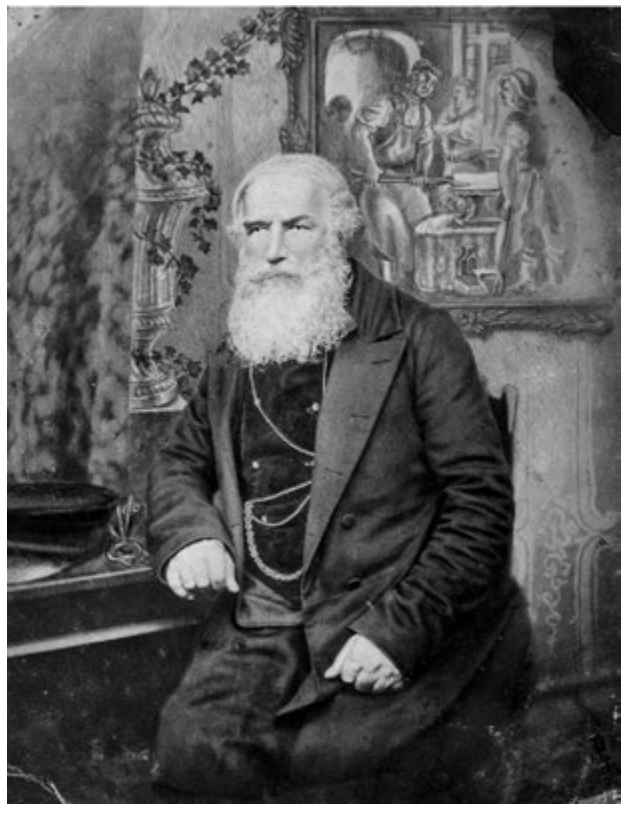
Автопортрет. Художник В.П.Худояров

Семья Д.П.Шорина. НТМЗ

Николай Петрович Шорин, старший брат Д.П.Шорина. 1860–1870-е гг. НТМЗ

Петр Иванович Шорин, отец Д.П.Шорина, фото XIX века. НТМЗ

Дмитрий Петрович Шорин. 1840–1850 гг. НТМЗ

Дмитрий Петрович Шорин. 1870–1880 гг. НТМЗ

ски скопированная академиком М.Е.Сорокиным, была выкуплена из рук художника в 50-х годах А.М.Королевым по моему заказу», – пишет в примечании Д.П.Шорин.

В Обществе поощрения художников в 1848 году по розыгрышу в лотерею и за 120 рублей получена гравюра, небольшого размера 54 на 79 см, сделанная Жераром акварелью с картины К.П.Брюллова «Последний день Помпеи». Фрагмент этой же картины, где «старшая дочь христианского семейства в ужасе обнимает сестру и мать», выполненный академиком Я.Ф.Яненко, писанный для К.П.Белова, после его смерти выкуплен Шориным с аукциона за 50 рублей.

Известно, что картина «Последний день Помпеи» была заказана К.П.Брюллову Анатолием Николаевичем Демидовым. Покупки Шорина свидетельствуют о том, что он всегда был в курсе многих заказов художникам от Николая и Анатолия Демидовых и хотел иметь в своем музее доступные для его средств копии с этих картин. Недешево обходились Шорину эти приобретения. Но азарт и тщеславие обладания, пусть и копиями шедевров, делали крепостного Демидовых равно свободным в выборе предметов коллекционирования, как и его господ, и всегда брали верх над материальными затратами.

Копия В.П.Худоярова с картины профессора А.Т.Макарова «Нерукотворный образ Спасителя», тоже принадлежавшая Шорину, сейчас находится в музее истории подносного промысла Нижнетагильского музея-заповедника. Подобный образ при Николае II украшал императорские покои Александровского дворца в Царском селе.

Четыре картины были вывезены из Парижа управляющим Нижнетагильскими заводами Фотием Ильичом Швецовым (1805–1855) и долго служили украшением его дачи на берегу заводского пруда (сейчас это Музей «Демидовская дача», входящий в состав Нижнетагильского Музея-заповедника). Потом по расчетам между братом его Григорием Ильичом Шевцовым с Федором Петровичем Шориным поступили в собственность Дмитрия Петровича Шорина. Один пейзаж «изображал летний день, двух гренадеров, которым фермер указывает на лежащее за рекой селение». Другой пейзаж был с видом взволнованного моря, «над которым раздвинувшиеся тучи освещают носимую на

Церковь Александра Невского. 1986 г.

худом плоту обнаженную женщину с корзиной на коленях. Кругом горы и скалы. Подвергшийся крушению корабль, поднятый громадною волной».

В числе редкостей картинной галереи и два морских эскиза на тесненном картоне И.К.Айвазовского с подписью на обороте секретаря общества поощрения художников А.М.Прево. На одном эскизе А.С.Пушкин стоит в раздумье на скале перед поднимающейся волной и туманом, вдали догорает вечерняя заря. На другом – утро золотит разбегающиеся волны моря, на котором видны корабли и пароходы. Эскизы куплены в 1848 году за 75 рублей. А также приобретена копия с картины «Тихое море» А.К.Айвазовского от В.П.Худоярова за 30 рублей.

В каталог внесены и описаны подлинники картин итальянской школы живописи: «Видение пророку Иезекилю» мастерской Рафаэля, «Отдохновение Святого семейства на пути в Египет» Фредерико Бароччи, «Богоматерь на молитве» Карло Дольчи, «Голова седого старика» Караваджо; испанской школы: «Сидящая богоматерь» Мурильо, «Монах-францисканец в молитвенном экстазе» Сурбарана; фламандской школы: «Портрет сына» и «Автопортрет» Пауля Рубенса, изображенного цветными карандашами в берете и меховом плаще с золотым рейсфедером в руке; французской школы: «Портрет вельможи» Жана-Батиста Греза, «Пастух и пастушка» Франсуа Буше, «Портрет императрицы Екатерины II» придворного живописца И.Б.Лампи и еще множество копий старинных картин, гравюр, литографий и рисунков.

Последняя 185 запись в каталоге Д.П.Шорина – это запись «о дивные красоты изображении головы ангела с картины «Богословие» Рафаэля, копированная в Риме художником А.М.Крюковым». Голова ангела – одно из изображений фрески «Богословие», более известной под названием «Диспут или спор о Таинстве Евхаристии». Фреска была выполнена в 1509 году одной из первых для Апостольского дворца папы Юлия II в Ватикане, и в последствии получила название «Станцы Рафаэля». Фреска занимала целую стену напротив второй из четырех композиций – фрески «Афинская школа».

Эстампы с изображениями Рафаэлевых лоджий были присланы в начале XIX века Н.Н.Демидовым для школы живописи, открытой в Нижнетагильском заводе по его распоряжению. В дальнейшем, когда «от различных причин произведения тагильских ремесленников потеряли свое значение вместе с ценой», листы разместили на стенах господского дома как простые украшения». В 1848 году их продали Д.П.Шорину, погрузившемуся в созерцание листов с фресками Ватиканских лоджий папской резиденции.

Действие фрески «Диспут» происходит и на земле, и в небесах. В верхней части композиции – Пресвятая Троица: Бог Отец, как Пантократор, со сферой в ру-

ках, Бог Сын (его воздетые руки со стигмами) и Дух Святой в виде голубя. Над ним ангелы. По сторонам Богоматерь, Иоанн Креститель, Апостолы Петр и Павел, с Адамом, Иаковом, Авраамом, Давидом и другими лицами Святого писания. В нижней части композиции изображена сцена богословского диспута о Таинстве евхаристии. В сцене участвуют (по левую сторону от алтаря) римские Отцы Церкви: папа Григорий I и Иероним Стридонский, Августин Блаженный с Амвросием Медиоланским. В диспуте принимают участие другие представители церкви: Савонарола, епископы, папы Юлий II и Сикст IV. Последний изображен в правой нижней части картины в золотом папском облачении, за ним стоит Данте Алигьери в красном одеянии, увенчанный лавровым венком, символизирующим славу поэта. Далее – человек, с книгой в руках, облокотившийся на перила, в левом углу фрески изображен архитектор эпохи Высокого Возрождения, создатель базилики Святого Петра в Ватикане и наставник Рафаэля Донато Браманте.

Видимо, Дмитрию Петровичу было важно закончить каталог именно этой записью о вечном споре философов, богословов, поэтов, отцов церкви и простых мирян о Таинстве евхаристии или Таинстве христианского причастия, соединяющего верующих с Богом, с церковью и друг с другом.

Шорин, глубоко верующий христианин, искал в живописных полотнах великих мастеров ответ на вечные и спорные вопросы о божественном начале и божественной истине. Происходя из рода потомственных крепостных, он не раз задавал себе вопрос о зависимом положении, которое претерпевал с рождения, подчиняясь воле тех, кому принадлежали его жизнь и жизнь его близких. Тогда, возможно, и возникали мучительные сомнения в истинности Божественного причастия и в равенства всех и каждого перед Богом.

Какими же были реальные доходы Д.П.Шорина?

По приблизительным подсчетам, следуя записям в каталоге, удалось установить, что Шорин потратил на галерею более 8500 рублей. Более точный подсчет затруднен, поскольку страницы каталога за сто с лишним лет с момента составления изветшали и утратили цифры стоимости значительного количества записей. Но и эта, установленная по читаемым записям, суммарная стоимость коллекции по тем временам очень значительна. Но, видимо, для страстного коллекционера художественная ценность приобретенных живописных шедевров превосходила понесенные материальные затраты.

После окончания курса наук в Выйском училище в июле 1833 года он поступает писцом в денежное отделение управления заводов с жалованьем 171 р. 43 к. серебром в год. В апреле 1835 года его определяют помощником повытчика денежного отделения с жалованьем 400 рублей в год. В 1847 году Шорина переводят на должность главного кассира.

При утверждении новых штатов служащих с 1.12.1847 года Дмитрий Петрович писал Жонесу де Спонвилю, что ему «полагается жалование в 6100 рублей ассигнациями или 600 рублей серебром в год, но опять ни слова о прибавке на содержание лошади и кучера, которые стали совершенно необходимыми. Последние 6 лет (до 1847 года) он живет на иждивении отца и старшего брата, при наличии семьи в 10 человек. И еще нужно возмещать из жалования потери при ежегодном вымениваемой мелочи на 300 тысяч рублей до 300 рублей в год». (При обмене ассигнаций на металлические рубли устанавливался лаж или фиксированный курс обмена бумажной ассигнаций на серебряные рубли. В питейных заведениях, где вымениваал мелочь Шорин, мог быть свой курс, отличный от официального и менее выгодный, еще больше обесценивающий бумажные ассигнации, что и приводило к потерям при обмене на медные или серебряные деньги. – Прим. автора).

При таких обстоятельствах Дмитрий Петрович с 1847 по 1883 годы расходует на вышеперечисленные необходимые для главного кассира траты всё «бухгалтерское жалование и часть дополнительно полученных законных средства: от служебных наградных 1500 рублей, наследство после умерших брата и отца, бывший в сохранной кассе капитал жены, прибыли от небольшого кирпичного завода и от продажи минеральных коллекций, всего не менее 9000 рублей, и еще остается должен заемщикам 6000 рублей». (Архив Нижнетагильского краеведческого музея. Ф. 10. Опись 10).

Рассматривая доходы и расходы, можно предположить, что долг Д.П.Шорина заемщикам в 6000 рублей сложился в том числе и из-за траты денег на картинную галерею. Он упоминает в письме Жонесу де Спонвилю об обращении к «состоятельным торговцам для займа денег до первой присылки или до ярмарки». Крупные покупки Шорин совершает в 1848 году на сумму 105 рублей уже после назначения на должность главного кассира. В 1883 году, ставшим 50-м годом службы у Демидовых, Шорин просит «погасить или принять в счет расходов управления долг, числившийся за ним из-за несовершенства финансовых расчетов и операций». Главный кассир заводов Д.П.Шорин живет в постоянном поиске средств на содержание семьи, погашение бухгалтерских затрат и прочих денежных обязательств, но при этом не ограничивает себя в покупке картин, используя для перекрытия дефицита заемные средства. Безупречная репутация честного человека и послужной список – хорошая гарантия для «состоятельных торговцев», ссужающих Шорина под залог доходов поступлений от «других источников дохода».

Дмитрий Петрович вспоминал, что «при недостаточном штате почти все заводские кассиры разорялись вконец, такие как Попов Ф.И., Бердников Г.Г., Денисенко и другие. Любимов А.И. сошел с ума на миллионах и умер в госпитале, Синицын Петр кончил службу поденщиком, Мартын Нефедьев пропал без вести. У Образцова, Смольникова, Попова отобрали дома и все имущество забрали в заводскую собственность, Ерофеева приговорили к суду и тюремному заключению, где он вскоре и умер, заморив себя с голоду». (Архив Нижнетагильского краеведческого музея. Ф. 10. Опись 10). Дмитрий Петрович хорошо знал всех «разорившихся вконец»: в его должностные обязанности входило проведение внезапных проверок подотчетных ему кассиров Нижнетагильского и других заводов. Эти проверки нередко выявляли неточности в бухгалтерских документах, денежные недостачи и прочие служебные злоупотребления.

Незаурядные предпринимательские способности Д.П.Шорина, хорошее знание финансовой системы Демидовых, его предусмотрительность, способность, правильно распределив денежные потоки, проходящие через его руки, выходить из любой критической ситуации, грозящей любому другому кассиру позором банкротства, всегда спасали

его как главного кассира не только Нижнетагильского завода, но и других предприятий и обществ, где он был и учредителем, и кассиром. По сути, в его руках всегда были сосредоточены не только заводские деньги, но и деньги целого круга заводских служащих, и тех, кто вверял свои сбережения ему как человеку сведущему и бережливому.

С целью оказания помощи тем, кто, как и он, оказался в стеснительных финансовых обстоятельствах, Д.П.Шорин в 60-е годы становится инициатором создания Общества служащих Нижнетагильских заводов для взаимного вспомоществования, избирается кассиром и старшим членом комитета. «Из собранных средств пособия постоянно получали 12 семейств, покупались дрова, чай и сахар, выдавались возвратные ссуды». Еще два проекта Д.П.Шорина по созданию Общества взаимного кредита и Эмеритальной пенсионно-вспомогательной кассы (нуждающимся) не нашли поддержки и провалились, не начавшись.

19 апреля 1861 года в главном храме города Входо-Иерусалимском соборе в присутствии архиепископа Пермского и местного духовенства, облаченного в белые одежды, был совершен крестный ход, отслужен благодарственный молебен в честь отмены крепостного права, а затем зачитан манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Присутствующие ликовали, христосовались, многие стояли на коленях, возносили хвалу императору Александру II.

Через месяц по проекту, представленному Д.П.Шориным, был принят «приговор» о возведении каменного храма за счет добровольных пожертвование в честь отмены крепостного права. И Дмитрий Петрович всем миром был избран главным попечителем и казначеем строительства храма. С 1861 по 1877 год он посвятил 18 лет напряженных трудов будучи не только попечителем и казначеем, но еще и архитектором и художником, применившим свои таланты, свободно раскрывшиеся и оказавшиеся востребованными для общественного пользы только после падения оков многовекового угнетения.

Для убранства церкви он выполнил эскизы киота и шести ярусного иконостаса, эскизы решетки, часовенки и архитектурных элементов и деталей внутреннего убранства и декора.

Три иконы для нижнего яруса написал его многолетний друг Василий Павлович Худояров (1829–1892), остававшийся крепостным художником до 1858 года. Эти, как и многие другие, иконописные образы для многих тагильцев, родившихся крепостными и получивших гражданские права только с провозглашением высочайшего манифеста, олицетворяли окончательное освобождение от «египетского ига»: «Спаситель, вручающий апостолу Петру ключи от царства небесного», «Богоматерь с младенцем, как бы объемлющим вселенную».

После смерти в 1907 году наследство Дмитрия Петровича должно было быть разделено между его детьми: пятью сыновьями и тремя дочерями. Возможно, одной из причин продажи собрания картин и других коллекций стали денежные обязательства, которые Шорин не успел погасить при жизни. По воспоминаниям внучки Е.В.Боташевой, коллекцию картин продали с аукциона. Редкое собрание оказалось развеянным по отдельным частям. Какие-то произведения ушли в Москву и Петербург. Данные о покупателях и месте нахождения картин установить не удалось. Несколько не проданных с молотка эстампов и полотен остались в семье.

Стала ли продажа коллекции утратой наследия Д.П.Шорина? Несомненно. Но виртуальное представление о картинах можно составить благодаря профессионально выполненному каталогу, где каждое полотно сопровождено указанием размера, описанием сюжета, именем художника или копииста. Особенно интересна история формирования коллекции приватного музея на Верхней Ерзовке, прослеживаемая по записям о каждой покупке с указанием цены, источника поступления, места или года приобретения. Эти примечания выдают радость Шорина от пополнения коллекции живописными шедеврами, будь то полотна мастеров эпохи Возрождения, Барокко, Сентиментализма, Романтизма или Реализма.

Дмитрий Петрович Шорин был погребен в ограде церкви Александра Невского, возведенной на Вересовой горе по его проекту по волеизъявлению и на добровольные пожертвования православных тагильчан всех чинов и сословий.

В советское время (с 1938 по 1988 годы) церковь была закрыта и почти разрушена, ее убранство уничтожено или расхищено ярыми приверженцами антирелигиозного движения, охватившего страну в 30-е годы. Место погребения и имя Шорина, вольноотпущенника господ Демидовых, преданы забвению, поскольку все могилы за алтарной частью храма были снесены. Но в 1989 году через 50 лет с момента начала религиозных гонений храм Александра Невского был возвращен верующим и постепенно восстановлен.

Теперь поклонный крест на месте предполагаемого упокоения Д.П.Шорина охраняет историческую память о «редком человеке, всегда глубоко интересовавшимся своим краем, его историей, бытом и всеми особенностями, какие только может представить такой оригинальный округ, как тагильские заводы».

Сегодня храм Александра Невского, восстановленный и действующий, продолжает «Диспут» великого мастера эпохи возрождения Рафаэля Санти и «редкого человека, какими бывают только редкие камни» Д.П.Шорина. И, как и в предшествующие 140 лет, храм царит над окружающим ландшафтом и делит пространство над городом на небесную и земную сферы, где в каждом из нас продолжается негласный спор о вере в божественное таинство единения с Богом, и... друг с другом.

В материале использованы:

1. «Египетское иго» объединяет исторический, религиозный и культурный контексты, становясь универсальным символом преодоления угнетения.

2. Воспоминания Е.В.Боташевой. «Тагильский краевед Д.П.Шорин (1817–1912)». «Тагильский краевед», № 20, 2010 г.

3. Летопись жизни и творчества Д.Н.Мамина-Сибиряка. – Москва-Екатеринбург. 2017.

4. Мамин-Сибиряк Д.Н. «Платина». Очерк.

5. Архив Нижнетагильского краеведческого музея. Ф. 10. Опись 10.

6. Иллюстрации, использованные при подготовке материала, были подобраны к тем картинам, которые были в копиях в каталоге Д.П.Шорина.

7. Шорин Д.П. Историческая записка о строении в Нижнетагильском заводе Александро-Невской церкви. Пермь, 1878, стр. 4, 14.

8. Лучия Тонини. Русский коллекционер в Италии. Николай Демидов во Флоренции в начале XIX века.

9. Личный фонд Демидовых в Государственном архиве Свердловской области.

КИРПИЧИ

Екатерина ИВУШКИНА

**Член Союза писателей России.
Член Русского литературного общества.
Член Союза литераторов России.
Окончила Литературный институт имени Горького.
Училась на семинаре Анатолия Игнатьевича Приставкина.
Публиковалась в журналах «Нева», «Москва», «Веси», «Крым», «Литerraтура» и пр.
Лауреат множества литературных премий.
Живет в Москве.**

Олег решил купить дачу. Хотел доказать отцу, что он не совсем уж никудышный.

Подумаешь, развелся с женой! С кем не бывает? По статистике восемьдесят процентов семей разводятся. Он попал в этот процент, что же с того? Или что с работы уволили – разве это какая-то невидаль? С каждым может случиться. И опять же, по поводу пьянства... Ну вот что отец завелся? Все выпивают! Вернее, почти все. Конечно, спортсмены там всякие, вегетарианцы может и не употребляют, но нормальные люди-то все пьют! Отец ведь сам может рюмочку опрокинуть... Им можно, а Олег что – рыжий что ли? И потом, он же не алкоголик! По выходным только, как все...

В общем, решил доказать отцу, что еще на что-то годится. Земля ведь ленивых не любит. Вот и покажет, на что он способен!

Долго искал участок. Очень долго. Предложений на рынке много, но начинаешь выяснять детали, всё – не то. То с документами проблема, то межевание не было произведено, то дом на кадастре не стоит, то электричество надо проводить. Либо участок какой-то странной геометрической формы, то на сильном склоне, то болото за забором. И всё это за безумно завышенную цену.

И тут попалось объявление. Участок в том районе, где очень хотелось, и цена очень привлекательная. Позвонил собственнику, съездил, посмотрел и тут же согласился на сделку.

Олег был очень доволен. Стародачное место окружено забором, на въезде шлагбаум и пункт охраны, есть магазин и детская площадка. Сам участок находился на последней улице, перед ним поле, за которым бежит мелководная речка, за речкой – деревня. Настоящая, жилая. И хоть только что купленная земля была заросшая кустарником и дикотравьем, не было забора и хоть какого-то сарая, Олег с упоением взялся за работу.

Спилил кусты и ненужные деревья, выкорчевал пни, вручную перекопал и выровнял неровности. Купил небольшой вагончик, завел в него свет. Стал высаживать потихоньку клубнику, крыжовник, смородину, посадил сливу и яблоню. Потом уже поставил небольшой дачный домик.

Завел дружбу с Михалычем. Тот был вдовцом, жил в деревне, держал коз и кур. Особенно гордился своими ульями. Увлекался выведением каких-то особых пчел. Михалычу лет шестьдесят, всё делает медленно, неспешно. Поначалу это очень удивляло Олега – как у такого копуши всё всегда в «ажуре»? И дом, и огород, и скотина. Хозяйство его в идеальном порядке, всё аккуратно и чисто. И руками работает как надо: всё умеет сделать, всё починить, всё построить. Помогал Олегу постоянно: то сварить основу для дровяника, то вкопать железные столбы для забора, то проводку провести в доме, да мало ли...

Как-то незаметно для себя Олег перебрался жить на дачу. Поставил в доме печь, утеплил пол и стены, пробурил скважину. Устроился на «удаленку», благо, интернет есть. Больше стал читать, начал делать каждый день зарядку, даже перестал выпивать... Жизнь наладилась и замедлилась. Стала как у Михалыча. Олег часто приходил к нему в гости, они парились в бане, потом долго-долго пили чай с медом и неторопливо разговари-

вали «за жизнь».

И вот сидят как-то вечером на крыльце у Олега, пьют компот из чернослива, щурятся на заходящее апрельское солнце, молчат...

– Ну, что батя-то твой? Успокоился? – нарушил молчание Михалыч.

– Да. Нормально. На той неделе был. Походил, посмотрел... Улыбался... – Олег вздохнул, – я-то думал, что для него это всё делал, хотел показать, что я – нормальный. Ан нет. Себе! Себе надо было доказать... Мне это надо было, мне... Ну, ты понял...

– Ага...

Еще помолчали.

Тут Михалыч указал пальцем в левый угол участка и проговорил:

– А вон там тебе надо летнюю кухню поставить. Рядом с огородом. Зелень можно будет прямо с грядки в салат крошить...

– Это мысль! Только надо что-то основательное... из кирпича, что ли...

– Ну да. И печь там можно будет выложить. Шашлыки жарить, хлеб печь, да и вообще...

Олегу идея показалась очень удачной.

Для печи кирпич нужен особый, огнеупорный, а вот стены... Тут же вспомнилось, как в прошлом году, по осени, ходили с Михалычем по грибы. И в дальнем лесу набрел он на остатки кирпичного фундамента. Еще тогда удивился, как так – посреди зарослей дикого дремучего леса – и вдруг останки здания, с одной стороны затянутые влажным мхом, с другой – заросшие крапивой. Тогда еще про себя отметил, что кирпичи в приличной сохранности. И зародилась у Олега мысль. Ну почему бы не сэкономить? Часть кирпичей можно купить, а часть притащить оттуда. Кому они там нужны?

Попросил у Михалыча прицеп. Тот посмотрел очень странно, но кивнул.

Следующие дни Олег расчищал площадку под летнюю кухню. Убирал прошлогоднюю траву, выравнивал намеченную территорию, копал траншею, сколачивал опалубку, заливал бетон. Сделали с Михалычем все замеры, два раза проверили и заказали ондулин на крышу. Михалыч, выпив на дорожку чай, ушел к себе...

Утром Олег сделал зарядку и позавтракал. В прицеп погрузил тачку, взял, на всякий случай, две пары рабочих перчаток, кирку, молоток, зубило и тент на прицеп – закрыть от любопытных глаз, мало ли что. После приготовлений всё проверил и выехал с участка.

То место он запомнил хорошо. Припарковался максимально близко, вытащил тачку и двинул в сторону кирпичных развалин. Нашел быстро, обошел останки дома то с одной, то с другой стороны, подкатил тачку туда, где было посуше, надел перчатки и принялся за дело.

Работа шла медленно, кирпичи держались цепко, Олег успел вспотеть, хотя снял лишь верхний слой кладки. Погрузил в тачку, развернулся и сел тут же передохнуть, хотел вытереть пот и... застыл, не успев донести руку до лба.

Первое, что он увидел, это дула двустволки, глядящие прямо ему в лицо пустыми черными глазами. Олег сглотнул и поднял взгляд.

Перед ним стоял Михалыч. Его лицо было серым и абсолютно неживым, словно маска. Он смотрел с такой ненавистью, что Олег не сомневался: тот может его сейчас застрелить.

– Михалыч, ты что... Опусти дуло...

– А ну, положи на место! – тот стволом ружья указал на тачку, – всё, что взял, положи на место!

– Михалыч, ты чего? С ума сошел, что ли? – Олег чувствовал, как по спине бежит холодный пот.

– Я ведь понял, когда ты прицеп просил, что сюда намылился... Денег на кирпичи жалко стало, решил тут взять?

– Опусти ствол, – просипел Олег. – Что тебе кирпичи-то эти? Ну кому они тут нужны? Тебе? Так и тебе можно...

– Нельзя! Ты понимаешь? Нельзя их трогать! – вскрикнул и, помедлив немного, бросил двустволку на землю.

– Да почему?!

Михалыч постоял немного, вздохнул, подошел и сел рядом с несостоявшимся вором.

– Госпиталь это, понимаешь? Госпиталь! Его разбомбили фрицы в сорок третьем. Сто семьдесят четыре человека погибли, включая медперсонал. Всех – одним махом. Выжило пять человек. Включая мою бабку... Она в тот день поехала подругу навестить. Случайность вроде бы, но благодаря этому... Теперь понимаешь? Это не кирпичи. Это – память...

Олег медленно вытащил из кармана пачку сигарет, прикурил. Посмотрел на свои руки, разглядел каждую мозоль, неровность ногтей, синеву прожилок. Вздохнул и задрал голову. Сквозь зеленый тоннель крон на него смотрело небо. Голубое, со рваной ватой облаков. Вспомнились глаза мамы, они были такого же цвета, особенно в последнее время. Она говорила, что они «выцвели от старости», но теперь Олег увидел в этом какой-то знак.

– Слушай, что я тут подумал... – медленно затянувшись сигаретой, проговорил Олег. – У Армена, что на кладбище работает, можно гранитную плиту с гравировкой заказать. Я оплачу. В сарае у меня есть железные столбы... И цемент еще остался... А у тебя сетка-рабица в рулоне лежит. За неделю тут можно всё выкосить, расчистить и забором обнести... Глядишь, к 9 мая успеем...

– Да кому это нужно?! – махнул рукой Михалыч, подбирая ружье и пряча глаза.

– Мне, – Олег поднялся и начал вытаскивать кирпичи из тачки. – Мне это нужно...

СЕРДЦЕ ПОД ЛУЧОМ: 40 ЛЕТ УРОКОВ ЧЕРНОБЫЛЯ И БУДУЩЕЕ РАДИАЦИОННОЙ МЕДИЦИНЫ НА УРАЛЕ

В апреле 2026 года исполнилось 40 лет со дня аварии на Чернобыльской АЭС. Эта дата – не только день памяти о величайшей техногенной катастрофе, но и важный рубеж для медицинского сообщества.

О том, как сегодня на Урале помогают ликвидаторам, какие скрытые угрозы таит радиация для сердца через десятилетия и почему диагностика будущего невозможна без «сигнальных карт», мы беседуем с руководителем Межмуниципального центра для пациентов с хронической сердечной недостаточностью на базе ГАУЗ СО «Свердловская областная больница № 2», кандидатом медицинских наук, врачом высшей категории Надеждой Азаревной Субботиной.

НАСЛЕДИЕ И ПАМЯТЬ: ОТ ПРИПЯТИ ДО ОЗЕРСКА И ЧЕЛЯБИНСКА

– Надежда Азарьевна, как ваш Центр встретил 40-летие чернобыльской трагедии?

– 22 апреля 2026 года мы провели крупную региональную научно-практическую конференцию. Это не просто встреча врачей, а глубокий анализ сорокалетнего опыта.

Наш Центр имеет богатую историю: он был создан в 1990 году на базе Областной больницы № 2, а в 1995-м получил статус Регионального Уральского лечебно-диагностического центра радиационной медицины. В то время мы курировали пять областей Урала и две республики. Позже основной статус был перенесен в Челябинскую область, в Челябинск из-за специфики их работы с малыми дозами радиации и наследия аварии на «Маяке» 1957 года. Но наш опыт и наш регистр пациентов остаются уникальными.

Н.А.Субботина

– Кто стали ключевыми гостями конференции?

– Состав участников очень серьезный. Доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой микробиологии и биотехнологий Уральского медицинского университета Олег Германович Макеев, заместитель директора по научной работе, доктор медицинских наук, ФГБУН «Южно-Уральский институт биофизики» Федеральное медико-биологическое агентство (ФГБУН ЮурИБФ), Заслуженный деятель науки Российской Федерации Сокольников Михаил Эдуардович, главный внештатный терапевт Свердловской области Александр Владимирович Виноградов. Были и представители Союза «Чернобыль» России.

Особое место в программе заняла визуальная часть. Это фильм, созданный музеем Железнодорожного района о ликвидаторах – «Чтобы жили, чтобы помнили». Также наш собственный ролик об истории оказании помощи: от первых пострадавших в Припяти до формирования нашей системы в областной больнице № 2.

Помимо кардиологов, на конференции выступили специалисты радиологи, гастроэнтерологи, гематологи, аллергологи, пульмонологи, дерматологи, чьи темы уникальны для Урала. Ки-

рюкова Елена Борисовна представила данные по радиоиндуцированным кожным реакциям. Представителей Екатеринбургского медицинского научного центра профилактики и охраны здоровья рабочих и промпредприятий – Милованкина Неонила Олеговна и Злогостева Наталья Викторовна рассказали о распространенности заболеваний сердечно-сосудистой системы, эпидемиологии рака и профессиональных заболеваний у рабочих промышленных предприятий. Это связывает тему Чернобыля с текущей промышленной экологией Урала.

– В чем новаторство этой конференции?

– В докладах на конференции 2026 года подняты вопросы, которые несомненно представляют интерес для врачей целого ряда специальностей, и которые часто упускаются. Например, радиоиндуцированная болезнь сердца, а в частности: рестриктивные процессы в миокарде. Проблема не в том, что сердце не может качать кровь, а в том, что оно не может расслабиться. Ткань становится жесткой, не захватывает нужный объем крови. Эта патология расслабления – «белое пятно» в современной кардиологии, и именно у пациентов, перенесших воздействие радиации или лучевую терапию на область грудной клетки. Также рассматривались осложнения при проведении лучевой терапии при ряде онкологических заболеваний. Какую терапию проводить при лучевых проктитах, циститах, радиационной остепатии, как диагностировать и реабилитировать данную категорию пациентов.

КОВАРСТВО «ТИХОГО» ДИАГНОЗА

– Ваша личная тема доклада посвящена радиационно-индуцированной болезни сердца. Почему об этом важно говорить именно сейчас, спустя столько лет?

– Это крайне актуальная, сложная и ограниченно изученная тема. Смертность от этой патологии высока, а диагностика – задача не из легких. Болезнь протекает бессимптомно и «созревает» в организме от 10 до 20 лет после радиационной терапии или воздействия ионизирующего излучения. Это целая группа заболеваний: перикардиты, кардиомиопатии, нарушения ритма, стенозы коронарных артерий. Коварство заключается в скрытности, длительной латентности, трудности диагностики и необратимой природе поражений, что подчеркивает необходимость постоянного мониторинга у лиц, подверженных радиационным воздействиям, и своевременного вмешательства при первых признаках сердечных патологии.

– В чем главная сложность для врача и пациента?

– В отсутствии стандартов. На сегодняшний день в мире не существует единого утвержденного протокола диагностики и лечения именно радиационных поражений сердца. Все находится в стадии клинических испытаний.

Главный посыл моего доклада – призыв к врачам: собирайте анамнез! Пациент может прийти с обычными жалобами на одышку или боли, и врач поставит стандартный диагноз «ишемическая болезнь сердца». Но если не спросить, получал ли человек дозу радиации 20 лет назад – при ликвидации аварии или в ходе лучевой терапии рака, – мы никогда не доберемся до истины. На сегодня выявляемость радиационных поражений сердца составляет всего 10%. Это катастрофически мало.

– То есть радиация бьет по сердцу даже тех, кто лечился от других болезней?

– Именно так. Сегодня кардиотоксичность – это вторая по значимости проблема после самой лучевой терапии при лечении рака молочной железы, легких или пищевода. Современные препараты прекрасно лечат рак, но через годы мы видим развитие тяжелой сердечной недостаточности. И дозы, которые получают онкопациенты сегодня, зачастую в разы выше тех, что получили ликвидаторы в 1986 году.

РЕГИСТР КАК ИНСТРУМЕНТ СПАСЕНИЯ

– Какова миссия конференции в долгосрочной перспективе?

– Наша цель – заложить кирпичик в формировании системы организации специализированной помощи пациентам, получившим малые дозы радиации, которая позволит создать полноценный регистр пациентов для мониторинга и внедрить обязательный скрининг. Например, если человек работает на вредном производстве или прошел лучевую терапию, через пять лет он автоматически должен попадать на УЗИ сердца с исследованием глобального продольного стрейна и сдачу специфических биомаркеров (натрийуретический пептид, тропонины, ST2 – биомаркер, который отражает ремоделирование желудочков и фиброз сердца).

В нашей больнице мы уже 6 лет ведем регистр пациентов, получающих противоопухолевую терапию. Но мы хотим большего – внедрить «сигнальные карты» в электронную структуру здравоохранения. Чтобы система сама напоминала врачу: «Этого пациента нужно вызвать на обследование через пять лет, у него есть радиационный риск». Именно поэтому наша конференция в 2026 году так важна. Это комплексная проблема.

– А что касается обычных людей? Рентген, КТ, рамки в метро – стоит ли их бояться?

– Однозначно – нет. Наши коллеги доказали: медицинская диагностика и бытовые сканеры не являются факторами риска развития радиационных ослож-

Слава направо: А.И.Субботин – главный врач Невьянской центральной районной больницы, Н.А.Субботина, И.А.Обухов, Т.Ю.Обухова, О.И.Федотова – врачебная династия

нений. Опасность представляют именно специфические техногенные воздействия или терапевтическое облучение

ЛИЦА ЦЕНТРА: ГЕРОИ И ПРОФЕССИОНАЛЫ

– Вы упоминали музей ликвидаторов. Что вас там больше всего поразило?

– Простота и героизм. Когда видишь эти фотографии – обычные респираторы, тонкие плащи... Люди шли в самое пекло, толком не зная, с чем имеют дело. В их медицинских картах часто написано просто: «30-километровая зона, доза неизвестна». Сами они рассказывать не любят, скромничают. Но для нас они – настоящие герои.

– Кто стоял у истоков этой работы в Свердловской области?

– Идейным вдохновителем был главврач Юрий Федорович Кузьмин. Огромный вклад внесла Ангелина Константиновна Гуськова – легенда мировой радиологии, выпускница нашего института. Первыми ликвидаторов аварии начали принимать гематологи Людмила Николаевна Кохно и Надежда Алексеевна Пильникова.

Как-то Надежда Алексеевна поделилась с нами о том, что 3 мая 1986 года гематологов областной больницы № 1 и городской больницы № 21 вызвали в департамент здравоохранения Свердловской области, сообщили, что в ночь на 26 апреля произошла авария на Чернобыльской атомной станции, началась эвакуация населения из г. Припять. Прочитали лекцию про острую лучевую болезнь. Объявили, что необходимо будет оказывать медицинскую помощь прибывшим людям с признаками острой лучевой болезни. Вот с того самого времени мы и начали работать с людьми, пострадавшими от аварии на ЧАЭС: с февраля 1987 года начато оказание медицинской помощи ликвидаторам аварии на ЧАЭС, проживающим на территории г. Свердловска на базе городской больницы № 21, а в областной больнице № 1 – для областных жителей. Лицом к лицу столкнулись с неизвестным. С июня 1987 года начато формирование радиационного Регистра.

Интересно, что национальный радиационно-эпидемиологический регистр Свердловской области (сегмент Российского Государственного медико-дозиметричекого регистра) изначально, еще в 1987 году, базировался в Информационно-вычислительном центре и только в 1990 году «обрел врачей» и был передан в руки Риммы Яковлевны Бахтилиной.

Важно отметить, что наш регистр – это живой организм.

С 1994 года и по сей день его возглавляет врач-терапевт Тамара Михайловна Налётова, отличник здравоохранения. Это человек феноменальной преданности делу.

– Надежда Азарьевна, вы упомянули, что в свое время ваш центр был вторым по численности в стране после Ростова. В чем заключалась его уникальность тогда и что изменилось сейчас?

– На пике своего развития наш Центр был колоссальной структурой. Только представьте: в 2000 году на учете состояло более 5300 человек. Это были не только ликвидаторы (4,5 тыся-

чи человек), но и пострадавшие от аварии на «Маяке», ветераны подразделений особого риска, участвовавшие в испытаниях в Семипалатинске. У нас была мощнейшая база: стационар на 110 коек, психофизиологическая лаборатория, отдел научных разработок, филиал в Нижней Туре на 110 коек: неврологическое, кардиологическое и офтальмологическое отделения и специализированное «Мать и дитя».

С 2010 года, когда Программа по реабилитации сократилась, мы трансформировались в Центр специализированной консультативной помощи. Но мы сохранили главное – команду узких специалистов (профпатологи, эндокринологи, онкологи, кардиологи), которые проводят ту самую «целевую диспансеризацию». Мы не просто лечим симптомы, мы ищем связь болезни с радиационным прошлым и готовим документы для Межведомственного совета, чтобы люди могли получить заслуженный статус и льготы.

– В исследованиях вашего центра встречается интересное сравнение Чернобыля с атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки. Почему опыт Японии оказался малоприменим у нас?

– Это поразительный факт, который выяснила еще первая заведующая нашим центром Светлана Хасановна Хорьякова после визита в Японию. Казалось бы, и там, и там – радиация. Но при взрывах в Хиросиме и Нагасаки произошел мощный, но единовременный выброс огромной дозы. А в Чернобыле общая масса радиоактивных веществ была значительно выше, чем в двух японских городах вместе взятых, но с другой спецификой.

Продукты чернобыльского взрыва имеют более долгий период полураспада и меньшую интенсивность. В биосферу попали радионуклиды, которых там раньше просто не существовало до расщепления урана человеком. Это создало совершенно иную медицинскую картину – затяжную, отложенную на десятилетия, которую мы изучаем до сих пор.

– Научная работа Центра в 90-е годы была очень интенсивной. Какие имена стоит вспомнить сегодня?

– Мы опубликовали более 150 научных работ, защитили десятки диссертаций. Огромную роль сыграл наш научный руководитель Мира Михайловна Косенко. Именно она стояла у истоков создания дозиметрического регистра в Советском Союзе. Нельзя забывать и Владимира Алексеевича Шалаева, который курировал научную часть. Мы активно участвовали в международных конференциях, даже в Киеве в 1998 году, когда политические границы уже были проведены, но научное сообщество оставалось единым.

– Что еще можно сказать об уникальной структуре и кадрах «старого» Центра?

– Масштаб Центра в 1990-е годы поражал воображение: это была автономная медицинская «республика». Помимо основных отделений в Екатеринбурге, в его состав входило крупное подразделение в городе Нижней Туре на 110 коек. Особое внимание уделялось преемственности поколений – работало специализированное отделение «Мать и дитя», где лечили детей ликвидаторов. Также функционировали отдельные службы неврологии и офтальмологии, поскольку радиация бьет по всем системам организма.

Важно вспомнить имена тех, кто выстраивал социальную защиту. Иванова Валентина Николаевна, заместитель главного врача, была первопроходцем в экспертных вопросах: она буквально «с нуля» разрабатывала механизмы получения льгот для ликвидаторов, когда законы еще только писались. Позже эту эстафету подхватила врач-гематолог Пильникова Надежда Алексеевна, которая в 1994 году возглавила ВТЭ (врачебно-трудовую экспертизу) и помогала подтверждать инвалидность тем, кто потерял здоровье в зоне аварии, участвовала в решении сложных экспертных вопросов. Кстати, Надежда Алексеевна более 30 лет возглавляет экспертную работу, награждена ведомственной наградой Министерства здравоохранения Российской Федерации «Отличник Здравоохранения».

ДИНАСТИЯ В ПОГОНАХ И БЕЛЫХ ХАЛАТАХ

– Надежда Азаревна, вы возглавляете Центр с 2014 года. Расскажите о своем пути в медицине.

– Я окончила институт в 1990-м – как раз в год создания Центра. Работала в реанимации кардиологии в 27-й больнице: дежурства, тяжелые больные, борьба за каждую жизнь. Потом была служба в системе МВД, я уволилась в звании майора внутренней службы. В 2012 году организовывала медпомощь на саммите во Владивостоке. А с 2014-го вернулась к истокам – в Областную больницу № 2.

– Ваша семья – это настоящий медицинский «батальон». Расскажите подробнее о коллегах-родственниках, ведь их работа тоже тесно связана с актуальными вызовами времени.

– Да, история нашей семьи есть в книге «Медицинские династии Свердловской области». Папа, Азарий Анатольевич Обухов – полковник медицинской службы, невролог, не просто был военным врачом – он возглавлял 94-ю гарнизонную поликлинику, которая располагалась в здании нынешнего областного военкомата. Его путь от начальника медпункта до руководителя учебной части военной кафедры мединститута сформировал в нашей семье отношение к медицине как к служению.

Н.А.Субботина. Владивосток, 2012 г.

Брат, Игорь Азарьевич Обухов – доктор медицинских наук, выдающийся хирург-травматолог, более 30 лет преподавал в Уральском медуниверситете как профессор, опубликовал около 400 научных работ, включая монографии и изобретения, до настоящего времени занимается уникальными операциями на кисти, буквально «пришивает» пальцы, сейчас помогает восстанавливать руки нашим бойцам после тяжелейших огнестрельных повреждений. Его жена, Татьяна Юрьевна Обухова – доктор наук, работает в центре профзаболеваний. Она эксперт в пульмонологии и является не просто врачом, а ведущим специалистом в области профпатологии и пульмонологии, занимаясь проблемами легких у тех, кто работает на вредных производствах региона.

Там же работает и моя племянница Ольга Игоревна Федотова, выбрала сложнейшее направление – реабилитологию в промышленной медицине.

Мой сын Александр Игоревич Субботин сейчас «на земле» – он заместитель главного врача по лечебной части в ГАУЗ СО «Артемовская центральная районная больница», тоже, как и брат, травматолог. Моя невестка, Субботина Анастасия Дмитриевна – врач-терапевт, заведующая инфекционным отделением ГАУЗ СО «Артемовская центральная районная больница». Наша семья постоянно обменивается опытом.

Мы охватываем почти все сферы: от спасения жизни в реанимации до возвращения человека в профессию. Когда в семье есть врачи стольких специальностей, на любой медицинский вопрос мы смотрим как на консилиум.

– Какой главный урок вы вынесли для себя за годы руководства Центром?

– Понимаете, радиация – это не то, что «прошло и забыто». Даже малые дозы до сих пор не изучены до конца на молекулярном уровне. Мы знаем, что они вызывают фиброз, когда здоровая ткань сердца или кожи замещается соединительной и орган перестает «дышать». Но как именно это запускается?

Мы должны помнить имена тех, кто начинал эту работу: Гуськову Ангелину Константиновну, Хорьякову Светлану Хасановну, Бахтилину Риму Яковлевну, Иванову Валентину

Николаевну. Они были первыми, кто столкнулся с неизвестностью. Наша задача сегодня – превратить эту неизвестность в четкие алгоритмы спасения жизней.

– Каким вы видите будущее радиационной медицины на Урале?

– Я вижу его цифровым и проактивным. Мы должны научиться диагностировать болезнь до того, как она станет необратимой. Чернобыль научил нас тому, что радиация не имеет границ во времени. Но наш долг – сделать так, чтобы последствия этой аварии не застали врасплох будущие поколения. Мы работаем ради того, чтобы «отложенный эффект» радиации перестал быть смертным приговором.

ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ:

Отсутствие «безопасной дозы». На сегодняшний день научно не доказано существование минимальной дозы радиации, которая была бы абсолютно безопасна для сердца. Даже малые дозы могут запустить патологический процесс спустя десятилетия.

Проблема «секретных» пациентов. Многие пациенты Центра – это ветераны подразделений особого риска и сотрудники закрытых предприятий. Специфика их работы и подписки о неразглашении часто затрудняют сбор анамнеза и верификацию диагноза.

Парадокс дозировки. Современные онкопациенты (при лечении рака груди, пищевода или легких) получают локальную дозу облучения на область грудной клетки, которая в разы превышает ту дозу, которую получили многие ликвидаторы в Чернобыле в 1986 году.

Региональный охват. В период своего расцвета (1995 год) Центр имел статус регионального и обслуживал колоссальную территорию: пять областей (включая Курганскую, Оренбургскую, Пермскую, Челябинскую) и две республики (Башкортостан и Удмуртию), а также Коми-Пермяцкий округ.

Преемственность через поколения. В 2026 году Регистр Центра включает около 2000 человек, и значительную часть из них теперь составляют уже потомки ликвидаторов, которые также подлежат специализированному учету и наблюдению.

Первые гематологи-первопроходцы. Первым врачом, который в 1986–1987 годах начал принимать чернобыльцев в Свердловске (тогда еще в 21-й больнице), была Людмила Николаевна Кохно. Именно она заложила клиническую базу для будущего Центра.

Молекулярная загадка. Современная наука уже доказала факт развития фиброза, но до сих пор не выяснила точный молекулярный механизм, который запускает разрушение клеток сердца под воздействием лучей.

Свердловские корни радиологии СССР. Легендарная Ангелина Гуськова, создавшая систему лечения лучевой болезни в Советском Союзе, была выпускницей Свердловского медицинского института и присутствовала на открытии регионального Уральского лечебно-диагностического центра радиационной медицины.

Эволюция регистра. Свердловский радиационный регистр уникален своей непрерывностью: данные в нем накапливаются с 1987 года. Сначала это была цифровая база в вычислительном центре, которая затем превратилась в полноценную медицинскую систему наблюдения за судьбами людей.

«Тихая» угроза: задержка в 20 лет. Радиационное поражение сердца – это «мина замедленного действия». Оно развивается бессимптомно и проявляется лишь спустя 10–20 лет после облучения, часто маскируясь под обычный инфаркт или ишемию.

Чернобыль vs Хиросима. Уральский центр выяснил, что японский опыт лечения пострадавших от атомных бомб почти не применим к Чернобылю. В Японии был мгновенный мощный выброс, а в Чернобыле – продукты с долгим периодом полураспада и меньшей интенсивностью, которых до этого вообще не существовало в биосфере.

Проблема «жесткого сердца». Радиация вызывает патологию – рестрикцию. Сердце теряет способность расслабляться, чтобы принять кровь. Методов лечения этого процесса на молекулярном уровне в мировой медицине до сих пор не существует.

Секретность и память. В медицинских картах ликвидаторов часто нет подробностей их подвига – только номер войсковой части и сухая запись «30-километровая зона». Многие из них работали на дезактивации в обычных респираторах и тонких плащах.

Цифровой контроль 2026 года. В Свердловской области будет предложена система внедрения «сигнальных карт»: электронная база сама должна напоминать врачу, что пациента, перенесшего лучевую терапию 5–10 лет назад, пора вызвать на обследование, даже если у него нет жалоб.

Уникальность Свердловского центра. В 90-е годы наш центр был вторым по величине в России после Ростова и имел филиал в Нижней Туре на 110 коек, а также специализированное отделение «Мать и дитя» для реабилитации семей ликвидаторов.

Первая катастрофа СССР. Хотя символом радиационной беды считается Чернобыль, первой масштабной ядерной катастрофой в СССР была Кыштымская авария на «Маяке» в 1957 году, данные о которой долго были засекречены.

Интервью взяла
Дарья Кезина

НЕЛИХИЕ 1990-е: ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О НЕДЕТСКОМ ВРЕМЕНИ

Алексей ХРИСТОВ

Екатеринбург.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я родился в 1983 году в городе Свердловске в обычной, ничем не примечательной советской семье: отец – врач, мать – музыкант (преподаватель в детской музыкальной школе). Еще были бабушка с дедушкой по материнской линии – тоже классическая советская интеллигенция: дед – кадровый офицер (ко времени моего повествования уже отставной и трудившийся инженером на одном из оборонных заводов) и бабушка-пенсионерка, всю жизнь отдавшая преподаванию (учитель русского и литературы в средних и старших классах, отличник народного просвещения РСФСР). В общем, нормальные исходные условия для того времени и той страны.

Нельзя обойти вниманием и город, в котором я родился, вырос и живу по сей день, а также в котором происходило всё, о чем я хочу рассказать.

Екатеринбург, Свердловск и снова Екатеринбург – город совершенно особенный. Индустриальный миллионник с богатейшей историей и самыми большими промышленными мощностями в СССР, ну если быть совсем точным – одними из самых больших. Хотя... Достаточно только вспомнить знаменитые шагающие экскаваторы.

Город – столица Урала, стоящий на границе Европы и Азии. Заложенный в начале XVIII века по распоряжению Петра I как город-завод, он, по сути вещей, так городом-заводом и оставался, так или иначе являясь участником всех перипетий отечественной истории последних трех веков. Город сильных духом, умных, смелых, творческих и смекалистых людей – купцов и промышленников, ремесленников и ученых, врачей, спортсменов и художников. Был, к слову, одним из оплотов старообрядчества в России.

Он, как знаменитый толкиеновский Эребор, в полных природными богатствами горах... Здесь разрабатывали копи драгоценных камней, добывали, плавили и прокатывали металл в космических масштабах, здесь ковалась Победа в Великой Отечественной войне, ковалась в самом прямом смысле этого слова, здесь собирались на конспиративных квартирах первые революционеры, собственно, и переименован был город в честь знаменитого «Товарища Андрея» – Свердлова, Екатеринбург стал последним городом в земном пути царской семьи и последнего Российского Императора. В Свердловске учился и работал первый Президент Российской Федерации...

Я же хочу представить вашему вниманию серию небольших повествований – новелл, связанных между собой временем и местом без оценок, каких-либо политических и социологических суждений, экономического анализа, в которых, как в маленьких зеркалах, будут отражены разные события 1990-х годов, этого сложного и противоречивого периода в жизни нашей страны, которые оставили яркий след в моей детской памяти и которые, возможно, характеризуют ту ушедшую эпоху не хуже многих исторических справок или видеороликов на эту тему. Так бы мне хотелось думать, но что получилось в итоге – решать тебе, уважаемый читатель!

ЗАТАКТ (УВЕРТЮРА ИЛИ, ЕСЛИ УГОДНО, ПРЕЛЮДИЯ), НОЯБРЬ 1989 ГОДА

Мне шесть лет. Холодный ноябрьский день. По какой-то причине в горячо ненавистный мною садик меня не повели, решили оставить у бабушки, в квартире на улице Восточной. Погода, надо заметить, препротивная – не идешь, а месишь ногами грязную кашу. На мне клетчатое подпоясанное пальтишко с пришитым воротником из какого-то невинно убиенного зверька, утепленные сапожки из кожзама, которые я успел уже изрядно стоптать, да к тому же раскатанные, поэтому в них очень скользко, невнятные шерстяные штаны, а завершает весь образ оранжевая вязаная шапочка с бомбошкой. Варежки скреплены текстильной бельевой резинкой, пропущенной через рукава – надежное средство от «машерастеряшества». Бабушка облачена в черное поношенное «каждодневное» пальто, старые коричневые сапоги и теплую войлочную шляпу, украшенную войлочным же цветочком. В общем, вырядились по всей форме и шлепаем по серой уральской хмари вниз по Восточной по четной ее стороне по направлению к проспекту Ленина. Я совершенно ничего не выдумываю. Ощущения и образы до мельчайших деталей врезались в ясную детскую память. Мы идем за добычей, в разведывательно-продуктовую экспедицию по родной улице. По пути планировалось несколько остановок: хлебный – с утра должны были завезти свежий! «Так, – говорила бабушка, – берем кирпичик белого, круглый черный, батон «Подмосковный» и хорошо, если будут «Барнаульские», – это она имела в виду сухари «Барнаульские» в картонной коробке. Итак, мы заходим в хлебный магазин, – очередь, кондовые стальные сборные стеллажи, на полках хлеб, естественно, безо всякой упаковки, про полиэтиленовые пакеты расскажу чуть позже, у каждой полки брутальная двузубая вилка на толстенной цепи (чтобы не сперли) для проверки свежести изделий. Бабуля деловито тычет вилкой в хлеба, выбирает, отбивает на кассе, дождавшись своей очереди, кладет в авоську – и на выход. Душно в магазине, слава Богу, вырвались, думаю я. И дальше в путь.

Следующий пункт по плану «Фрукты-овощи» через пару кварталов. Из овощей и фруктов в этом магазине – огромная очередь, через одну гнилая картошка, свёкла и мор... нет – морковь и лук закончились. «Разобрали», – с досадой говорит бабушка. Что примечательно – есть в прилавке этого заведения удивительное устройство – отверстие с вставленной в него наклонной трубой; взвешивают тебе, например, картофель и сыплют в эту трубу, на которую со своей стороны ты должен успеть надеть сумку, и, пошла, родимая – картошка с грохотом летит в тару, главное, чтобы ручки и дно выдержало. Достоялись, оплатили, ну, держи крепче, трын-трын-дрын – полная сумка, ручки дед качественно прошил, надежно – выдержали, ну и отлично! Дальше выходим, переходим на противоположную сторону улицы и во «Всё для дома и сада» – купили хозяйственного мыла и СМС, нет, это не про сообщения в мобильнике – это аббревиатура: синтетическое моющее средство «Лотос», короче говоря, обычный стиральный порошок. Заходим – очередь. Отстояли, оплатили, загрузили – вышли. Следующий магазин – «Стекляшка» – так его называли за большие стеклянные витражи первого этажа не помню какого номера дома. Очереди нет, но это плохо – значит ничего нет кроме пустых гудящих вхолостую холодильных витрин и пирамид из банок консервированной морской капусты «Дальневосточной» на подоконниках. Капусты этой дома целая полка – ценного источника йода с излишком! Посему, к моей большой детской радости – кругом! И дальше – остался только заход на Шарташский рынок: масло подсолнечное в стеклянной бутылке от Свердловского жиркомбината, сыр твердый на выбор: «Голландский» и «Пошехонский» с пластиковой циферкой в корочке, знаю, что бабушка мне эту цифирь потом отдаст, я их «коллекционирую». И куру синюю непотрошеную, с когтями, очень похожую на динозавра велоцераптора из Детской энциклопедии. Делов-то: опалить да выпотрошить, и хлеб заодно на газу обожжем, а то вдруг кто-нибудь его грязными пальцами на свежесть проверял вместо вилки. Всё купили – ура! Очередей на рынке почти нет, ну есть, конечно, но, по сравнению с магазинными – ерунда.

Автор на Плотинке. Свердловск, 1986 г.

Росту моя бабушка Лида, прямо скажем, небольшого, поэтому, когда она несла две тяжелые сумки с длинными ручками, создавалось впечатление, что руки у нее вытягивались, и сумки эти «елозили» по грязному тротуару... Я помню, что тоже помогал – две авоськи поменьше и полегче – по малолетству. Идем – ноги гудят даже у меня, пришли домой, бабушка глядит на часы на стене: «Боже мой, – восклицает, – три часа с лишним мы с тобой гуляли». «Ничего себе, прогулка», – думаю я... Я бы лучше в лесопарк погулять сходил. «Ну ничего, – продолжает бабушка, – сейчас передохнем маленько, буду обед ставить, и насчет ужина сообразим. Иди, мой руки, сначала чайку попьем, и тапки скорей обуй – пол холодный».

Нельзя обойти вниманием тот факт, что многие товары, описан-

ные мною выше, в том числе первой необходимости нельзя было просто купить, нужны были заветные талоны или продовольственные карточки, которые давали право приобрести тот или иной продукт, естественно, при условии его наличия, но в строго определенном количестве... такое вот волшебство...

Для чего я всё это рассказываю? А ни для чего – сами думайте, просто хотел поведать о ежедневном героизме своих соотечественников, который за многократным повторением превратился в рутину.

Ах да, еще пару слов про полиэтиленовые пакеты, как обещал. Мешочки в рулоне, которые лежат нынче в любом магазинчике в неограниченных количествах, в описываемое выше время никто не мог себе представить даже в самых смелых и сладких снах. Полиэтиленовый мешочек – это была ценность, их мыли-стирали и бережно сушили для последующего использования. Когда я в 1992 году пошел в бассейн «Энергетик», мне выдали два – в один я складывал шапочку, плавки и очки, в другой – мыло в мыльнице и мочалку. Придя домой после тренировки, все вещи стирал от хлорки, а пакеты ополаскивал и вешал на специальное приспособление, купленное в местном промтоварном магазине «Уралец» – этакий пластмассовый кружок с прищепками, который, в свою очередь, вешался на леску для сушки белья в ванной комнате. Такие вот дела...

«МРАК». ПЕРЕЛОМ (АВГУСТ 1991 ГОДА)

«Не дай вам Бог жить в эпоху перемен!» – цитировала знаменитую китайскую мудрость моя бабушка Лидия Павловна. И всё же увернуться от этих самых перемен, причем кардинальных и судьбоносных, у нас никоим образом не вышло.

Я пошел в первый класс школы-гимназии № 9 г. Свердловска в сентябре 1990 года в стране под названием Союз Советских Социалистических республик. Сразу оговорюсь, что никаких социально-политических и экономических оценок происходившему в этом рассказе давать не собираюсь, впрочем, как и в других главах, буду лишь делиться детскими впечатлениями. Так вот, меня облачили в новенький школьный костюм, точнее сказать, форму, ту самую – советскую темно-синюю с шевроном с изображением солнца под открытой книгой на левом плече и алюминиевыми пуговицами. Был куплен и второй заранее «на вырост», мало ли чего, а тут уже есть одежда на следующие года и классы!

В октябре в школе проходила торжественная линейка в актовом зале, куда привели наш первый «А» в качестве зрителей, а «виновниками» праздника были вторые классы, которые торжественно принимали в октябрята. Более старшие школьники, которые уже были пионерами, надевали на них значки в виде красных звезд с портретом маленького Володи Ульянова. Я ничего тогда не понимал в смысле происходящего, равно как и мои одноклассники, но все всё равно ощущали важность и серьезность момента, а также сопричастности к значимому и имеющего непосредственное отношение к каждому событию.

Минул год учебы, начались первые в моей жизни летние каникулы. Дни тянулись беззаботно и бесконечно, как и всё в детстве. Но наступил август – еще целый месяц блаженного безделья, треть от летней безшкольной бесконечности...

Но даже я, будучи младшим школяром, подсознательно ощущал приближение чего-то необъяснимого. Я чувствовал это по общей тревожной атмосфере, по тихой усталой нервозности своих близких. Если я гостил у бабушки, я постоянно вынужден был слышать радио и телевизор, информация, пусть и не вполне понятная для моего детского сознания и нулевого жизненного опыта, текла нескончаемым потоком, вызывая безотчетное волнение. Если был дома – также слышал радио и разговоры родителей о ситуации вокруг и вечно повисавший в воздухе философский вопрос – что делать? Но время шло неумолимо, приближая последнюю декаду последнего летнего месяца. Дни становились заметно короче. «Илья пророк – два уволок», – говорила бабуля, имея в виду Ильин день второго августа, после которого закат начинается на два часа раньше, чем 22 июня. Когда месяц перевалил за половину, я начал потихоньку пригорюниваться, скоро опять подъем в шесть утра со всеми вытекающими, я, конечно, бездельником не был, но сами понимаете – кому всё это охота? 19 августа я помню также хорошо, как вчерашний день – детская память очень чувствительна к сильным впечатлениям. Да, то самое «Лебединое озеро» действительно было, я этот балет не очень люблю с тех пор, хотя прекрасно понимаю всю гениальность Петра Ильича Чайковского и талант хореографов-постановщиков. Сейчас – это «мем», но для нас тогда это мемом еще не было – это была живая суровая реальность. Идет балет – а за мерцающим экраном происходит что-то непонятное, неясное с непредсказуемыми последствиями. Весь день я лицезрел мотающуюся в тревоге по дому бабушку, а вечером пришел дед с работы, они закрылись на кухне и долго взволнованно что-то обсуждали, деда в таком настроении я не видел больше ни до, ни после этого дня. Приехали отец с мамой, уж не знаю, отпустили ли папу с работы или у него был выходной – неважно. Они тоже находились в крайне встревоженном состоянии. Что будет дальше? Я впервые услышал это зловещее сочетание букв – ЧП – введение чрезвычайного положения. Балет закончился – началась бесконечная новостная лента с какими-то обрывками событий в прямом эфире. Все молча сидели перед телеэкраном. Я ужинал, остальным было вовсе не до еды. Отец встал, подошел, положил свои тяжелые руки мне на плечи и полушепотом произнес: «Смотри, сынок, на твоих глазах свершаются исторические события мирового масштаба!» Всё – далее можно ничего не описывать – остальное оставим на откуп многочисленным историкам и публицистам.

Первого сентября я отправился во второй класс всё в той же форме и с тем же портфелем, как будто ничего не изменилось, а вот и нет – изменилось. Не буду тратить бумагу и время на описание всяческих новшеств, ворвавшихся в нашу новую повседневность в виде марсов, сникерсов, жвачек, фильмов, лизунов, разного ширпотреба в ларьках, собственно, и самих ларьков-киосков, фильмов с гнусавым переводом, обновок, в которых стали щеголять многие одноклассники, всё это вы знаете не хуже меня, а быть может – гораздо лучше. В школе сменили красный флаг на триколор. Владимир Ильич тихо исчез из Ленинской комнаты, а саму комнату переделали в гимназический музей, кстати, очень хороший. Торжественные мероприятия в актовом зале теперь стали носить совсем иную направленность и тематику, но всё равно вызывали чувство сопричастности к чему-то важному – нас посвящали в гимназисты. Правда, три выцветших от времени плаката, которые еще повесили годах в шестидесятых – остались. Один из них, встречавший учащихся над входом на парадную лестницу, представлял фразу Пьера Жана де Беранже «Невежество – рабство, знание – свобода», не взирая ни на какие общественные формации, как бы подталкивал юные умы к просвещению, в столовой висело незыблемое вневременное правило: «У нас порядок такой – поел, убери за собой», и старая мудрость – «Не поевши легче, а поевши – крепче!», а в кабинете самой естественной из наук – химии – плакат, висевший аккурат напротив доски уведомлял, что «Верят там, где не могут знать», о как, на мой взгляд заблуждались авторы сего афоризма…

Про родителей же могу сказать одно – я видел в их глазах смесь из страха и надежды, страх, что станет еще хуже, все и так изрядно устали от постоянных очередей, дефицита и прочих «прелестей» нескольких предыдущих лет, надежды, что что-то поменяется в лучшую сторону и станет немного проще и легче – искренние природные чувства, испокон веку присущие человеку и помогающие ему жить и выживать, выживать и жить дальше. Дальше начался мрак – да, начался. Появились новые понятия для всех и для моего уха: приватизации, братки, стрелки, инфляция, МММ, дефолт, рыночные отношения и так далее, и тому подобное, но у нас не словарь новояза. А сквозь мрак пробивались мощные лучи света. Многие из моего поколения, а особенно кто постарше, сгинули в бурлящем мраке происходящего, по собственной и по чужой воле, по стечению обстоятельств, по давлению событий непреодолимой силы, но чаще, все-таки, по собственному выбору, как и во все времена. Но многие, напротив, воспользовались Светом, ибо не бывает кромешной тьмы, стали замечательными, порядочными и успешными людьми, мастерами своих профессий, благородными и незаменимыми членами общества, как бы банально и пафосно это не звучало.

Я был уверен в детстве, и сохранил эту уверенность до сих пор, спустя тридцать шесть лет, что выбор остается за человеком, а Свет в итоге пробьется и проявит всё, что нужно, чтобы этим человеком остаться…

«СВЕТ». ШКОЛА ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ (СЕНТЯБРЬ 1991 ГОДА)

Но было много светлого! В каждой семье, в каждом доме, в каждом роду. Общеизвестно, что в девяностые народ в России массово стал возвращаться к Вере. Маятник человеческой истории качнулся в противоположную сторону – после десятилетий официального атеизма, научного опровержения бытия Божия наступала эпоха возвращения к религиозным взглядам – в основном, конечно, речь идет о Православном христианстве, хотя быстро «поднимали голову» и другие конфессии – как общеизвестные официальные, так и не очень, я имею в виду множество сект – от внешне безобидных до крайне опасных и деструктивных – но сейчас не о них речь, все-таки мы о светлом…

Так вот, не обошло это явление и нашу семью. Всё началось и стало стремительно развиваться благодаря одному человеку, о котором я подробно расскажу в одной из следующих глав – лучшей подруге моей мамы – Алле Брониславовне Вобликовой (тёте Алле). Это случилось в самом начале девяностых, сразу после распада Союза. Тётя имела огромное влияние (в хорошем смысле этого слова) на моих мать и отца. Она была человеком широко образованным, начитанным и очень верующим. Сложно сказать, когда именно она пришла к Православию, но точно знаю, что пришла она к нему через множество духовных практик и направлений, в том числе, восточных, была хорошо знакома и с китайской философией. Отец оказался изначально даже более чутким и восприимчивым к этой новой для нас области знания, он охотно брал книги, которые она давала и советовала прочесть. Папа их жадно прочитывал, потом делился своими впечатлениями и мыслями с мамой. Затем начал приобретать религиозную литературу сам, благо, тогда ее появилось великое множество и не в «самиздате», а в относительно хорошем качестве, в официальных изданиях. Среди таких книг отлично помню Библию в твердом переплете зеленого цвета. Кстати, отдельно надо отметить одно хобби моего папы – библиографическое, а лучше сказать, букинистическое – переплет толстых литературных журналов типа «Нового мира», которые он выписывал с советских времен. Практически все книги отец бережно оборачивал дефицитной клейкой пленкой и ставил на первом развороте экслибрис – герб домашней библиотеки, для чего заказал в мастерской специальную печать.

Еще помню альбом с репродукциями гравюр Гюстава Доре на библейские сюжеты, несколько томов Добротолюбия, черный с золотым тиснением Молитвослов, Детскую Библию, несколько книг Житий Святых и еще ряд репринтных религиозных изданий XIX века. Но два фолианта в этом ряду стоят отдельно: две старин-

ные книги рубежа XIX–XX столетий: название одной уже не помню, вторая – синодальное Евангелие моего прадеда, по которому он обучался в церковно-приходской школе. Этот экземпляр достался моей маме по наследству. В доме стали появляться иконы: были дешевые бумажные на фанерках (конечно, дело совсем не в их стоимости), были современные, написанные маслом по дереву, были и две старинные. Папа купил их на одной из стихийных «барахолок» в общем-то за копейки. Одна – Спас Нерукотворный – маленькая икона в медном киоте, вторая – побольше – классическое каноническое изображение преподобного Серафима Саровского. Его строгие, но бесконечно добрые глаза смотрели на меня в продолжении всей моей учебы в школе и Архитектурно-художественной академии. Это была икона начала XX века, написанная, вероятно, сразу после канонизации преподобного Серафима в 1903 году. На кухне папа организовал настоящий Красный угол: сделал приполочек, на который установил несколько икон, изготовил занавесочку, на полочке теплилась масляная лампада зеленоватого стекла. Деревянные киоты ко многим иконам делал его знакомый плотник, служивший при реанимационном отделении, в котором папа работал. Звали его Фёдор Гареевич, отец его очень уважал.

Крестился отец, напрягли память, вспомнили, что в раннем детстве в городе Владимире крестили маму (это сделала ее бабушка по отцу Анастасия Егоровна). Меня крестить порекомендовала упомянутая тётя Алла, моя горячо любимая крёстная, потом она мягко подвела родителей к осознанному решению обвенчаться, убедив, что так будет лучше для всего рода и в том числе для меня. Христианское Православное мировоззрение мощно и плотно вошло в жизнь нашей семьи. Отец начал соблюдать посты, совершать молитвенное правило по утрам. А меня закономерно отдали в Воскресную школу при храме Всемилостивого Спаса на Елизавете, которую я с отличием закончил через два года в 1993. (Именно на Елизавете появилась в девяностые годы одна из первых Воскресных школ на Урале).

Свободного времени в начальной общеобразовательной у меня почти не было. Пять дней в неделю, естественно, школа, вечером – уроки (учеба – прежде всего – незыблемое правило в моей семье), два-три раза в неделю плавание, а воскресенье – школа Воскресная. В субботу – уроки и подготовка к воскресенью.

Но всё это, с позиции времени, я рассматриваю, как крайне положительный опыт: бассейн улучшил мое физическое состояние, выносливость и иммунитет, а Воскресная школа пробудила интерес к истории Отечества, славянским языкам и, конечно же, привела к духовным мыслям и устремлениям, которые сопровождали и сопровождают меня всю сознательную жизнь.

Надо заметить, что Елизавет – удаленный район Екатеринбурга и сейчас, а в то время доехать до него на общественном транспорте было целым приключением, почти как в другой город – на дорогу приходилось закладывать два – два с половиной часа. В любую погоду! Помню, как однажды весьма морозным зимним днем мы с папой опоздали минут на сорок из-за того, что пришлось прождать автобус (единственный маршрут до Елизавета – двадцатый – сплошь состоявший из стареньких желтых и красных ЛИАЗов). А температура была градусов двадцать пять ниже нуля! Но я никогда на подобное не жаловался не потому, что терпел и был чересчур воспитанным и скромным, нет – мне действительно нравилось ездить в эту школу, общаться со своими воскресными одноклассниками и слушать преподавателей. Многое, чему меня тогда там учили, я помню, и мне это пригождается по сей день.

Вспоминается замечательный учитель – отец Сергий. Благообразный священник высокого роста с длинными светло-русыми волосами, убранными в косицу и с аккуратной бородой. Всегда сосредоточенный и внимательный он вел в нашей группе Закон Божий – основную дисциплину. Был он строг, умен, тактичен и всегда относился к ученикам с уважением и неподдельным человеколюбием. Воспитанники и родители отвечали ему взаимностью. Он часто вел с моим отцом беседы, в итоге, стал священником, совершившим Таинство Венчания над моими родителями.

После окончания Воскресной школы наши пути разошлись, мы больше не встречались, но много лет спустя я случайно узнал его, увидев в отрывке фильма, посвященного возвращению мощей Святого Симеона в Верхотурье среди священнослужителей, сопровождающих гроб.

Помню еще как готовился к выпускному экзамену, этот солнечный весенний день сдачи. Экзамен принимала целая комиссия из трех или четырех человек. Я сдал его на «отлично». Вместо дипломов нам вручали простые маленькие детские Библии с отметкой о сдаче на первом развороте. Иногда я открываю эту книгу, и сердце преисполняется светлым чувством и самыми добрыми воспоминаниями. Я очень благодарен родителям за то, что они дали мне возможность в то непростое время собирать крупицы этих ценных знаний.

Здравия всем тем, окружавшим меня людям в этой школе, и Царствия Небесного тем из них, кого уже нет на этой бренной Земле...

«МРАК». БЛАГОДЕТЕЛЬ (ФЕВРАЛЬ 1992 ГОДА)

Эта история, произошедшая со мной ветреным февралем 1992 года, осталась в моей памяти на всю оставшуюся жизнь. В тот год в третьей четверти мы учились почему-то со второй смены. Этим вечером из школы меня забрал дед. В то время, которое я описываю, я часто подолгу оставался у дедушки с бабушкой в квартире на улице Восточной рядом со знаменитым в Свердловске – Екатеринбурге Шарташским рынком. Остановка в нужную нам сторону располагалась у Архитектурного института и носила одноименное название. Отсюда ходил автобус

номер 31 прямо до дома. А недалеко от остановки располагалось несколько ларьков или комков (коммерческих киосков), как их тогда частенько называли. В одном из них торговали хлебом и прочей выпечкой. Транспорта на горизонте пока не было видно, и дед решил отойти купить хлеба к ужину, оставив меня стоять на остановке. Он быстро вернулся, неся в холщовой домотканой сумке две булки хлеба. Одну я незамедлительно вытащил и начал обкусывать с краю – что может быть вкуснее еще теплого батона в детстве даже всухомятку и даже на морозе – думаю, найдутся те, кто меня поймет! Тут дед вдруг резко вспомнил, что надо было еще чего-нибудь взять к чаю и возвратился к хлебному киоску, а я опять остался на том же самом месте с обкусанным батоном в руке. Дальше всё происходило, как в замедленном кино, во всяком случае, так это воспринимал мой детский мозг.

К остановке подъехал и резко затормозил черный «пятисотый» Мерседес. Не «шестисотый», конечно, – герой огромного количества анекдотов про «новых русских», но всё равно, шикарная модель того времени. Не глуша мотор, из нее выскочил классический «браток» – образ его был классичен донельзя и полностью соответствовал стереотипу: немного широкие костюмные брюки, какие-то черные лакированные туфли с блестящими пряжками, малинового цвета пиджак, поверх – черная кожаная куртка нараспашку, и довершала сей образ толстенная золотая цепь на мощной бычьеподобной шее и налысо бритая голова. В общем, судя по всему, не рядовой «солдат». И тут я с ужасом понял, что он направляется прямиком ко мне. «Что ему от меня нужно?» – моментально пронеслось в моей голове. В следующее мгновение он уже подлетел и хриплым голосом коротко спросил: «Что, пацан, стоишь?» «Ага», – машинально промямлил я. «Хлеб грызешь?» – продолжил он. «Ага», – снова ответил я, цепенея от страха. После этого он запахнул куртку и быстро зашагал к ларькам. Что-то купив, стал возвращаться, и опять по направлению ко мне. Резким движением он достал из кармана своей кожанки шоколадку «Баунти» и протянул ее мне со словами: «На, поешь!», затем подошел к своему «Мерсу», сел в него и, хлопнув дверцей и эффектно стартанув «с шлейфом», исчез в морозной мгле. Я стоял, ошарашенный произошедшим, с шоколадно-кокосовым батончиком в одной руке и обкусанным хлебом в другой с широко открытыми глазами и разинутым ртом, из которого вырывались клубы пара на холодном зимнем воздухе. Через минуту ко мне подошел дед со своей тряпичной авоськой, опухшей на мешок пряников, и удивленно спросил, откуда у меня взялась конфета. «Дядя какой-то подарил», – проговорил я. И начались взволнованные вопросы: какой дядя, откуда, где он и т.д. А дяди давно уж и след простыл, слава Богу...

Видимо, мой образ вызвал у этого «делового человека» какие-то свои воспоминания и ассоциации, а после – приступ неудержимого сочувствия (холод, ветер, старенькая надставленная шубенка, шапка на резинке, валенки и, как вишенка на торте – кусок батона в варежке), и он решил сделать, видимо, первый и единственный добрый поступок за весь прошедший «рабочий» день, дабы перекрыть все «не очень» добрые, которые, вероятно, ему приходилось совершать по долгу своей тяжелой «службы» и опасного «бизнеса».

Долго еще тревожно совещались дед с бабушкой, а потом и родители, узнав о происшествии, как будто, этими разговорами можно было что-то сделать, предпринять, предотвратить, защитить меня от непредвиденных событий и опасностей в будущем.

Я не знал, кто это был, как его звали и никогда не узнаю, что стало с моим вечерним «благодетелем» из далеких девяностых, но до сих пор радуюсь, что сподвиг этого человека в тот день, хоть на мелкое и напугавшее целую семью, но всё же добродеяние...

«СВЕТ». ЛЕС. ПОЛЕ. РОДНИЧОК (ВСЕ 1990-е)

«Потому что без воды –
И ни туды, и ни сюды!»
В.Лебедев-Кумач

В 1989 г. наша семья, т.е. родители вместе со мной переехали в юго-западный район города. Одним из основных факторов, повлиявшим на наш переезд, была не только квартира – «полуторка» (аж целых сорок три квадратных метра, это после однокомнатной-то в двадцать пять), но и расположение самого жилого массива. Из ее окон с «немыслимой» высоты восьмого этажа был виден настоящий сосновый лес. А перед лесом располагался не менее настоящий спортивный стадион. В то время, когда возвращался в этот спальный уголок из центра «на отличку» казалось, что ты приехал на дачу. По бульвару имени знаменитого художника – камнереза Денисова-Уральского – главной транспортной и пешеходной улице нашего микрорайона в день проезжало от силы пара десятков автомобилей. Воздух чистейший. Стадион, о котором я упомянул, в то время был заброшен и летом зарастал такой высокой травой-муравой, что, когда я там бегал с сачком для бабочек, часто совсем терялся из виду.

По целому лету (за исключением двух-трех недель, которые мы проводили в гостях у родни во Владимире), я гулял с родителями в этом лесопарке, сидели-загорали на склонах перед стадионом, когда-то предназначенных проектом для размещения зрительских трибун, «на полянках» – как выражалась мама. Наматывал круги на «Уральце» – своем первом велосипеде – по разбитой беговой дорожке стадиона и по грунтовым в лесопарке. По углам этого спортивного сооружения стояли ржавеющие осветительные вышки высотой примерно по двадцать пять метров. Один раз мне удалось даже взобраться по этим ржавым лестницам на самый верх, несмотря на запреты старших. С площадки для обслуживания прожекторов

открывался великолепный вид на стадион, бульвар и окружающую застройку – полнейший восторг, если не считать того, что наверху всю конструкцию заметно пошатывало от порывов ветра, отчего сердце замирало. И спускаться было страшней, чем подниматься. Но отставать от местных пацанов – «аборигенов» – как-то не хотелось, не взирая на всю «домашность» натуры.

Было еще такое кодовое выражение в нашей семье – «сходить во второй лесок». Означало это следующее: юго-западный лесопарк разделялся объездной автомагистралью – широкой, с разделительной полосой с газоном – эдакий местный «МКАД» девяностых. С одним важным отличием – в те годы его можно было не просто перебежать, а перейти «в неположенном месте» совершенно спокойно. Вот и переходили в другую часть, а она была гораздо более «глухой», я бы даже сказал «заповедной». Тропинки были уже, лес гуще (как мне тогда казалось), и там даже было озерцо – на самом деле, огромная круглая лужа, метров пятидесяти в диаметре, подпитываемая родниками, которая имела народное наименование «Шанхай». Почему «Шанхай», я не знаю, но если взглянуть на какую-нибудь онлайн-карту города Екатеринбурга, то этот «водоем» обозначен под именем «озеро Собачье» – причины очевидны. Поход туда в моем детском воображении уже представлялся путешествием, а запланировать его – было волнующим событием...

Со стародавних времен земля эта, на которой стали возводить новый район Свердловска, была болотистой и изобиловала родниками. Болота осушали, строились дома и общественные здания, множество источников кануло в Лету. Но в нашем лесопарке оставался один прекрасный ручей с живописным бревенчатым мостиком через него, и один прекрасный родник, который сохранили и облагородили, ну то есть загнали в бетонные кольца и сколотили над ним деревянную будочку. Вода в нем была удивительная – ледяная, кристально чистая с голубоватым оттенком. К нему ходили с канистрами и ведрами со всей округи, даже приезжали на машинах из других районов, у будки почти всё время стояли очереди. Сразу после переезда родители узнали об этом источнике от соседей и сразу стали ходить за водой. Вода из-под крана была, мягко скажем, не самого лучшего качества, короче, пить ее было невозможно. Но этот родник нас спасал – идти за водой от нашего дома надо было минут пятнадцать-двадцать обычным прогулочным шагом. Отец брал двенадцатилитровое эмалированное желтое ведро с крышкой, мне вручал пластиковый пятилитровый бидон, и мы топали и в мороз, и в жару, и в дождь, и в ветер... И прогулка, и готовка, и питье. У отца практически сразу после регулярного употребления этой воды перестал болеть желудок, его застарелый хронический гастрит. Все девяностые годы ассоциируются у меня с прекрасным вкусом этой воды из недр родной земли. В 2000-х на месте родника случилась точечная застройка, и его засыпали. К этому моменту уже стали появляться службы доставки артезианской воды. Мы вынуждены были перейти на десятилитровые привозные канистры «Уральской». Нормальная водичка, но того вкуса я больше никогда не встречал.

«МРАК». ОСТАНОВКА (ФЕВРАЛЬ 1992 ГОДА)

«Не судите, да не судимы будете» – гласит известное изречение из Библии, но вспомнить без осуждения общественный транспорт Свердловска-Екатеринбурга начала девяностых невозможно. Помнящие его безоговорочно со мной согласятся, уверен на все «сто»!

Желтые венгерские «Икарусы» одинарные и двойные – часто уже с рваной «гармошкой», старенькие гремящие, дышащие на ладан «Лиазы» с запахом неотработанного бензина на весь салон. Холодные, тряские, ползущие от остановки к остановке. Я нахлебался этого транспорта с лихвой. Школа располагалась в восьми остановках от моего района, а это достаточно большое расстояние для того времени, да и сейчас немало для моего родного города. Если учесть, что ездить, в основном, приходилось стоя на одной ноге, как фламинго, по причине сдавления со всех сторон, то перемещение от дома к храму знаний и обратно превращалось в ежедневную «пытку» для юного школьника. Но что делать, выбор школы родителями был сделан осознанно и безоговорочно, возмущаться и ставить под сомнение решение старших в нашей семье было не принято. Так и ездил.

До школы и назад в начальных классах меня регулярно сопровождали. Если ехал из дома – провожал отец, если от маминых родителей – то, по большей части, бабушка. Кстати, добираться от бабушкиной квартиры до центра был еще тот «квест». Хотя географически их дом располагался ближе к школе, ехать зачастую приходилось, как бабуля выражалась, «на перекладных», а прямой автобус 31-го маршрута останавливался далековато от пункта назначения, идти же, особенно если зима и ветер, было не особенно приятно – путь пролегал через Плотинку, где и в хорошую погоду гуляли ветра. А если к этому добавить еще бассейн два-три раза в неделю, в который тоже нужно было ездить, и Воскресную школу, соответственно по воскресеньям (время мое было занято и расписано полностью, а как же – хороший мальчик должен был непременно вырасти в грамотного и ответственного члена общества), то можете себе представить, сколько мне приходилось пользоваться его (то есть транспорта) услугами. Именно поэтому я изо всех сил с детства мечтал о любом автомобиле и в институте на втором курсе, как только сдал на права, сразу же сел за руль старенькой двадцать девятой «Волги», которую мне купили родители, и когда она ломалась (а случалось это нередко), старался ходить пешком, хотя в то время уже не было ни «Лиазов», да и старые «Икарусы» заменили на новенькие бело-синие, а еще «расцвели

пышным цветом» маршрутные такси – «Газельки».

Но что-то я отвлекся... А дело было ранним февральским утром 1992 года. Как всегда – подъем в шесть, умылся, завтрак, собрался и – вперед, в тот раз я ехал в школу из отчего дома на бульваре Денисова-Уральского. Я уже упоминал про ежедневные утренние давки, вот и в то далекое утро издали на остановке были видны толпы народа. Верная примета, что долго не было никакого транспорта. Для полноты и кинематографичности картины не хватало только средневековых осадных орудий. Обычно, когда все-таки приходил запоздалый автобус, отчаявшиеся граждане «штурмовали» его с таким рвением, что часть людей обреченно отходила в сторонку, понимая, что хоть сегодня и опоздают на работу, но все-таки останутся целы. Прицеп за гармошкой кренился от перегруза, двери не закрывались, и озверевший водитель орал в микрофон, что пока двери не закроются – никуда не поедем, но люди, висящие на подножках, не сдавались и продолжали героически цепляться за поручни.

Это традиционное утреннее зрелище, «делающее настроение» на весь грядущий день, который и так у многих предвещал быть безрадостным. Так вот это было именно такое утро, но что-то по мере приближения нас с отцом к остановке отличалось: толпа как-то странно обходило одно место, пятачок, который по логике должен был быть плотно заполнен людьми. И как только мы дошли – всё прояснилось – нашим глазам представилось жуткое зрелище: прямо на снегу лежало бездыханное тело прилично одетого молодого мужчины с раскинутыми в стороны руками. Отец, видимо, по врачебной привычке метнулся к телу, не трогая, оценил ситуацию, взял меня за руку и тихо спокойно сказал: «Часа два-три как помер, убили скорее всего, жалко – молодой совсем, хотя холодно – может, немного ошибаюсь по времени». Люди всё проходили мимо, кто испуганно озирался, кто с нескрываемой брезгливостью, кто с ужасом.

Всё происходящее там ярко и четко запечатлелось в моей детской памяти. Меня охватило неизвестная доселе мощная смесь чувств: страха, сожаления и вместе с тем сильного сочувствия и эмпатии. Кто это, что с ним стряслось, если убили – за что? Кто его уже никогда не дождется? Почему-то последний вопрос меня особенно зацепил. Не дождется... В следующий момент я очень живо представил отца на его месте или деда. В голове роились и проигрывались разные сценарии один ужаснее другого, причем в мельчайших подробностях.

А народ всё прибывал и прибывал на остановку, кто-то сторонился, кто-то подходил к покойнику, что-то комментировал или молчал. У всех наступал новый будний день – полный тревог, опасений, надежд, маленьких или больших радостей, а может быть напротив – бед и потерь...

«СВЕТ». НОВЫЙ ГОД ПРИХОДИТ! (ПОЧТИ ВСЕ 1990-е)

Лишних денег, мягко скажем, не было никогда... Да и могут ли деньги быть лишними? Короче говоря, денег хронически не хватало. Это, к сожалению, было закономерностью для огромного количества семей и их домохозяйств. Естественно, что не были исключением и мы.

Но Новый год обязан был быть праздником, какими бы непростыми не были времена. Так было – и, надеюсь, так и будет. На самом деле, когда я размышлял над этой главой, я не мог сразу однозначно решить, куда ее отнести – в «свет» или «мрак». Хотя – прочь сомнения – конечно, в «свет»! Но были новые года весьма невеселые для родителей... Из-за нехватки финансов, общей неопределенности, нервного напряжения и ответственности за себя, друг за друга и за меня в первые годы нового десятилетия папа и мама частенько ссорились в преддверии этого праздника, иногда прямо в новогодний вечер. Но к полуночи всегда наступало примирение. В одну из новогодних ночей отец вообще вынужден был дежурить в реанимации, и мы с мамой встречали праздник у бабушки с дедом. Припоминаю, что в девяносто втором родители обошлись совсем без подарков друг другу, а я получил какой-то журнал и пакетик конфетти. Ну попросту не было других возможностей в тот момент, помню, что прекрасно это осознавал и даже не думал обижаться. Я был очень рад уже тому, что все мы вместе, дома. Как будто мы посреди темного, неизведанного и опасного океана, а наша маленькая квартира – как крошечный, но всё же крепкий и надежный кораблик. Родители всегда старались создать атмосферу, пусть скромного, но праздника. «Новый год – домашнее торжество, – всегда говорил папа, – встречать его лучше дома всей семьёй», – и он был прав.

Ёлка наряжалась дней за пять-шесть до новогодней ночи, родители всегда ставили искусственную, приобретенную еще в советские времена. Наряжать ее была моя почетная обязанность, и, вместе с тем, привилегия. В коробке из-под электросамовара лежали старые советские елочные игрушки. Крючков из проволоки или канцелярских скрепок на них почему-то никто не сделал, и каждую игрушку я бережно привязывал к пластмассовым веткам зеленой ниткой, подрезая кончики хирургическими ножницами (а какими же еще подрезать в семье врача-реаниматолога?) Всё делал как учили: большие шары – на нижние ветви, поменьше – повыше, еще выше – самые мелкие, а на вершину – красивый розовый блестящий наконечник. Затем украшал замечательной гирляндой с красными, оранжевыми, синими и зелеными лампочками в виде снежинок. А сама гирлянда торжественно подключалась к специальному устройству – реле в виде морды кота, который поочередно мигал красными угольками глаз, щелкал и включал-выключал лампочки. Мерное тиканье этого электрического зверя, перемигиванье глаз и разноцветные отблески на стенах с живописными игольчатыми тенями для меня были символом

Нового года, семьи, вызывали чувство защищенности и безопасности.

Меню было стандартным и предсказуемым, но таким прекрасным и родным. Конечно же корнями оно глубоко и прочно уходило в советскую эпоху в лучшем смысле этого словосочетания. Ни один новогодний стол за описываемый мною период не обошелся без оливье в его классической комплектации ингредиентов, сельди под шубой, сырночесночного салата под майонезом, горячего в виде стандартной картошки с курицей либо макарон с сосисками. Алкоголь в нашей семье особым уважением не пользовался, поэтому родители ограничивались бутылочкой Советского-Российского шампанского или красного сухого, которое, как правило, в праздничную ночь так и не было допито. А мне – морс из клюквы или домашнее черносмородиновое или брусничное варенье, разведенное в кипяченой воде, на худой конец – какой-нибудь яблочный или апельсиновый сок из бутылки или коробки, которых тогда «развелось» немало. Ну и конечно яблоки, мандарины и конфеты – на десерт. Также немаловажно отметить, что началу девяностых от последних лет предыдущего периода досталась «в наследство» проблема с наличием ряда продуктов, примешиваясь к поголовной проблеме с деньгами, так что обычный и «проходной» стол доставался с трудом.

На первое или на второе января мы с родителями непременно приходили к бабушке с дедом, где праздник продолжался очередным застольем примерно такого же традиционного состава и свойства. Смотрели телевизор, взрослые обсуждали события ушедшего года, осторожно строили планы на будущее. Кстати говоря, у деда елка всегда была натуральная, установленная в стеклянную пятилитровую банку, которая, в свою очередь, фиксировалась в перевернутую деревянную кондовую табуретку шпагатом – на редкость надежная конструкция. Ёлка наряжалась примерно такими же игрушками, как и дома, правда, было несколько старинных экземпляров (от прабабушек), что придавало ей особый колорит. Пахло хвоей, и весь ковер вокруг новогодней красавицы был усыпан иголками.

Для чего я всё это рассказываю – спросите меня вы, мои внимательные и, надеюсь сочувствующие и сопереживающие читатели, у нас всё было примерно также, нам это всё более чем знакомо. Да, вы правы, я прекрасно понимал, что не открою ничего нового, когда писал эти строки, но в том-то и вся суть, что хотелось еще раз подчеркнуть всю важность, незаменимость и неповторимость тех волшебных мгновений, когда вся ваша семья в сборе, все живы, здоровы, относятся друг к другу с теплотой, заботой и вниманием, когда вручаются пусть скромные, но выражающие всю доброту близкого тебе человека подарки, произносятся самые светлые пожелания, когда чувствуешь себя в полной безопасности даже в бушующем потоке окружающих событий и есть ощущение стабильности в самые шаткие и беспокойные периоды нашего земного существования. Я просто-напросто хотел в очередной раз напомнить вам об этих общепонятных вещах на своем маленьком примере. Цените друг друга, не обделяйте вниманием, будьте преданы и верны своей семье и близким. С этого начинается и укрепляется Род, этими семейными традициями начинается, продолжается и процветает Родина.

«МРАК». КРИК (ОКТЯБРЬ 1992 ГОДА)

Эта глава не об известном норвежском художнике и его завораживающе страшной одноименной картине, но эмоции, запечатленные на лице, которое изображено на этом полотне вполне соотносятся с моими собственными, которые я испытал однажды поздней осенью 1992 года. Я часто и подолгу гостил у бабушки с дедушкой в их квартире на улице Восточной, ходил в школу от них, да и на выходные оставался. Так и было в конце октября 1992 года. Погода стояла самая обычная осенне-среднеуральская, то есть промозглый холод, грязь, дождь, ветер, в общем, все прелести нашей поздней осени после коротенького «бабьего лета». Мы с бабушкой и дедом только что поужинали, и я сел учить уроки. Вдруг в подъезде раздались громкие звуки: грохот входных дверей, топот в тамбуре. По началу, вроде бы ничего особенного, вечер – кто-то выходит, кто-то заходит, возвращается с работы, что-то, правда, больно громко возвращается, подумал я. А дальше всё начало разворачиваться стремительно: какие-то разговоры на повышенных тонах, громкая возня – дедушка с бабушкой отвлеклись от дел и насторожились. А через несколько мгновений раздался душераздирающий вопль. Его невозможно описать и сравнить ни с одним из слышанных мною криков в жизни и фильмах. Внутри меня всё похолодело, у деда с бабушкой, по всей видимости, тоже. Мы молча с ужасом переглядывались, не зная, что дальше делать. Последовали еще какие-то звуки: не то стоны, не то тихая ругань, хлопок дверью, и всё будто бы стихло. Не слышно было, чтобы кто-то из квартир выглядывал, не открывались входные двери, никаких голосов, тишина...

Не помню в подробностях, чем закончился тот вечер, но зато очень хорошо помню следующее утро, когда надо было идти в школу. Как только мы с бабушкой вышли из квартиры и спустились на один лестничный марш до площадки между вторым и первым этажами, взору нашему представилась страшная картина: стены, лестница, перила, площадка первого этажа – всё было в огромном количестве запекшейся крови, такого количества я больше не видел ни до, ни после. Воздействие увиденным на детскую психику было колоссальным. Бабушка инстинктивно схватила меня за руку, и мы стремительно преодолели оставшиеся ступени до выхода из подъезда и выскочили на улицу, я успел заметить, что входная дверь тоже была вся в крови. Дальше все следы смыл дождь, который шел всю ночь и продолжался утром. В

носу стоял этот специфический запах крови, который с тех пор я уже бы ни с чем не перепутал. Весь день в школе я находился под сильнейшим впечатлением от увиденного, а в голове «завис» тот душераздирающий крик.

Следующим вечером в дверь позвонили. На пороге стоял милиционер с чрезвычайно усталым лицом в потертой серо-синей форме, задавал деду какие-то вопросы о случившемся накануне и что-то сосредоточенно записывал в маленький блокнот. Его внешний вид и голос я тоже запомнил на всю жизнь. Ясно было, что произошло покушение или грабеж, а может быть разборка, завершившаяся поножовщиной. Убили ли этого человека или нет, я так и не узнал, но судя по увиденному утром, вряд ли бедняга выжил. Но значение увиденного мною было для меня огромно. Впервые я отчетливо осознал, что человеческая жизнь хрупка и непредсказуема, то, что кажется незыблемым, привычным и обыденным, может нарушится и оборваться в миг, и ты можешь оказаться бессильным и беспомощным против обстоятельств, можешь лишиться здоровья и даже самой жизни, просто идя, никого не трогая, в магазин, школу, да куда угодно. Можешь вообще никуда не ходить и всё равно столкнуться со своей судьбой и не смочь предотвратить беду. Эта мысль пришла неожиданно и поразила своей простотой и ясностью. Событие это было, возможно, первым шагом к быстрому внутреннему взрослению, а точнее к «катапультированию» из детства. Я стал осторожнее, начал чаще оглядываться, начал волноваться за родителей, за близких. Этот крик разделил мою начинающуюся жизнь на «до» и «после». Конечно, я оставался девятилетним ребенком, но уже не таким как прежде. И еще изменилось мое отношение к ножам – доселе обычная деталь домашнего обихода в виде кухонного инструмента для приготовления пищи превратилась в моем сознании в опаснейший предмет, которым может изуродовать и лишить жизни. Я стал серьезно, со всей ответственностью и опаской относится даже к маленьким перочинным ножичкам.

Стало проявляться смутное ощущение наступавшей эпохи – не в телевизоре, радио, газетной статье или чужих рассказах – страшилках и даже не в наставлениях и предостережениях родителей и школьной учительницы Ларисы Сергеевны, а собственном, пусть и детском опыте – жизнь любого человека – а, значит, и твоя собственная хрупка, и, порой, ничего не стоит...

«СВЕТ». ЛЕНТА, ВИНИЛ, КАССЕТЫ, КОМПАКТ-ДИСКИ И ПРОЧАЯ, ТАК СКАЗАТЬ, ТЕХНИКА (ВСЕ 1990-е ГОДЫ)

Отдельно хочется поведать о позднесоветской и раннероссийской технике, я имею в виду аудио и видео. Хотя в конце 1980-х и начале 1990-х такие слова еще не употребляли.

Я хорошо помню проигрыватель виниловых пластинок «Вега» с двумя колонками на шкафу, помню его еще с крохотной «однушки» на улице Академической. Потом он, естественно, перекочевал в квартиру на бульваре Денисова-Уральского, о которой, в основном и идет речь в этой книге. Это был прекрасный качественный советский проигрыватель с неплохим, даже по современным меркам, качеством воспроизведения, очень красивым дизайном. Родители относились к нему с пиететом и большим трепетом. У отца была неплохая подборка пластинок: Битлы, Deep Purple, классика. Году в девяносто первом у меня тоже появилась своя «вертушка» попроще – «Аккорд» и своя коллекция, а лучше сказать, подборка пластинок со всяческими радиоспектаклями и мюзиклами, в основном, конечно, от «Мелодии».

Был и древний катушечный магнитофон – знаменитая «Комета». Стоял он в бабушкиной квартире и был в абсолютно рабочем состоянии. Дед записывал наши с ним диалоги годиков с двух. Забавно было потом это слушать. Со временем эти ленты куда-то пропали, так и не успев перекочевать в цифровой формат. Был у меня и первый мой кассетный магнитофон «Романтик» фиолетового цвета, а папа с мамой, поднапрягшись, купили японский двухкассетный «Sharp».

Родители регулярно общались с одной семьей маминой подруги и бывшей однокурсницы. У этой семьи уже с начала 1990-х был не только передовой по тем временам компьютер, но и очень неплохая аудио и видеотехника. И вот, году в девяносто третьем они решили поменять часть аппаратуры на более современную, и нам несказанно повезло – отцу и маме поступило предложение – выкупить старую систему за какую-то символическую сумму, что называется, по дружбе, то есть, практически, даром. Таким образом, родители стали счастливыми обладателями шикарных колонок «Амфитон», очень неплохого CD-проигрывателя и отличного усилителя «Корвет». Корейский телевизор и первый наш видеомагнитофон «Самсунг» к тому времени был уже куплен. Отец с товарищем всё это собрали воедино и, вуаля! – готов домашний кинотеатр. В доме стали появляться компакт-диски и видеокассеты – винил отошел на второй план, его заслуженный «ренессанс» наступит намного позже...

Вся эта техника исправно проработала, а лучше сказать, верно прослужила все девяностые. Году в девяносто восьмом родители приобрели еще один музыкальный центр взамен постаревшего «Шарпа», кажется, это был «JVC» – так называемый «минюшник» – очень стильный и компактный аппарат с отдельно стоящими деревянными колонками и весьма недурным звуком.

Появилось множество аудио и видеокассет, компакт-дисков. Кстати, к системе домашнего кинотеатра прекрасно подключалась моя электрогитара «Musima», на которой я начал с увлечением играть к концу девяностых, так что от этой техники была для меня двойная польза и радость.

Насчет репертуара аудио и видеотеки можно много и не говорить: одним словом, он был весьма

обширным: кассеты и компакт-диски с классикой, джазом, классическим роком, тяжелой музыкой; видеокассеты с советскими фильмами, французскими и итальянскими комедиями, американскими кинолентами от 1950-х до собственно 1990-х годов, да и семейные съемки переписывались на VHS-формат и бережно хранились. В результате, подобралась неплохая коллекция.

Вся эта техника была частью культуры того времени, ее неотъемлемой частью. Кроме того, необходимо отметить, что при всей нехватке финансов в семье, родители всегда старались держать себя и меня, так сказать, в «фарватере» времени во всех его проявлениях – находили возможности, изыскивали какие-то пути осуществления. Я хотел сказать, что они делали всё, ну или почти всё возможное, чтобы я не чувствовал себя чем-то обделенным или в чем-то отстающим от своих более обеспеченных сверстников. И надо сказать, что это у них, в общем, получалось, за что я им (моим родителям) бесконечно благодарен.

А Благодарность – великое созидательное чувство!

«МРАК». МОДЕСТ (ИЮНЬ 1993 ГОДА)

Отец был великолепным детским врачом. Он работал в отделении реанимации одной из детских больниц города. Специальность его была анестезиолог-реаниматолог. График работы сменный, расписание, как правило, бешеное – сутки через сутки, иногда еще день после дежурства – домой только поспать. Работа, мягко скажем, напряженная. Результат – множество спасенных жизней, но не обходилось и без трагедий, никуда не денешься – такая специфика, как говаривал папа – «у каждого реаниматолога личное кладбище» ...

Видя и понимая, как с «того света» возвращают их чад, некоторые родители после перевода их детей в обычное отделение и последующей выписки обращались к лечащим докторам с просьбой стать их семейным врачом за дополнительную плату, такая своеобразная «халтура», хотя слово это меньше всего подходит к этому виду деятельности. Случалось такое и с папой. И, честно говоря, такие ситуации были большим благом для всей семьи, потому что его зарплаты в то время не хватало. Благодаря таким «клиентам» я мог ходить в бассейн, мог ездить к бабушке и деду (отцовским родителям) во Владимир, в этот замечательный древний русский город, благодаря чему, как я думаю, я выбрал впоследствии профессию архитектора. Нескольких таких заказчиков я видел и знал, но особенно запомнился один.

Назовем его, скажем, Модестом. Худощавый, лет 35–40, элегантно одетый (сравнительно, конечно, по тем временам), с прической вместо «бритого ёжика», с очень уверенным выражением лица, с умным, внимательным, но в то же время каким-то отсутствующим и пустым взглядом. На запястье красовались дорогие «котлы», на шее – толстенная золотая цепь. Этакий Серёжа Челищев из «Бандитского Петербурга».

«Из «новых русских», – однажды шепнул отец маме на кухне, а я ненароком услышал. Его маленький сын чем-то заболел, пневмония, если я не ошибаюсь, хотя это не так и важно, он попал в больницу, состояние стремительно ухудшалось, и мальчишка загремел в реанимацию как раз во время отцовского дежурства. Папа его спас, стабилизировал, ребенок уверенно пошел на поправку – счастью родителя не было предела. И, решив, что лучшего частного доктора для его юного наследника ему не найти, Модест сделал моему отцу деловое предложение, от которого отказаться, сами понимаете, было невозможно. Чуть ребенок занемогал – за отцом посылали, если не находили на работе, мигом приезжали домой, спишь, ешь, занимаешься домашними делами – неважно – отец был вынужден всё бросать и ехать. Опоздание или «неполное служебное соответствие» в этой «халтуре», как я сразу понял, было опасно для жизни.

И вот однажды летом 1993 года он приехал за отцом лично, по всей видимости, с сыном стряслось что-то серьезное. Делать нечего – надо ехать. Времени было часов одиннадцать-двенадцать дня, мы с мамой как раз собирались выйти погулять, была отличная июньская погода. Решили заодно проводить папу. В тот момент, натягивая футболку и шорты, я не думал, что увиденное мною через несколько мгновений произведет на меня такое сильное впечатление.

Внизу у подъезда стоял черный Jeep Wrangler, модное и редкое американское авто в то время, из него вышел Модест, спешно поздоровался с отцом, кивнул в нашу с мамой сторону. Надо заметить, что в ту пору я очень увлекался автомобилями, как раз в Россию пошел, можно сказать, хлынул поток подержанных машин из Европы, Японии и США, и я не пропускал ни единой возможности заглянуть в кабину очередной припаркованной иномарки, разглядеть салон, приборную панель, исключением не явилась и эта неожиданно предоставленная судьбой возможность полюбопытствовать – проходя мимо максимально близко к машине, пока отец в нее усаживался, я успел окинуть взглядом салон джипа и только нервно сглотнул от неожиданности: между передними креслами рядом с рычагом переключения передач и ручником расположились в дружном соседстве открытая алюминиевая банка 0,33 водки и укороченный автомат Калашникова. Двигатель завелся, взревел, машина резко рванула с места, унося папу...

Мирное время, вроде как, а неизвестно, вернется ли он домой через пару часов, как обещал. Полоснут очередью какие-нибудь такие же «недруги», и узнаем мы об этом с мамой из очередной вечерней криминальной новостной сводки.

Печально...

Но кормилец вернулся ровно в обещанное время с премией в долларах, конечно, далеко, очень далеко не в тех количествах, в которых их показывали в глупых и не очень американских фильмах с

гнусавым переводом. Но мы были счастливы – в папин июльский отпуск едем во Владимир, дай Бог, ребенок выздоровеет окончательно, и, может быть, заменим старенькую еле дышащую «Бирюсу» на кухне, кто знает?

А главного героя этой главы через несколько лет не стало. Нет, он не погиб в перестрелке, в него не метнули нож и его не отравили коллеги по опасному бизнесу. Он умер от цирроза печени, и в последние несколько недель жизни его организм не принимал ничего кроме воды, молока и водки. Про покойника или хорошо, или никак, учил меня отец, но почему-то на душе стало немного спокойнее за папу.

«СВЕТ». ЭВМ (СЕНТЯБРЬ 1990 ГОДА И ВСЕ 1990-е)

Хочу представить вашему вниманию еще одну главу о технике того времени, ведь без этого аспекта сложно представить эпоху.

Итак, первое сентября 1990 года. Торжественная линейка для первоклашек в старинном гимнастическом зале школы-гимназии № 9 города Свердловска. Прошла официальная часть мероприятия в школьном сквере, и все переместились сюда. Директор, учителя и, конечно же, родители. Атмосфера торжественная, директор говорит речь. И вдруг учителя начинают разносить подарки. Удивительно – в такое непростое дефицитное время, и каждому – презент. В белых пакетах из прочного толстого советского полиэтилена лежали несколько книг. Я не помню всех этих изданий, кроме одного – что-то, связанное с электронно-вычислительной техникой и счастливым компьютерным будущим планеты. То ли «Приключения в стране ЭВМ», то ли «Компьютерная страна», что-то в этом духе – не в этом суть. Это была толстая книжка в твердом переплете с качественной цветной полиграфией. В ней картинки и доступный текст рассказывали об истории изобретения, развитии, устройстве и перспективах электронно-вычислительной техники на то время. А средний разворот имитировал раскладной портативный персональный компьютер с бумажными клавиатурой и монитором, ноутбук по-нашему, но тогда такого слова никто и не слышал. Можно было развернуть и с упоением тыкать в эти клавиши, воображая, как на экране меняются картинки и появляется текст. Неужели когда-нибудь у нас будет такой настоящий?!

Потом «начались» игровые приставки. У меня в первом классе была одна, еще советская (да-да, были и такие). Пластмассовая синяя коробочка с двумя джойстиками в комплекте и оптическим пистолетиком. Она подключалась к черно-белому телевизору, и в ней было «прошито» четыре или пять простеньких игр, типа тенниса с белыми полосками вместо игроков, тир и остальные крайне примитивные по нынешним меркам цифровые игрушки, никаких информационных носителей к ней, естественно, не предусматривалось. И началась эра 8-битных «Дэнди», 16-битных «Сег» и прочих. Грянуло всеобщее игровое «помешательство». Все взахлеб обсуждали аркадные и трехмерные игры, активно менялись картриджами. Были в ходу и ранние персональные компьютеры «Кворум», внешне состоящие как бы из одной клавиатуры (все вычислительные устройства были внутри ее корпуса). Игры и программы на них загружались с кассетных магнитофонов. Кассеты приобретали, также потом менялись друг с другом. У некоторых счастливчиков стали появляться первые компьютеры IBM, 386-е, 486-е, вот это было «Да!», а чуть позже появились первые «Пентиумы», «пень» – как его шутливо называли в народе. У меня ничего из вышеперечисленного очень долго не было. Только в пятом классе мне купили в подарок первую подержанную «Дэнди» и несколько оранжевых картриджей к ней. А вместо монитора мне отдали маленький черно-белый литовский «Шилялис» с плоским экраном и диагональю сантиметров 16–17 см. Это было счастье!

У семьи одной маминой подруги с 1994 года уже был хороший персональный компьютер. Мы частенько с родителями бывали у них в гостях, и мне воочию удалось пронаблюдать эволюцию компьютерных игр того времени. Начиная со знаменитого «Принца Персии», заканчивая первыми «псевдотрехмерными» хитами «Wolfenstein 3D», «Doom», «Doom 2», и, наконец, осенью 1996 года я увидел полностью трехмерную игрушку «Quake». Это был шок – трехмерная виртуальная реальность прямо перед моими глазами – фантастика!

В школе в начальных классах у нас тоже, как ни удивительно для того времени, была информатика. На третьем этаже располагался настоящий компьютерный класс (!). По всей видимости, он появился в начале – середине 1980-х годов, когда в СССР стала распространяться и внедряться в науку и производство электронно-вычислительная техника. Появилась необходимость знакомить школьников с азами правил обращения с этой техникой и основами программирования. Конечно, те машины выглядели совсем не так, как мы себе сейчас представляем компьютер. Класс располагался в вытянутом помещении с длинным столом посередине, поделенным на ячейки, в которых стояли большие мониторы, напоминающие старые телевизоры, с выпуклыми черно-белыми экранами, перед каждым монитором стояла серая клавиатура с высокими клавишами, а огромный системный блок и несколько дисководов под первые большие дискеты размером 5 и дюйма и даже восьмидюймовки размещались на столе и под столом преподавателя. Нас учили каким-то простейшим командам в древней операционной системе, печатать текст и т.п.

И вот, наконец, чудо свершилось! Однажды весенним днем 1996 года отец принес домой с работы списанный 486-й. Нашел специалиста, который что-то в нем «подшаманил», апгрейдил его, добавив оперативной памяти, заменил видеокарту на более новую. Счастью и радости моей не было предела! Отец докупил матричный принтер (тогда такие еще вов-

сю были в ходу). Следует заметить, что CD-привода у этого компа еще не было, и приобрели мы его далеко не сразу, посему все программы и игры приходилось загружать с дискет, а если учесть, что каждая дискета вмещала не более полутора мегабайт информации, каждый переброс файлов занимал кучу времени, и, соответственно, кучу дискет. В течение примерно двух лет заменили монитор на более крупный (ни о каких плоских жидкокристаллических в то время даже не мечтали), первый LED-монитор у меня появился в конце первого курса Академии в 2001 году, колонки, новая клавиатура с мышкой (оптических тогда еще не было – только шариковые). Папа заказал у штатного плотника из их больницы замечательный стол для всей этой оргтехники с выдвижной подставкой для клавиатуры и верхней полкой для принтера. Да, и никакого интернета еще не было, во всяком случае, у меня. Настоящий, свой персональный компьютер с «прибамбасами». Я чувствовал себя в клубе счастливчиков. Отец печатал на нем свою кандидатскую диссертацию, я – рефераты и доклады, мы наперебой «резались» в игры, конечно, в те редкие часы, когда он бывал дома. Когда поставили привод для дисков – смотрели фильмы в формате MPEG-4, слушали MP-3 музыку, я самостоятельно начал осваивать всяческие графические приложения. Открылся целый мир.

Сейчас всё это может казаться далеким и слегка диковатым, кого сейчас удивишь компьютером? А такому, какой я описывал выше, вообще, место в каком-нибудь музее быта в отделе электроники. Сегодня любой недорогой смартфон в десятки, а может быть и в сотни раз превосходит по производительности те первые компьютеры, однако они были окнами в целый новый виртуальный мир, были устройствами, дающими новые возможности, а также вводящими тебя в круг таких же счастливых обладателей ПК.

Потихоньку, а может статься и не потихоньку начиналась эпоха всеобщей «повальной» компьютеризации...

А все-таки, как бы было здорово, если бы каждый новый купленный телефон, ноутбук, стационарный компьютер или игровая консоль вызывали такой волшебный восторг, радость и счастье, как тот старенький 486-й в далеком 1996 году!

«МРАК». КРЕСТНАЯ (НОЯБРЬ 1993 ГОДА)

Алла Брониславовна Вобликова, моя крёстная – тётя Алла – невероятно умная, красивая, утонченная, талантливая и образованная молодая женщина, очень светлый человек, была ровесницей моих родителей. Она была мне абсолютно родной – родной по душе и по духу. Она навсегда осталась тридцатисемилетней – ее жизнь оборвалась неожиданно и страшно, как обрывались многие жизни в то время, да и во все времена, собственно... Но обо всем по порядку.

Тётя Алла с юности была лучшей подругой моей мамы, они учились в одной группе в Уральской государственной консерватории на теоретико-композиторском. Так и продолжали общаться и дружить после окончания учебы. Через какое-то время она уехала в Москву, где что-то не сложилось с личным, как я часто впоследствии слышал от мамы. К тому времени, о котором я рассказываю, она уже вернулась в Свердловск-Екатеринбург и часто бывала у нас в гостях. Алла Брониславовна была очень верующим и воцерковленным человеком, она прекрасно разбиралась в Священных Писаниях и духовной литературе, Православной догматике, в истории церкви и традициях, искренне и всецело верила в Бога. Много времени проводила в церкви и даже пела в хоре Всехсвятского храма, что на Михайловском кладбище. У нее никогда не было своей семьи и детей. Она тепло и искренне любила меня и относилась ко мне по-матерински. Я это хорошо чувствовал. Именно она убедила крестить меня и конечно же стала крестной матерью, настоятельно советовала моим родителям венчаться, познакомила с Православием и заинтересовала вопросами Веры. В нашей квартире появились иконы, в том числе старинные, Евангелие, Псалтирь, Добротолюбие, Четьи-Минеи, Молитвослов и множество других духовных книг. Но она никогда не была религиозным фанатиком, она была поистине светлым и очень аскетичным человеком – есть такое выражение «монах в миру», она и собиралась уйти в монастырь, но не успела.

Тётя Алла всегда говорила, что если мои родителя меня крестят, а сами обвенчаются, то, возможно, по милости Божьей и ее молитвам меня перестанут мучить постоянные болезни (а болел я в то время «на совесть», то есть беспрестанно, изрядно изводя своими недугами себя и родных). И ко всеобщему изумлению, оказалась права...

Она приходила к нам в Пасху, дарила мне чудные пасхальные открытки, собственноручно подписанные цветными фломастерами каллиграфическим почерком. Крестная горячо поддержала идею о прохождении мною курса в церковной Воскресной школе, которая открылась к тому времени при храме Всемилостивого Спаса на Елизавете, которую спустя два года я с отличием закончил, учась параллельно с общеобразовательной школой, и о чем ни капельки не жалею. Воскресные школы только начали возрождаться, предметы преподавались с энтузиазмом, нащупывались новые пути, составлялись учебные программы. Я очень многое узнал благодаря этому учебному заведению, познакомился с прекрасными, умными и высокодуховными людьми. Крёстная очень радовалась любым моим успехам, будь то в учебе, будь то в творчестве. В начальных классах я еще успевал обучаться игре на фортепиано и сольфеджио, но не в музыкальной школе (и слава Богу – меня бы уже на это не хватило), а дома с мамой. И я даже начал сочинять небольшие музыкальные фрагменты – с какой искренней радостью она их слушала, радовалась, делала добрые и уместные замечания. Кроме того, я хорошо помню, что у нее была прекрасная библиотека с книгами по истории, философии, она приносила какие-

то экземпляры маме, они что-то горячо обсуждали. Вообще Алла Брониславовна была весьма начитанным и эрудированным человеком в очень разных сферах знания. Я уже не говорю о том, что частенько, бывая у нас в гостях, она садилась за мамин «Рёниш» и чудесно музицировала, читая с листа или на память.

И вот однажды, холодным дождливым и грязным ноябрьским вечером я узнал, что ее не стало. Это была первая и жуткая потеря близкого человека в моей жизни. Я отлично помню состояние мамы и отца, страшное и липкое осознание неотвратимости и необратимости произошедшего. Чуть позже я узнал, что ее зверски убили, задушив собственным шарфом на Михайловском кладбище, по которому она часто ходила, срезая путь, чтобы не опоздать на вечернюю службу в храме, в котором несла певческое служение. Причины, мотивы, обстоятельства так и остались невыясненными, преступление нераскрытым, убийца – ненаказанным, не редкость в то время...

Меня взяли на похороны. Отпевание проходило в той же Всехсвятской кладбищенской церкви, где крестили меня и пела крестная. Народу было очень много, помню, что было душно от большого количества людей и множества зажженных свечей. Она лежала с восковым застывшим лицом, непохожая на себя, а я думал: а вдруг это не она, а вдруг ошиблись, и в следующее воскресенье она снова придет в гости. Я видел ее родителей и очень рано понял, что значит – хоронить своих детей.

Тётя Алла, крёстная, навсегда осталась тридцатисемилетней, такой красивой, с развевающимися по ветру волосами и не по возрасту мудрым взглядом, которым она смотрит с выгравированного фото на каменном памятнике на Широкореченском кладбище города Екатеринбурга, где похоронены знаменитые артисты, ученые, врачи и криминальные авторитеты.

Я всегда очень переживал за маму, особенно за ее поздние возвращения с работы по полутемным дворам, за транспорт, за его ожидание на остановках. Лишится меховой шапки, золотых сережек вместе с мочками, сумочки, а то и жизни было делом в то время весьма заурядным, я бы даже сказал, статистическим. С момента убийства моей крёстной я с утроенной силой стал ненавидеть эти темные холодные дождливо-снежные вечера и волноваться за мать. Когда подходило время ее возвращения, я прислушивался к звуку идущего лифта в подъезде, лифт останавливался на нашем восьмом этаже – момент, и звук поворачивающегося ключа в скважине – слава Богу, это она, значит вернулась, жива, здорова. Кто пережил подобное, тот поймет...

Прошло несколько лет. Мы нередко были всей семьей в гостях у родителей моей крёстной, и однажды ее мать – Эльза Александровна достала из шкафа старый фотоальбом, раскрыла его и показала нам ее фотографию, на которой ей не было еще и двадцати пяти. Она одна стоит на берегу Черного моря, а вокруг ее головы совершенно четко виднеется яркое свечение – я сразу понял, что это не было ни дефектом пленки, ни дефектом при печати, я с шести лет умел печатать черно-белые фотографии (спасибо деду), значит она была не просто верующим человеком, подумал я тогда.

Я до сих пор в сложных ситуациях и обстоятельствах иногда мысленно обращаюсь к ней и всегда чувствую ее незримое присутствие и безусловную любовь и поддержку. Вечная ее память и Царствие Небесное, хотя я абсолютно уверен, что и без моих пожеланий и молитв она там... и смотрит на нас с той же всепонимающей и всепрощающей улыбкой.

После ее ухода друзья сняли о ней документальный фильм, и свет увидел сборник ее прекрасных стихов.

А дома, на том самом «Рёнише» стояло ее фото в черной рамке. Молодая тётя Алла в белой блузке с огромными выразительными глазами и неуловимой улыбкой Моны Лизы.

«СВЕТ». ТРУДОВИК (СЕНТЯБРЬ 1995 – МАЙ 1998 ГОДА)

Я проучился в одной школе от первого до последнего звонка. Это была средняя общеобразовательная школа-гимназия № 9 города Свердловска-Екатеринбурга. И в советский период, и после «Девятка» была очень хорошей школой с множеством профильных направлений. Сейчас она также котируется и считается элитной. Я никогда не «раздувался» от важности по поводу прохождения в ней полного курса среднего образования. Сама школа исконно располагалась в одном из старейших каменных зданий в центре города, которое было построено по распоряжению императора Александра II в 1860-х гг. и предназначалась для первой в Екатеринбурге мужской гимназии. В общем, всё в этом учебном заведении дышало стариной и традициями. Но не буду идеализировать ни школу, ни процесс обучения в ней, всё было, как и в любой другой в то время: и курение, и алкоголь, и драки, и разборки и т. д. и т. п., но было и много замечательного: победы спортивные, победы в олимпиадах городских и национальных, выдающиеся выпускники, прекрасные учителя. Одним словом, широкий диапазон характеров, событий, надежд, свершений, удач и поражений... Об этой школе и тех временах можно написать целую отдельную толстенную книгу.

За десять лет учебы я сменил три класса, десятки преподавателей, но рассказать хочу про одного – учителя труда Валентина Петровича (фамилию его я, к великому сожалению, уже не помню). Это был трудовик с большой заглавной литеры «Т». Мне посчастливилось быть его учеником с 1994 по 1998 годы. Валентин Петрович был коренастым крепким мужиком лет пятидесяти пяти, всегда гладко выбритый, опрятный и в традиционном синем халате с большим пуговицами. За всё время его преподавания я ни разу не видел его выпившим, как это принято пока-

зывать в разных комедийных сюжетах и сценках. Он был полной противоположностью этих штампов. Сразу оговорюсь, что никакого анекдотического беретика под цвет халата, ни штангенциркуля или угольника, торчащего из нагрудного кармана, тоже не было, правда, он постоянно курил в своей «каптёрке», курил много и часто, и ничего поделать с этим не мог. Не припомню ни одного случая, когда бы он поднял на нас голос или, не дай Бог, руку. Однако дисциплина на его уроках (уроки всегда были сдвоенные) была железной, я бы даже сказал – железобетонной. Его уважали все, даже как-то инстинктивно. За время его курса мы научились и сделали столько всего полезного, что и не упомнишь. От деревянного зайца, крутящего кульбиты на турнике, до сложных стальных деталей, выточенных на токарном станке по металлу (как в знаменитом советском фильме «Неподдающиеся»), подсвечники, металлические бирки для гардероба, монтажные схемы из витой проводки на роликах под напряжение в 127 вольт, дверные петли, не говоря уже о такой «мелочи», как кухонные доски и пресловутые табуретки. Здесь отдельно следует поведать, так сказать, о материально-технической базе этого трудового направления в нашей родной школе – кабинет (лучше сказать – небольшой цех) труда для пацанов был шикарен: отличные чугунные заводские верстаки с мощными тисками, разделенные защитными экранами из плексигласа, высоченные шкафы с инструментами: всевозможных видов резаки, стамески, рубанки, пилы, лобзики и прочее. А станки... сверлильные, токарные по дереву и металлу, фрезерные, точечной сварки, даже помню маленький гидравлический пресс. Сейчас на уроках технологии, порой, боятся доверить детям канцелярские ножи для аппликаций, чтобы кто-нибудь не порезался, а я могу с гордостью за Валентина Петровича сказать, что за всё время обучения не произошло ни одного инцидента, ни одной даже маленькой травмы. Представить, что кто-то носится с молотком или каким-то острым инструментом по кабинету – из области фантастики. Вы скажете, что всё это – советское наследие и будете правы, с этим не поспоришь, но за все девяностые это наследие не только не растерялось, не сломалось и не пришло в упадок и негодность, а напротив – работало, служило и в руках такого трудовика приумножалось. С каким нетерпением и радостью мы неслись в этот кабинет на первом этаже, и два следующих урока пролетали практически незаметно. У Валентина Петровича успех в трудовой деятельности имели все без исключения: и математики, и гуманитарии, и «естественники» – все. С каким трепетом и гордостью тащили эти деревянные канделябры в подарок мамам и бабушкам. А был у Валентина Петровича еще и бесплатный кружок (дополнительные занятия после уроков), где задания были еще сложнее и интереснее. Я не ходил: во-первых, потому что мне вполне хватало впечатлений от основного курса труда, во-вторых, бассейн. Всего было просто не успеть физически. У одного из немногих учителей в то время, у трудовика было личное авто – кремовая шестерка Жигулей, всегда исправная и чистая, ставил он ее в школьном дворе, рядом с окнами его кабинета и бывал очень недоволен, когда мы в этом школьном дворе гоняли в футбол, боясь, что попадем ему по окнам, и, кстати, бывал прав – попадали, и по машине, и по окнам, однажды в шестом классе вынесли стекло в окне школьной библиотеки, но я отвлекся.

Тому, что я стал архитектором-реставратором и создателем-любителем струнных музыкальных инструментов, отчасти я обязан именно нашему трудовику из тех 90-х.

Учась на втором курсе архитектурной академии, я узнал от бывших одноклассников, что Валентина Петровича не стало. Он умер скоропостижно, ремонтируя что-то у себя на даче. Ему было немного за шестьдесят. Светлая ему память, и всем нашим учителям, которых уже нет с нами.

«СВЕТ». ГЕРОЙ ТОГО ВРЕМЕНИ (ОСЕНЬ 1995 ГОДА)

Мой отец всегда был для меня примером мужества, решительности, бесстрашия и невероятной личной ответственности за принятые решения. Он был трудолюбив, целеустремлен, имел живой, пытливый ум, а также не лишен творческой жилки. Таким я запомнил его в период своего детства, отрочества и юности, таким он оставался всегда. Он так и ушел в свои пятьдесят девять от тяжелой неизлечимой болезни, прекрасно осознавая, что с ним происходит, и чем всё закончится, ушел спокойно, без отчаяния и страха, смело смотря неизбежности в глаза. Такого я больше не встречал. Я им гордился и горжусь до сих пор, сам стараюсь по мере сил быть таким же для своего сына, получается не всегда, но я очень стараюсь, а у отца получалось всегда! Да и профессия обязывала – он был врач-реаниматолог с большой буквы. В описываемое мною время он работал в одной из детских городских больниц в реанимационном отделении. Сказать, что график его работы был напряженным – значит, ничего не сказать. Основное расписание – сутки через сутки, иногда с «семеркой», то есть двадцать четыре часа плюс еще семь. И так от отпуска до отпуска, который случался обычно в мае-июне. В общем, график, честно говоря, «убойный». Папу дома мы с мамой видели редко. При этом, когда он бывал дома, всегда занимался семьей; то время оставило у меня самые светлые воспоминания.

Событие, о котором я хочу рассказать, произошло осенью 1995 года. Такое, наверное, могло произойти и в другое время, но все-таки это происшествие очень хорошо вписывается в контекст девяностых. Рассказываю про него на основе слов отца и своих детских воспоминаний, да простит меня читатель, если где-то нарушу документальность, ибо это не исказит смысл и значение произошедшего.

В один из осенних дней к отцу в отделение поступил ребенок двух-трех лет от роду, по-моему, с

тяжелой пневмонией, имени я его точно не помню, посему назовем его Марком. Насколько я помню, Марк родился и рос в Израиле, а его дед был родом из России, но жил и работал в двух странах, имея какой-то серьезный крупный международный бизнес. В Россию молодые родители привезли чадо к деду, где мальчик быстро заболел, с непривычки к местному отнюдь нетеплому климату. Здесь ему день ото дня становилось только хуже, и дед с родителями приняли быстрое, но непростое решение срочно возвращаться на родину. Сейчас бы такое, наверное, не «прокатило», хотя кто знает, здравое зерно, в этом, конечно, было, проблема заключалась только в огромных рисках, ведь мальчик был далек от привычного «транспортабельного» состояния. Можно много рассказывать, домысливая на ходу, почему это произошло, но в итоге, сопровождать тяжелого пациента согласился мой отец. Как он рассказывал потом сам, он почувствовал, что другого шанса выжить и выздороветь у Марка просто не было, и интуиция в конечном счете его не подвела!

Оставалось одно «но». У отца не было загранпаспорта… никогда, как и у всех нас. А зачем нам был этот документ, если не получалось отправиться дальше Владимира. Помню, что проблема эта была решена практически в течении дня. Дед мальчика оказался действительно влиятельным человеком в то время. Для транспортировки, если я не ошибаюсь, дедом Марка был зафрахтован целый самолет. Правда, арсенал реанимационного оборудования в распоряжении у отца был весьма скромен.

Отлично помню день папиного вылета. Мама, я и дед с бабушкой – все страшно волновались за отца, прекрасно осознавая всю опасность и рискованность этого «мероприятия», груз ответственности, который взвалил он на свои плечи, объем последствий в случае неудачи. Весь тот день мы ждали международного звонка из Тель-Авива. И к вечеру отец позвонил, сообщив, что долетели, ребенок жив, что в аэропорту Бен-Гурион у самолета их встретила реанимационная бригада и отвезла в одну из лучших городских больниц. В благодарность дед Марка предоставил отцу апартаменты в своем доме и водителя с машиной, который возил его по всем возможным местным достопримечательностям.

Только по приезду позже мы узнали от папы, что Марку пару раз в самолете становилось совсем худо, и ему приходилось проводить на борту реанимационный мероприятия, как это называется в медицине, что в местной больнице отцу аплодировали израильские врачи, считая, что он совершил практически невозможное.

Но впечатления профессиональные и груз ответственности начисто перекрылись у отца впечатлениями от дальнейшего времяпрепровождения. Целую неделю «личный» водитель возил папу по лучшим местам земли Обетованной: отец по приезду взахлеб рассказывал нам об Иерусалиме, стене Плача, храме Гроба Господня, Мертвом море, Хайфе, о местах Евангельских, о Тель-Авиве, о древних памятниках архитектуры времен античности и т.д. С нетерпением мы ждали проявки пленки и печати фотографий. Цифровых аппаратов еще не было, а в нашей семье бытовала простенькая пленочная «мыльница» «Panasonic», которая верой и правдой служила нам во всех поездках и дома.

Честности ради, надо добавить, что это была первая поездка «туда», в далекое зарубежье, не только для папы, но и для всей нашей семьи, вот в таком виде и с такими целями…

Я ни разу не слышал, чтобы он когда-нибудь хвалился этой историей, поэтому я решил рассказать ее сам, такой, какой запомнил от отца, я думаю, он был бы не против.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Конечно, несколько коротких рассказов, по определению, не могут раскрыть смысл и сущность целого периода в жизни огромной страны. Периода сложного, неоднозначного, переходного, наполненного судьбоносными событиями. Но любой этап в истории человеческой вершится людьми, и людьми же проживается и воспринимается. А это восприятие, зачастую, очень ценно для понимания современниками и потомками. Через него человек способен проявлять эмпатию, может почувствовать себя на месте рассказчика, даже если родился намного позже, а уж если жил в описываемое время – то и подавно.

Я искренне воспринимал и переживал события того времени в своем детстве, искренне изложил некоторые из них и представил вашему вниманию и на ваш суд, уважаемые читатели. И также искренне желаю всем вам, чтобы в любые времена и эпохи, а особенно в трудные периоды жизни у вас всегда было на кого и на что опереться: семью, родных, друзей, любимое дело, которое приносит пользу самому себе и окружающим.

И тогда Света на нашем Свете станет заметно больше!

ФАБРИКА ГРАММОФОННЫХ ПЛАСТИНОК В СВЕРДЛОВСКЕ

К 90-летию основания

Сергей ПЕСТОВ

Екатеринбург.

Свердловский областной трест по кинофикации (Свердкинотрест) приступил к работе с 1 января 1934 года. Он был создан по решению Совнаркома РСФСР «О реорганизации управления киносетью на территории РСФСР» от 14 ноября 1933 г. на базе областной конторы «Роскино» и Кинообъединения при Свердловском ОблОНО. Трест осуществлял руководство и контроль за работой киносети, управлял деятельностью городских и сельских кинотеатров, кинопередвижек, подсобных предприятий. Также в его задачи входило расширение сети стационарных звуковых кинотеатров.

В октябре 1935 г. на Производственном кино-комбинате Свердкинотреста решили по примеру ленинградских предприятий «Ленкино» и «Ленинградской фабрики граммофонных пластинок» Ленмузтреста организовать производство грампластинок с записями музыкальных номеров из кинофильмов. Технический директор комбината Михаил Михайлович Германов 29 октября выехал в командировку в Ленинград «по делу оборудования цеха грамзаписи».

В 1936 г. Производственный кино-комбинат Свердкинотреста получил по договору от «Ленинградской фабрики граммофонных пластинок» Ленмузтреста оборудование и матрицы для штамповки пластинок. А также некоторое количество шеллака[1] для изготовления первой партии[2]. Она была выпущена не к концу марта, как планировалось, а в середине апреля.

Уральский краевед, ответственный секретарь журнала «Урал», С.А.Захаров в 1983 г. в статье «Свердловские грампластинки» («Урал», 1986, № 3) писал: «...Делались они кустарным способом в крохотной мастерской в районе ВИЗа».

Да, предприятие находилось недалеко от Верх-Исетского завода, на ул. Конторской[3], 19, на пересечении с переулком[4] Токарей. В 1938 г. улицу переименовали в честь испанской коммунистки, деятеля международного рабочего движения Долорес Ибаррури.

А «мастерская» была не такой уж маленькой. В Производственный кино-комбинат она входила как цех № 2 и по внутренней документации обозначалась как «Грамфабрика». Фабрика име-

ЦЕХ ГРАММОФОННЫХ ПЛАСТИНОК

Производственный кинокомбинат Свердкинотреста заключил договор с Ленинградской фабрикой граммофонных пластинок на поставку оборудования для организующегося в Свердловске цеха граммофонных пластинок. Часть оборудования уже поступила, часть находится в пути. Начато оборудование помещения для цеха пластинок в районе Верх-Исетского завода. Цех вступит в эксплоатацию в первом квартале 1936 года.

Из газеты «Уральский рабочий» 4.12.1935 г.

ЦЕХ ПАТЕФОННЫХ ПЛАСТИНОК

К концу марта в культмагах появятся первые патефонные пластинки с надписью: «Свердловский областной трест кинофикации».

Комбинат треста уже получил на днях первые матрицы для отливки пластинок. Получены: «Речь Чапаева на митинге» и хор «Ревела буря» из звукового фильма «Чапаев»; «Песенка в гараже» и «Танго» из фильма «Петер», фокстрот «Воспоминание» и пассо-дубль «Веселый ритм».

Оборудование цеха патефонных пластинок будет закончено в ближайшие дни.

Из газеты «Уральский рабочий» 15.03.1936 г.

ла четыре отделения: прессовое, шлифовальное, гальванное, мельничное, а также кабинет звукозаписи[6], лабораторию и складское помещение.

Способ производства не был кустарным – имелось фабричное оборудование: гидравлический пресс с комплектами прессформ, насос, компрессорная установка, электроплита, шаровая мельница для размола сырья, резервуары для гальванизации. Работали в две смены: дневную и вечернюю, позже – дневную и ночную.

По штатному расписанию на Грамфабрике были следующие должности: начальник производства, прессовщики[7] (2), наладчицы (2), шлифовщица, гальванер, мельник, рабочий по подвозке льда, механик, слесарь-электрик, кладовщик, экспедитор, сторожа (4), уборщицы (2).

Например, в 1936–1937 гг. работали начальник производства Р.С.Муратов, прессовщики А.С.Мирзоянц и В.С.Туров, наладчицы А.А.Турова и А.Я.Баранкова, шлифовщица Л.С.Михаэлис, гальванер С.В.Майбуров, мельник А.С.Шубин, рабочий по подвозке льда И.Ф.Зубков, кладовщик И.В.Екимов. Один из работников по совместительству занимался отбраковкой.

В то время в мировой практике производства пластинок основным сырьем являлся шеллак – дефицитный материал, который центральные советские заводы приобретали за валюту. Такой возможности свердловский комбинат не имел, поэтому он организовал сбор у населения старых и ломаных пластинок. В мае в газете опубликовали объявления о приеме таких грампластинок в обмен на новые из первого выпуска.

Грамфабрике удалось собрать большое количество вторсырья, и уже к 7 ноября было выпущено 2200 пластинок, к концу ноября – еще 3500, а в общей сложности за 1936 г. – 34108 штук! В 1937 г. планировалось увеличить выпуск до 70000.

Поскольку записей из кинофильмов было не так уж много, Ленинградская фабрика расширяла репертуар танцевальной музыкой, переписанной с зарубежных пластинок, записями ленинградских певцов и музыкантов. Подобный репертуар был и на матрицах, присылаемых в Свердловск.

Фотография места, где располагалась Грамфабрика[5]. Фото автора, 2025 г.

В числе первых вышли пластинки с танцевальной музыкой – пасадобль «Веселый ритм», фокстрот «Воспоминание», «Три поросенка и волк» и с музыкальными номерами из зарубежных и советских тон-фильмов (звуковых) – хор «Ревела буря» из фильма «Чапаев», «Танго» и «Песенка в гараже» из фильма «Петер», «Застольная песенка»[8] из фильма «Искатели счастья». На зеркале[9] пластинок стояли данные матриц Ленинградской фабрики, на этикетках – порядковые номера издаваемых Свердкинотрестом записей. Пластинки разных выпусков нередко отличались компоновкой. Например, «Веселый ритм» выпускался с оборотами «Воспоминание», «Умеешь ли ты свистеть» и «Веселая работа».

Свердкинотрест не имел полиграфического оборудования. Этикетки заказывали в типографии. Оформление этикеток пластинок Свердловского областного треста по кинофикации с эмблемой «СОТК» решалось в четыре краски (эмблема, ободок, надписи, фон). Для фонов использовались синий, желтый, зеленый и серый цвета. Этикетки имели диаметр 75 мм. На этикетках пластинок 1936 г. можно встретить штамп – «Неполноценная», который ставили работники технического контроля фабрики или торгующей организации, если находили небольшой производственный брак, не мешающий воспроизведению. Такую пластинку продавали со скидкой 10 %.

С 1937 г. этикетки изменились. Композиция эмблемы сохранилась, но те же самые ее элементы нарисованы более реалистично. В верхней части этикетки добавлены дугообразные линии. Теперь для оформления применялись две краски (фон, эмблема и надписи). Для фонов использовались разные цвета: в 1937 г. – белый, бежевый, желтый, бирюзовый, коричневый; в 1938 г. – красный, розовый; в 1939 г. – зеленый, голубой. Черный цвет использовался для фона в 1937–1939 гг. Для коричневых и черных этикеток делалось бронзирование или серебрение. Первые этикетки нового образца были диаметром 85 мм. Но размер пришлось уменьшить до 83 мм, поскольку перекрывались данные на зеркале пластинки. С января 1938 г. на этикетках появилось разрешение цензора Свердгорлита[10]: № Ц-3952 на тираж в 100000 этикеток. Столько пластинок с произведением одного наименования на Грамфабрике выпустить не могли. Наверное, поэтому в 1939 г. разрешаемый цензором тираж указывать не стали.

С каждой матрицы Ленинградская фабрика получала 200–250

Из газеты «Уральский рабочий» 20.05.1936 г.

Этикетки пластинок Свердловского областного треста по кинофикации 1937 и 1938 гг. Из коллекции автора

пластинок. Соответственно, и свердловская Грамфабрика не могла произвести больше. Поэтому сразу же после получения из Ленинграда матрицы с нее гальваническим способом делались позитивные копии, а затем негативные – новые матрицы. На позитивной копии от руки гравировали дробное число, обозначающее номер экземпляра матрицы. Он виден на зеркале пластинки.

В декабре 1936 г. Свердкинотрест запланировал на будущий год расширение производства грампластинок. М.М.Германов, теперь уже директор Производственного кино-комбината, ездил в командировку в Ленинград и Москву, «где ознакомился с последними достижениями граммофонной промышленности и заказал станок для звукозаписи на восковые диски, необходимый для изготовления собственных матриц».

Станок получили. В апреле были сделаны «две первые опытные матрицы», скопированные с готовых грампластинок. «В дальнейшем комбинат будет не только копировать пластинки, но и производить собственную запись», – сообщалось в газете «Уральский рабочий» за 28.04.1937 г.

По-видимому, новый станок не получил эффективного применения. До сих пор не найдено пластинок, изготовленных с переписных матриц кино-комбината, как и его собственных записей. Этому могли быть разные причины. Вероятно, одна из них – проблема с приобретением воска, который требовался в большом количестве. Другая возможная причина – ужесточение во второй половине 1937 г. контроля за репертуаром со стороны Реперткома и Комитета по делам искусств. Для утверждения каждой новой записи нужно было представить в Репертком сначала первый оттиск в виде сигнальной пластинки. После ее утверждения – контрольные экземпляры, оформленные этикетками. На любом этапе Репертком мог найти повод для запрещения выпуска, и вся работа по записи, изготовлению матриц и пробных пластинок оказывалась напрасной.

Расширение производства грампластинок произошло благодаря новому изобретению. В конце 1937 г. технический руководитель Грамфабрики Ростислав Сергеевич Муратов и гальванер Сергей Васильевич Майбуров разработали уникальный метод получения матрицы гальванопластическим способом с готовой пластинки, о чем написано в газете «На смену!» от 22 декабря. Выпуск копий был официальным: перед копированием на зеркале пластинки московского завода[11], рядом с ее матричным номером от руки гравировался порядковый номер будущей матрицы Производственного кино-комбината (ПКК) Свердкинотреста, а этикетки утверждались Свердгорлитом.

Новым способом копировались грамзаписи Вадима Козина, Изабеллы Юрьевой, Тамары Церетели, Леонида Утесова, Лидии Руслановой и др., а также танцевальной музыки.

Конечно, утверждение газеты, что копии «по качеству ничем не отличаются от пластинок московского производства» несколько преувеличено.

Качество звучания свердловских пластинок все же уступало качеству московских. Прежде всего, потому, что сырьем являлся лом[12], имевший большую неоднородность, так как битые пластинки сдавали всякие – и 1910-х, и 1920-х, и 1930-х годов. Масса их отличалась по составу и чистоте. Кроме того, из-за ограниченности средств фабрика не могла приобрести оборудование для перемешивания массы – это делалось ручным методом. По названным причинам нередко наблюдался повышенный уровень шипения пластинок.

В некоторых случаях качество снижалось из-за нарушений теплового режима. На Грамфабрике не было градирни. Для понижения температуры воды, подаваемой в пресс, применялся лед. Из-за этого процесс охлаждения прессформ

мог происходить неравномерно. Например, в коллекции автора имеются две пластинки, отпечатанные с одной и той же матрицы, в одной и той же прессформе. Сторона «А» обеих пластинок воспроизводится нормально. Сторона «В» на первой пластинке звучит хорошо, на второй – с искажениями.

Почти все свердловские пластинки имеют значительные углубления на поверхности, которые не сказываются на качестве воспроизведения, но портят их внешний вид. Они возникали в результате продавливания на матрице неровностей зеркала прессформы во время прессовки.

Центральные предприятия тоже сталкивались с такой проблемой. На московских заводах для ее устранения напаивали матрицы на прочные диски-шеллы. При этом использовалось специальное оборудование. Ленинградская фабрика грампластинок и свердловская Грамфабрика такого не имели. Однако на свердловской фабрике, в сравнении с ленинградской, проблема усугублялась. Гальванизация происходила не в стандартных ваннах, а в приспособленных резервуарах, что, вероятно, приводило к нарушению технологии, и матрицы получались тоньше. А тонкая матрица более чувствительна к неровностям зеркала прессформы.

Пластинки Свердкинотреста находили своего покупателя! Привлекала их относительно низкая цена (около 5 руб.)[13]. Кроме того, они восполняли недостаток в магазинах продукции центральных производителей.

О спросе на свердловские пластинки говорит тот факт, что матрицы многих произведений, таких как Л.Утесова «Добрая ночь», Э.Утесовой «Пожарный», М.Черкасовой «Ночь светла» и др. изготовлялись неоднократно. А матрица грамзаписи В.Козина «Газовая косынка» возобновлялась как минимум 7 раз[14], и, соответственно, было выпущено 1540 экземпляров!

В то время пластинки воспроизводились на патефоне (портативном граммофоне), а при этом их технические недостатки были не так уж и слышимы. При проигрывании на современном электрофоне с легким адаптером недостатки заметны в значительно большей степени.

На Свердловской фабрике грамзаписи

На Свердловской фабрике грамзаписи патефонные пластинки изготовляются по негативам Ленинградской фабрики (так называемым матрицам).

За последнее время группа сотрудников фабрики под руководством техрука Муратова разработала метод изготовления матрицы гальванопластическим путем, копируя их с обыкновенной пластинки.

Метод копировки оказался настолько удачным, что пластинки, изготовленные Свердловской фабрикой, по качеству ничем не отличаются от пластинок московского производства. Таких пластинок уже выпущено около 2 тыс. штук.

Из газеты «На смену!» 22.12.1937 г.

Лом граммпластинок

в неограниченном количестве

ПРИНИМАЕТ

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КИНОКОМБИНАТ,

ВИЗ, Конторская, 19, с 9—3 час., кроме общих выходных.

К СВЕДЕНИЮ ТОРГУЮЩИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

здесь же на складе имеется большой выбор граммпластинок.

Телефон Д1-54-34.

Из газеты «Уральский рабочий» 10.11.1937 г.

ГРАЖДАНЕ! СДАВАЙТЕ старые использованные **ГРАММПЛАСТИНКИ в ОБМЕН на НОВЫЕ.**

◆ Для обмена выпущены специальные граммпластинки московских заводов. Прием старых и битых граммпластинок также производится за наличный расчет.

Сдавая старые граммпластинки, вы поможете экономить валюту, идущую на покупку импортного сырья для выпуска новых пластинок.

Адреса магазинов, в которых производится прием граммпластинок:

Металлосбытширпотреб: улица Вайнера, 16; Уралмашзавод, улица Ильича, 17; Роскультторг, ул. Ленина, 24.

476 1—1

Из газеты «Уральский рабочий» 24.03.1940 г.

Поскольку к 1940 г. центральные заводы стали испытывать затруднения с шеллаком, они инициировали специальные выпуски грампластинок с произведениями, пользующимися повышенным спросом. Эту продукцию можно было получить не за деньги, а только в обмен на старые или битые пластинки. На этикетках делалась надпись или ставился штамп: «Обменный фонд. Продаже не подлежит». Центральные заводы заключали договоры со всеми магазинами, куда производили поставки. С января 1940 г. объявления о приеме лома в обмен на дефицитные пластинки дали почти все магазины культтоваров Свердловска.

Прежде производственный кино-комбинат Свердкинотреста был единственной организацией в городе, принимавшей лом, поэтому удавалось успешно заготавливать сырье. Он тоже дал объявление, что «принимает старые и ломаные граммофонные пластинки в неограниченном количестве по цене 3 руб. килограмм», но на сей раз это не возымело успеха – граждане сдавали лом в магазины. Комбинат лишился сырьевой базы. Изготовление пластинок прекратилось...

Так закончилась история фабрики грампластинок в Свердловске.

28 марта 1940 г. вышло Постановление СНК СССР «Об объединении трестов кинофикации с управлениями кинофикации». Свердкинотрест объединили с Управлением кинофикации при Исполкоме Облсовета. Деятельность Управления направлялась, главным образом, на кинофика-

Пластинка Свердкинотреста на миниатюрном граммофоне СП-1. Из коллекции автора. Фото автора

цию. В его структуру грамфабрику уже не включили...

За период 1936–1939 гг. производственным кино-комбинатом Свердловского областного треста по кинофикации было выпущено на грампластинках около 300 произведений. Свердловчане[15] и жители области получили как минимум 71500 грампластинок[16].

***

Во время Великой Отечественной войны фабрика была переориентирована на выпуск новой продукции – киноуглей[17] для кинопроекторов. 2 августа 1946 г. предприятие официально зарегистрировано как завод киноуглей, который до 1966 г. работал по прежнему адресу – ул. Долорес Ибаррури, 19. В 1966 г. на базе завода киноуглей, киноремонтного и монтажного участков ремпромкомбината областного управления культуры, по адресу ул. Посадская, 16а, был создан Свердловский киномеханический завод, производивший нестандартное кино-оборудование, комплектующие части к кинотеатральным креслам и запасные части к кинооборудованию. В 1993 завод преобразовали в ОАО «Экран», занимавшийся изготовлением мебели для кинотеатров и конференц-залов до 2015 г. Сейчас по этому адресу располагается несколько разноплановых предприятий.

Сноски

[1] Шеллак – природная смола, вырабатываемая насекомыми (так называемыми лаковыми червецами), обитающими на некоторых древесных тропических и субтропических растениях в Индии и странах Юго-Восточной Азии.

[2] Такой вывод можно сделать на том основании, что кино-комбинат в первый раз дал объявление о приеме лома грампластинок 20 мая 1936 г., когда опытная партия пластинок уже была выпущена (до 20 апреля). При сопоставлении пластинок первой партии с последующими, заметно, что качество массы этой партии выше, чем у более поздних выпусков, что говорит о качественном сырье.

[3] Улица Конторская вела к зданию управления (конторы) Верх-Исетского завода, отсюда и ее название.

[4] Улица Токарей в 1930-е гг. именовалась переулком Токарей.

[5] Территория, где с 1935 по 1940 гг. находилась Грамфабрика, а с 1941–1965 гг. – Завод киноуглей. Судьба здания после 1966 года неизвестна. Когда произошел снос, не представилось возможности установить. Фотографию здания найти не удалось. Поиски ее в ГАСО, Екатеринбургском музее архитектуры и дизайна, Музее истории Екатеринбурга, Центре фотографии «Март» (Екатеринбург), Администрации города Екатеринбурга не дали положительного результата.

[6] В конце 1935 г. на Производственном кино-комбинате инженер и изобретатель Р.С.Муратов сконструировал и изготовил аппарат СК-3 для механической записи и воспроизведения звука. Запись велась на кинопленку. Аппараты в процессе изготовления грампластинок не использовались. Они устанавливались в кинотеатрах для передачи анонсов, информации и «музыкальных минуток». В начале января 1936 г. для «музыкальных минуток» в кинотеатрах были записаны выступления солистов Свердловского оперного театра им. Луначарского Алексея Месняева и Александра Новикова и музыкальные отрывки из американского фильма «Кукарача», вышедшего на экраны Свердловска в декабре 1935 г.

[7] Прессовщиками работали исключительно мужчины, т.к. рабочему приходилось осуществлять все операции вручную (перенос прессформы на плиту, с плиты в пресс и выемку из пресса).

[8] На этикетке пластинки «Застольная песенка», выпущенной Свердловским областным трестом по кинофикации, указано, что данная композиция «из тон-фильма «Искатели счастья2. Однако на пластинке не тот вариант записи, что звучит в фильме! В нем шесть куплетов, в фильме – пять. Кроме того, куплет, который идет в фильме первым, на пластинке – пятый по счету. Исполнительница одна и та же – С.И.Фабрикант, и оркестр один и тот же.

[9] Зеркало пластинки – гладкая поверхность между этикеткой и дорожками записи

[10] 25 января 1938 г. были организованы отделы цензуры и контроля за публикациями на городском уровне – ГОРЛИТы.

[11] Копировались пластинки Апрелевского и Ногинского заводов.

[12] У центральных заводов насущная необходимость использования лома грампластинок в качестве сырья появилась позже – в конце 1939 – начале 1940 гг., в связи с возникшей проблемой закупки шеллака за границей.

[13] Пластинки Апрелевского и Ногинского заводов с эстрадным репертуаром стоили 7 руб.

[14] Выявлено автором

[15] Население Свердловска, например, в 1939 г. – 423000 чел.

[16] Если принять общее количество изготовленных матриц за 650 (столько известно), а выход с одной матрицы 220 пластинок (расчет на основе документа 1936 г.)

[17] Киноугли – это угли, которые использовались в кинопроекторах в качестве источника света. Они имеют форму двух

Бывшие работники производственного кино-комбината: техрук Грамфабрики Р.С.Муратов, директор ПКК М.М.Германов, ст. лаборант ПКК А.А.Черный. Свердловск, 1950 г. Фото из архива В.Р.Муратова

цилиндрических палочек медного цвета, заостренных с одного конца. Состоят из медно-графитовой смеси (соли редкоземельных элементов, борная кислота, сажа, кокс, каменноугольная смола). Между киноуглями происходил разряд, и в воздухе возникала дуга интенсивного горения. Световой поток, создаваемый киноуглями, позволял через проекционный объектив передать на экран сильно увеличенное изображение высокой яркости.

Список источников:

ГАСО Ф. Р-2103 Оп 1: Д11, Д32; Оп 4: Д9, Д11, Д15, Д19, Д22,

РГАЛИ Ф. 2456 Оп.1 ед. хр. 1232

Захаров С.А. Свердловские пластинки. Журнал «Урал», 1986, №3. С. 149.

Железный А.И. Наш друг – грампластинка. – Киев. 1989.

Ничков В. Свердловский киномеханический завод. Газета «Вечерний Свердловск», 16.01.1969.

Регирер Е.И. Граммофонная пластинка. – Москва-Ленинград. 1940.

Газета «Уральский рабочий», 4.12.1935.

Газета «Уральский рабочий», 8.12.1935.

Газета «Уральский рабочий», 9.01.1936.

Газета «Уральский рабочий», 15.03.1936.

Газета «Уральский рабочий», 20.05.1936.

Газета «Уральский рабочий», 7.11.1936.

Газета «Уральский рабочий», 4.01.1937.

Газета «Уральский рабочий», 28.04.1937.

Газета «Уральский рабочий», 10.11. 1937.

Газета «На смену!», 22.12.1937.

Газета «Уральский рабочий», 26.01.1940.

Газета «Уральский рабочий», 24.03.1940.

План БТИ. Квартал № 116 Свердловска. Музей архитектуры и дизайна УрГАХУ.

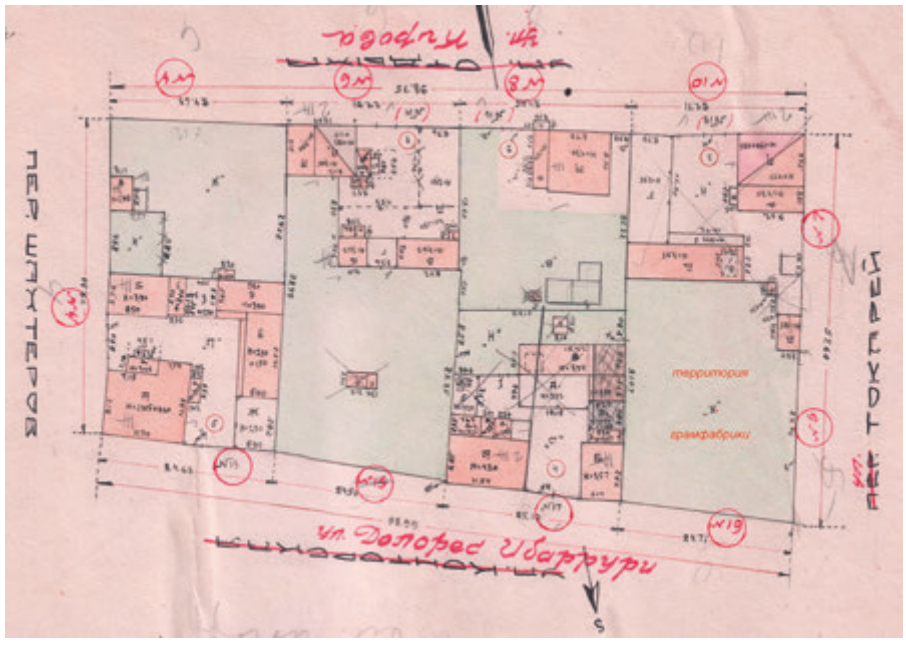
Муратов В.Р. Воспоминания об отце (на правах рукописи).

Этикетка первой пластинки треста «Веселый ритм». Из коллекции автора

Этикетка пластинки Свердкинотреста 1936 г. Из коллекции автора

План 116 квартала, ВИЗ (Свердловск. БТИ, 1932 г.) с более поздними поправками. Под № 19 по ул. Конторской (Д. Ибаррури) – территория Грамфабрики. Из фондов Музея архитектуры и дизайна

Пластинка в «фирменном» конверте Свердкинотреста. Из коллекции автора

Пластинка Свердкинотреста 1939 г. в конверте, изготовленном в Свердловской артели «Вперед». Из коллекции автора

Этикетка грампластинки обменного фонда. Ногинский з-д, 1940 г. Из коллекции автора

Фрагмент зеркала свердловской грампластинки-копии с номером экземпляра матрицы

Фрагмент этикетки с разрешением Свердгорлита

